

В. Г. ХОРОС

**НАРОДНИЧЕСКАЯ
ИДЕОЛОГИЯ
И
МАРКСИЗМ**

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

И Н С Т И Т У Т Ф И Л О С О Ф И И

В. Г. ХОРОС

НАРОДНИЧЕСКАЯ
ИДЕОЛОГИЯ
И МАРКСИЗМ
(конец XIX в.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА

1972

Книга посвящена исследованию идеологии легально-либерального народничества 80—90-х годов и идеологии неонародничества — социалистов-революционеров и народных социалистов. В монографии показывается, что оппозиция народнической мысли марксизму, ее полемика с марксизмом включала в себя и попытку своеобразного преломления, «отражения» марксизма в народнической литературе, стремление мелкобуржуазных теоретиков приспособить отдельные положения марксистской теории к своим взглядам. Философские и социологические взгляды народничества рассматриваются автором в комплексе с экономическими и общественно-политическими воззрениями.

Ответственный редактор

Н. Ф. УТКИНА

Владимир Георгиевич Хорос

**НАРОДНИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ И МАРКСИЗМ
(конец XIX в.)**

Утверждено к печати Институтом философии АН СССР

Редактор издательства *В. И. Суслов*. Художник *Е. Г. Баймин*
Художественный редактор *Н. Н. Власик*. Технический редактор *А. М. Сатарова*

Сдано в набор 2/XI 1971 г. Подп. к печ. 7/II 1972 г. Формат 84×108¹/₃₂.

Бумага № 2. Усл. печ. л. 9,24. Уч.-изд. л. 9,2. Тираж 4450.

T-03646. Тип. зак. 4798. Цена 55 коп.

Издательство «Наука». Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука». Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

1-5-1

№ 192-193-72

ВВЕДЕНИЕ

«Оригинальное явление: марксизм был, уже начиная с 80-х годов (если не раньше), такой бесспорной, фактически господствующей силой среди передовых общественных учений Западной Европы, что в России теории, враждебные марксизму, не могли долгое время выступать открыто против марксизма. Эти теории софистичировали, фальсифицировали (зачастую бессознательно) марксизм, эти теории как бы становились сами на почву марксизма и «по Марксу» пытались опровергнуть приложение к России теории Маркса!»¹.

Возникнув как цельное научное общественное учение, марксизм оказал большое влияние на другие общественные учения — в том числе и такие, которые противостояли ему, в той или иной форме выступали против марксистской теории. Это явление было особенно характерно для общественной мысли в России. В статье «По поводу юбилея» (выдержка из которой вынесена в эпиграф) В. И. Ленин говорил о подделывании под марксизм, стремлении позаимствовать отдельные элементы марксистского учения как о «своеобразной черте развития русских общественных теорий с конца XIX века».

Интерес к марксизму, «хождение» тех или иных положений марксизма в печати и литературе предшествовали выделению российской социал-демократии в самостоятельное идейно-политическое течение. Это обстоятельство, сыгравшее известную роль в смысле пропаганды марксистской идеологии, расчищения для нее идейной почвы, имело и свою оборотную сторону. Уже в начале своей исторической деятельности по соединению научного социализма с рабочим движением русские марксисты столкнулись с различного рода ревизионистскими тенденциями.

---

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 20, стр. 162 — 163.

Вернемся к статье «По поводу юбилея». Какие «теории, враждебные марксизму», В. И. Ленин имел в виду? На этот счет он дает точный ответ. Высказав мысль об идейных течениях, которые «софистицировали, фальсифицировали (зачастую бессознательно) марксизм» и т. д., В. И. Ленин продолжает: «Народническая теория г. Николая — она претендовала на звание «марксистской» (1880—1890 годы), а впоследствии либерально-буржуазная теория гг. Струве, Тугана-Барановского и Ко начинала с «почти» полного признания Маркса, развивая свои взгляды, проводя свой либерализм под оболочкой «дальнейшего критического развития» марксизма»². Иными словами, процесс такого своеобразного идейного «иждивенчества» по отношению к марксизму был характерен не только для либерально-буржуазного направления («легальный марксизм»), но и для народнического (в данном случае выделяется Н. Ф. Даниельсон); в этом плане они поставлены рядом.

Широко известна классическая ленинская характеристика «легального марксизма» (применительно к его идейному манифесту — книге П. Б. Струве «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России»): «отражение марксизма в буржуазной литературе». «Отражение» марксизма (хотя и на иной лад) было свойственно и народнической, мелкобуржуазной, литературе в конце XIX в. Русский марксизм с самого своего появления был вынужден вступить в борьбу с народничеством и его идеологами, с субъективистским толкованием и искажением марксистских идей в народнической печати. Ход и содержание этой борьбы безусловно заслуживают внимательного исследования.

В такой стране, как Россия, утопический (мелкобуржуазный) социализм, выражавший на деле антифеодалные устремления крестьянской массы, по необходимости должен был держаться долго, испытывая на себе при этом известное влияние марксистских идей. Без учета этого момента «отражения» не может быть до конца понято соотношение народнической и марксистской идеологии.

Распространение марксизма в России и, следовательно, «отражение» марксизма в русской обществен-

---

² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 20, стр. 163.

ной мысли и публицистике имеют свою многолетнюю историю³. Народники проявляли заметный интерес к теории Маркса с конца 60-х — начала 70-х годов. Будучи приверженцами утопически-социалистических взглядов, они внимательно следили за всеми «новинками» социалистической мысли Запада, и марксизм привлек их как одна из теорий социализма. Они смотрели на марксизм сквозь призму «этико-социологической школы», утвердившейся среди народнической интеллигенции в 70-х годах, и не замечали принципиального отличия марксизма от других социалистических учений — его научного характера. Этим объяснялась субъективистская интерпретация народниками марксизма как одного из путей осуществления «идеала»; здесь уже начиналось (зачастую бессознательное) искажение марксизма. Придерживаясь своей концепции «самобытности» России, народнические публицисты считали марксизм не применимым к отечественным условиям. Тем не менее они (так же как экономисты Н. И. Зибер, И. И. Кауфман и др.) способствовали пропаганде марксистского учения.

Развитие капитализма, рост рабочего класса и стачечной борьбы привели к тому, что идеи марксизма обрели объективную почву в России. Согласно ленинской периодизации, в последнем десятилетии XIX в. (с 1895 г.) в стране начинается пролетарский период освободительного движения. Массовые выступления рабочего класса, рост социал-демократического лагеря, упрочение теории революционного марксизма, нашедшей себе дорогу в легальную прессу, — все эти факторы оказывали огромное воздействие на общественную мысль и печать. Одно из главных направлений общественной жизни — народническое — сосуществовало рядом с «живым» марксизмом, в той или иной форме противодействовало ему, испытывало на себе его влияние. Друг другу противостояли во многом полярные мировоззрения — субъективная и марксистская со-

³ Распространение идей марксизма в России в 40 — 70-е годы освещено в работах В. В. Шульгина («К вопросу о проникновении марксизма в Россию в 40 — 60 гг.» — «Историк-марксист», 1939, № 5—6; «Ф. Энгельс в русской легальной печати в 40—70 гг.» — «Исторический журнал», 1943, № 3—4), А. Л. Реуэля («Русская экономическая мысль 60 — 70 годов XIX века и марксизм». М., 1956), Ю. З. Полевого («Распространение марксизма в России». — «Вопросы истории», 1956, № 7) и др.

циология, экономический романтизм и научная экономическая теория Маркса — Ленина, пролетарский и мелкобуржуазно-крестьянский социализм. «Отражение», преломление марксизма в мелкобуржуазных теориях выливаются в острую борьбу с русской социал-демократией, — борьбу, которая имела большое значение для всей общественной мысли в России. В этой полемике, где затрагивались кардинальные вопросы русского социального развития, вызревал и креп революционный марксизм, ленинизм, выдвинувшийся на ведущие позиции в освободительном движении. Что же касается мелкобуржуазного, народнического направления, то и оно претерпевало известную эволюцию.

Те или иные аспекты преломления марксизма в народнических теориях частично затрагивались в различных трудах историко-философского, исторического и историко-партийного характера. Советская наука проделала большую работу по изучению народнической идеологии конца XIX в. В исследованиях Н. П. Попова⁴, Е. М. Ярославского⁵, Л. Шаховского⁶, Н. К. Каратаева⁷, Б. А. Чагина⁸ и других дана марксистская оценка мелкобуржуазного, либерально-народнического течения и его места в истории русской общественной мысли. В них разобрана борьба молодой русской социал-демократии против либерального народничества 90-х годов, роль В. И. Ленина, Г. В. Плеханова и других революционных марксистов в разгроме мелкобуржуазной идеологии, прокомментированы их произведения. Недостатком, присущим, однако, на наш взгляд, многим исследованиям, является некоторая односторонность в отношении к народническим теориям 90-х годов (и не только 90-х).

В книге Т. А. Расулова «Критика В. И. Лениным позитивистской социологии в 90-е годы XIX века» содержится обстоятельное рассмотрение теоретических взглядов народничества. Достоинство работы заключается в установ-

⁴ См.: Н. П. Попов. Очерки истории ВКП(б). М., 1933.

⁵ См.: Е. М. Ярославский. Очерки по истории ВКП(б), ч. I. М., 1937.

⁶ См.: Л. Шаховской. Борьба В. И. Ленина и Г. В. Плеханова с либеральным народничеством. Дисс. на соиск. уч. степ. канд. историч. наук. М., 1946.

⁷ См.: Н. Каратаев. Народническая литература 60 — 90-х годов. — В сб. «Народническая экономическая литература». М., 1958.

⁸ См.: Б. А. Чагин. Из истории борьбы В. И. Ленина за развитие марксистской философии. М., 1960.

лении связи субъективной социологии с западноевропейским позитивизмом как философским источником учения Лаврова — Михайловского. Вместе с тем, констатируя общность народнической социологии с огюст-контизмом и спенсерианством, автор проходит мимо существенных различий между обеими системами. Не вскрывается общественная направленность субъективной социологии, ее объективное социальное звучание в контексте пореформенной эпохи. Упор делается лишь на ее методологические слабости. При этом теоретическую отсталость народничества Т. А. Расулов порой склонен объяснять просчетами идеологов, их нежеланием понять марксизм. «Если бы Н. К. Михайловский знал диалектику особенного и общего,— пишет он,— он не изучал бы общество вообще»⁹ и т. д.

Эта односторонность была следствием бытовавшей некогда оценки народников как «злейших врагов марксизма»¹⁰, а также трактовки позднейшего народничества конца XIX и начала XX в. как идеологии кулачества. Между тем уже в первых произведениях, направленных против «друзей народа», В. И. Ленин определял, что их «теории отражают и проводят интересы мелкой буржуазии»¹¹ (т. е. массы мелких производителей, хозяйничающих при системе товарно-денежных отношений, куда входят, кроме зажиточных элементов, широкие слои среднего и полупролетарского крестьянства). Критикуя реакционные стороны народнической доктрины, В. И. Ленин вместе с тем указывал на необходимость выделять «положительные, в глазах марксиста, черты и стороны народничества, как революционно-демократического течения в стране, переживающей канун буржуазной революции»¹². Этот ленинский принцип двоякого, дифференцированного отношения к народничеству учитывался недостаточно. Увлечшись «обличением» народничества, исследователи нередко ограничивались формально-теоретической критикой народнической идеологии, приходили к односторонним

---

⁹ Т. А. Расулов. Критика В. И. Лениным позитивистской социологии в 90-е годы XIX века. Баку, 1960, стр. 83.

¹⁰ См., например: С. М. Петров. О работе В. И. Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» Минск, 1949, стр. 13.

¹¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 298.

¹² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 16, стр. 98.

выводам. Это было характерно для многих работ прошлых лет¹³.

В последнее время народническое учение обогатилось целым рядом содержательных исследований, в том числе посвященных периоду 80—90-х годов. Среди последних отметим работы Н. К. Каратаева¹⁴, Н. Т. Колесникова¹⁵, В. В. Иванова¹⁶, где дается ленинская оценка либеральных народников как идеологов мелкой буржуазии, обращено внимание на необходимость дифференцированного подхода к теориям и программам народничества, на соблюдение принципа историзма. В частности в этом плане отметим недавно вышедшее издание «История философии в СССР», в третьем томе которого в соответствующих разделах содержится весьма обстоятельный и конкретный анализ теоретических взглядов революционного и либерального народничества. Тем самым заложены основы для дальнейшего изучения народнической мысли конца XIX в., проблемы которой, однако, и сегодня еще не могут считаться исчерпанными.

Прежде всего не получил достаточного освещения процесс «отражения» марксизма в народнических теори-

---

¹³ См.: К. Костко. Разгром народничества марксизмом.— «Большевик», 1935, № 15; Э. Генкина. О книге В. И. Ленина «Что такое друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» М., 1936; Д. Марков. Борьба с народничеством как злейшим врагом марксизма. Л., 1937; Г. Гак. О книге В. И. Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» М., 1939; Г. Якуб. Борьба В. И. Ленина против либерального народничества. Автореф. канд. дисс. М., 1950, М. Г. Шестаков. Разгром В. И. Лениным идеалистической социологии народничества. М., 1951; Н. Халипов. Борьба В. И. Ленина против субъективной социологии либерального народничества. Минск, 1954; Н. Г. Дорожкин. Развитие В. И. Лениным материалистического понимания истории в борьбе с народничеством. М., 1954.

Можно привести выдержку из последней работы как пример существовавшего некогда отношения к народнической идеологии: «Основатели субъективной социологии уподобились саврасу без узды, носились по иноземному полю реакционной социологии, хватая с него ядоносные идеи...» (стр. 6). Подобная предубежденность не способствовала, конечно, научному выяснению проблемы.

¹⁴ См.: Н. К. Каратаев. Либеральное народничество.— «История русской экономической мысли», т. II, ч. 2. М., 1960.

¹⁵ См.: Н. Т. Колесников. Борьба В. И. Ленина против либерального народничества в аграрном вопросе. Автореф. канд. дисс. М., 1965.

¹⁶ См.: В. В. Иванов. Принцип историзма в ленинской критике либерального народничества. (По материалам 90-х годов). Автореф. канд. дисс. Томск, 1966.

ях, истоки которого относятся к 70—80-м годам (Н. Ф. Даниельсон и др.), но который особенно нагляден в конце 90-х — начале 900-х годов, когда в народнической литературе прочно утверждаются ревизионистские тенденции. Между тем это явление изучено слабо. В обширной монографии Я. Р. Волина народнический ревизионизм рассматривается лишь со стороны общности взглядов эссеров и «экономистов»¹⁷. Не рассматривается эта проблема в книге Б. А. Чагина «Борьба марксизма-ленинизма против философского ревизионизма (конец XIX — начало XX в.)». Л., 1959. Исключение составляют статьи Е. И. Лаврова и Н. К. Фигуровской в «Истории русской экономической мысли», но по самому характеру издания преломление марксизма в мелкобуржуазных теориях исследуется там исключительно лишь в плане экономической проблематики.

Многие исследователи придерживались концепции неуклонного спада народничества, начинающегося с 80-х годов, проводили кардинальный водораздел между народническими теориями 70-х годов и более позднего времени, между революционным и либерально-легальным его крылом. При таком подходе теряется связь различных периодов народничества XIX в., равно как народничества XIX и XX вв. Подобная позиция свойственна даже исследователям, много сделавшим для исправления прежнего негативистского отношения к народничеству. Вот что писал, например, Б. П. Козьмин: «...Народничество, бывшее в первые десятилетия своего существования в основном течением прогрессивным, к концу 80-х и к началу 90-х годов превратилось в глубоко реакционное...»¹⁸

Думается, что определять два периода и два направления в народничестве как нечто «прогрессивное» и «глубоко реакционное» было бы упрощением. Граница между революционным и либеральным народничеством проходит сложнее, а связь их не подлежит сомнению. Уже в первой своей работе о народничестве «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» В. И. Ленин учитывал это обстоятельство. Так, для ил-

---

¹⁷ См.: Я. Р. Волин. Борьба В. И. Ленина против оппортунизма за создание и укрепление партии нового типа. Пермь, 1964, стр. 311.

¹⁸ Б. П. Козьмин. Из истории революционной мысли в России. М., 1961, стр. 727.

люстрации основных положений классического народничества 70-х годов он использует статьи Г. З. Елисеева и Н. К. Михайловского, подразумевая тем самым теоретическую общность двух его ветвей. И в дальнейшем, разбирая те или иные группы и течения внутри народничества (в том числе и либеральные), он всегда соотносил их с родовым понятием народничества, со всей историей крестьянской демократии в целом. Различие между революционным и либеральным направлениями в народничестве нисколько не устраняет их идейной или организационной связи как двух тенденций внутри единого общественного течения, вызванного к жизни определенными социальными потребностями и решавшего определенные исторические задачи.

При рассмотрении мелкобуржуазной народнической мысли конца XIX в. многим авторам свойственна некоторая статичность анализа, подведение народников 90-х годов под одну категорию «друзей народа». В результате упускалась из виду эволюция народничества в указанный период, становилось непонятным соотношение народников 90-х и 900-х годов. Что касается последних (прежде всего социалистов-революционеров), то материалы по этой теме пока изучены крайне незначительно. Очень мало внимания уделялось народническим изданиям, прослеживанию журнальной борьбы.

Все это говорит о том, что проблема освещения народничества конца XIX в. и его идейной борьбы с марксизмом нуждается в дальнейшем исследовании. Верная оценка народничества, важная сама по себе, еще более важна для понимания того, как в сложной, отнюдь не прямолинейной и весьма нелегкой борьбе с мелкобуржуазно-народническими учениями вызревал и креп революционный марксизм, ленинизм, для выяснения его теоретического соотношения с этими учениями. Опыт этой борьбы не потерял актуальности и по сей день, поскольку различные буржуазные и мелкобуржуазные идеологи выступают с оппортунистическими теориями или «левыми» утопиями, прикрытыми марксистской терминологией.

Надо отметить, что у современных западных философов и историков — «специалистов по марксизму» — в большом ходу идея сближения марксизма и народничества. Например, Дж. Биллингтон в работе «Михайловский и народничество» без обиняков заявляет, что «существу-

ет тесная связь между народничеством и большевизмом»¹⁹, что последний якобы произошел от народничества. Такова же позиция А. Ярмолинского, автора книги «Дорога к революции»²⁰. Лучшим ответом на эти несостоятельные утверждения будет всесторонний, подлинно научный разбор самой проблемы — проблемы соотношения пролетарской и народническо-крестьянской идеологии, их действительных точек соприкосновения (в практике русского освободительного движения) и большой дистанции, их разделяющей.

Изучение народнической мелкобуржуазной идеологии особенно актуально в наши дни. В. И. Ленин не ограничивал ее значение русскими рамками. И это особенно надо помнить теперь, когда в Азии, Африке и Латинской Америке развернулась национально-освободительная борьба, когда перед коммунистическими партиями встает важная проблема взаимоотношения с мелкобуржуазными движениями народнического типа, проблема руководства этими движениями. Освоение соответствующего опыта русских революционных марксистов несомненно сыграет здесь положительную роль.

* * *

Народническая мысль в предлагаемой работе рассматривается комплексно. Хотя субъективная социология и выделяется как центральное звено теоретических взглядов народничества, тем не менее изложение проблемы не ограничивается ее социологическим аспектом. Социология народничества тесно связана с его экономическим учением, общественно-политическими взглядами и практическими программами, рассмотрение которых должно быть включено в данную тему.

В книге уделено значительное внимание народнической публицистике, анализу периодических изданий. Десяностые годы являются периодом, непосредственно предшествующим образованию в России партийной печати, в том числе и народнической. Теоретическая борьба народничества и марксизма на страницах легальной печати как бы предвосхищала последующую борьбу

---

¹⁹ J. Billington. *Mikhailovsky and populism*. Oxford, 1958, p. 185.

²⁰ См.: А. Yarmolinsky. *Road to revolution*. London, 1957.

партий, борьбу практических программ. В связи с этим исследование процесса «отражения» марксизма в мелкобуржуазных теориях на материале публицистики народнических изданий представляется очень важным.

Тема «отражение марксизма в мелкобуржуазной литературе» предполагает изучение внутреннего развития самого народничества. Поэтому решение данной темы необходимо связано с прослеживанием эволюции теоретической народнической мысли 90-х годов (а также на предшествующей ей стадии 70—80-х годов).

Главными источниками в работе автору служили народнические периодические издания — журналы «Отечественные записки», «Русское богатство», «Новое слово» и газета «Неделя». Использовались и книги народнических и иных авторов, нелегальные народнические издания, материалы дореволюционных и послереволюционных исследований, мемуарная литература, архивные материалы. Особое внимание было обращено на труды К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, а также Г. В. Плеханова, Н. Е. Федосеева и других марксистов. Основным методологическим «компасом» в работе автору служили труды В. И. Ленина. Они включают в себе всестороннюю историческую, теоретическую и конкретно-политическую оценку народнической идеологии. Освоение ленинского учения о народничестве, на наш взгляд, еще далеко не завершено, и поэтому дальнейшее его исследование дает новые возможности раскрытия данной темы.

Глава I

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СУБЪЕКТИВИЗМ НАРОДНИЧЕСТВА

в 70—80-х годах

Генезис субъективной социологии

В последнее время советская наука, руководствуясь ленинскими оценками русского освободительного движения, раскрыла прогрессивное значение народничества в разночинский предпролетарский период (1861—1895 гг.), показала его демократическое «ядро» как выражение антикрепостнических интересов крестьянских масс. В характеристике же народнической философии и социологии марксистский принцип конкретного историзма проводится, на наш взгляд, еще недостаточно. Исследователи нередко ограничиваются лишь критикой философско-социологических взглядов народничества. Они обычно говорят о позитивизме и субъективизме, мировоззренческой отсталости народников в сравнении с их предшественниками. Подобная критика народнического субъективизма, сама по себе нужная и принципиально важная, в то же время порой страдает декларативностью, недостаточной аргументированностью, в ней зачастую отсутствует рассмотрение конкретно-исторических условий, способствовавших появлению и функционированию тех или иных народнических идей.

Возьмем проблему определенных теоретических «потерь» народнического мирозерцания сравнительно с «людьми 40-х—60-х годов». Чем же объяснить этот «шаг назад»? Б. П. Козьмин, например, считал, что «идейный разброд середины 60-х годов, отсутствие достоверных сведений о положении крестьянства, вера в антибуржу-

азные свойства реформы 1861 г.,— все это, взятое в целом, создавало почву, благоприятную для отхода от достижений революционной мысли 60-х годов, а затем и для вырождения народничества в мещанский оппортунизм»¹.

Легко заметить, что здесь идейный момент обусловлен идеологическими же факторами. Другие авторы предпочитают вообще обходить этот вопрос. Ничего не говорится о генезисе народнического мирозерцания и в «Истории философии» (т. IV).

Правда, в последнее время эта проблема затрагивается некоторыми авторами. А. А. Галактионов и П. Ф. Никандров называют субъективную социологию народничества «наиболее адекватным отражением настроений демократической интеллигенции пореформенного периода»². А. И. Володин также указывает на связь теоретических построений народнической мысли с переходным временем конца 60-х и начала 70-х годов³. Но подробно эта связь не исследуется. Неясно соотношение между общефилософскими посылками и социологическими выводами народничества.

Некоторые авторы (исходя, может быть, из стремления «реабилитировать» народничество) не придают особого значения философско-социологическим схемам, считая их малозначащими для массового народнического движения. Так, Р. В. Филиппов, приведя слова народо-вольца О. В. Аптекмана, что философское мирозерцание Лаврова было для участников хождения в народ книгой за семью печатями, делает вывод о второстепенной роли «субъективной» социологии⁴.

Безусловно, многие практики народничества не вдавались в философские тонкости теорий своих учителей. Но умозаключать отсюда об отсутствии связи между теорией и практикой неверно, ибо нет общественного движения без соответствующей идеологии, теории. Несом-

---

¹ Б. П. Козьмин. Из истории революционной мысли в России. М., 1961, стр. 699.

² А. А. Галактионов и П. Ф. Никандров. Идеологи русского народничества. [Л.], 1966, стр. 128.

³ См.: А. И. Володин. П. Л. Лавров-теоретик.— «Вопросы философии», 1966, № 6.

⁴ См.: Р. В. Филиппов. Из истории революционно-демократического движения в России в конце 60-х — начале 70-х годов XIX в. Петрозаводск, 1962, стр. 31.

ненно, что с точки зрения самых общих критериев философско-социологический субъективизм народничества был теорией более низкого «качества» по сравнению с материалистическим мировоззрением Чернышевского и его единомышленников. Но тогда тем более важно уяснить, почему же отсталые (в философском плане) концепции явились выражением передовых для того времени общественных сил, причем унаследовавших революционно-демократическую направленность своих предшественников; почему несостоятельные в общем и целом теории несколько десятилетий владели умами прогрессивной интеллигенции и молодежи. Подобное несоответствие между теоретической ценностью общественного учения и его исторической значимостью во всяком случае заслуживает исследования.

Ниже мы проследим формирование философско-социологических взглядов народничества на материале «Исторических писем» П. Л. Лаврова и статьи «Что такое прогресс?» Н. К. Михайловского. Их программные положения, появившиеся практически одновременно и независимо друг от друга, совпадают в ряде существенных пунктов. Уже само по себе такое совпадение свидетельствует о закономерности определенной идеологической тенденции.

Прежде всего обратим внимание на тот факт, что оба мыслителя, несмотря на различие отдельных положений и выводов, исходят из одного идейного источника. «Всей современной цивилизации приходится видеть в позитивизме свое естественное требование»⁵, — пишет Лавров. А Михайловский отмечает, что «в то время как мы еще делимся на материалистов и спиритуалистов, передовая западная мысль в лице Конта, Спенсера и проч. отрицает и ту и другую систему»⁶. Итак, «не сговариваясь», оба писателя заявляют о своей солидарности с позитивизмом.

Послереформенные 60-е годы в России были трудным временем для демократических сил. Подавление крестьянских бунтов, преследования, переход либералов на сторону реакции — так кончилась первая револю-

---

⁵ П. Л. Лавров. *Философия и социология. Избранные произведения* в двух томах, т. 2. М., 1965, стр. 584.

⁶ Н. К. Михайловский. *Сочинения*, т. I. СПб., 1896, стр. 17.

ционная ситуация. В обстановке общественного упадка передовая демократическая мысль ищет выхода, стремится осмыслить уроки борьбы, критически проверяет былые идеалы. Вокруг наследия Чернышевского вспыхивает спор между Антоновичем и Писаревым, и побеждает Писарев, отошедший по многим вопросам от «наследства», но сумевший дать молодежи новую программу «самообразования». Возросший интерес к естественным наукам и точным фактам, эмпирии, только подчеркивает необходимость нового синтеза, обобщающих идей. В поисках теории представители демократической мысли обращаются к Западу.

На Западе в то время одним из самых влиятельных течений был позитивизм. Его утверждение в середине века было связано с бурным развитием естествознания, переросшего традиционную метафизику, а также с потребностью новых понятий в общественных науках после катаклизмов 1789—1814 гг. Основатель позитивизма О. Конт возвестил о «революции» в философии. Наука лишь описывает факты, не вникая в их сущность,— гласило основное положение «позитивной» теории познания. Извечные философские проблемы субъекта и объекта, сущности и явления, субстанции, природы познания и другие исключались позитивизмом из гносеологии как «метафизические». Этот принцип — ни материализм, ни идеализм — был своеобразной попыткой эклектического сочетания материалистической направленности естественных наук с идеалистическими тенденциями в понимании общественного процесса. Правда, для анализа общественной жизни Конт пытался приспособить понятие эволюции. Он явился одним из родоначальников социологии как синтеза различных наук.

Идеи О. Конта, развитые Д. Миллем и Г. Спенсером, естественно и легко вписались в мировоззрение среднего европейского буржуа. Агностицизм в философии, эволюция в истории, либерализм в политике — так выглядела «первая историческая форма позитивизма»⁷, идеология победившей и окрепнувшей буржуазии. Материалистические элементы позитивизма привлекали к нему широкие круги естествоиспытателей, научной интеллигенции.

---

⁷ См.: В. А. Лекторский. От позитивизма к неопозитивизму.— «Вопросы философии», 1966, № 9.

Это обстоятельство было немаловажным в глазах русских демократов. Люди, воспитанные на «антропологическом принципе в философии», не могли бы принять, скажем, откровенный волюнтаризм Шопенгауэра или берклеанство.

Чем же привлек идеологов народничества «буржуазный» позитивизм?

Центральным фактором исторического процесса Лавров считает умственную деятельность. История, по его представлению, начинается с выделения биологически сильных особей, превосходящих в интеллектуальном отношении своих соплеменников. «Двуногая аристократия» двигает вперед общественное развитие и одновременно становится источником неравенства, угнетения. Свою власть она материализует в государстве, войске, аппарате пропаганды. Вместе с тем в господствующем слое выделяются критически мыслящие личности. Эти немногочисленные интеллигенты осознают социальную несправедливость, выступают против нее, будоражат сознание других. Они-то и являются носителями подлинного прогресса, «формула» которого состоит во всестороннем развитии личности и в достижении справедливого строя.

Набросав свою историческую схему, Лавров делает к ней характерное пояснение. «Говоря о прогрессе, никому не следует думать, что он решает вопрос: как *действительно* совершается течение событий? каков естественный закон истории?»⁸ Это, несомненно, позитивистский взгляд. Изучать социальную жизнь «в себе», с точки зрения ее объективных закономерностей, «сущностей» значило бы гоняться за химерой. Если так, что же тогда будет критерием познания? Нравственная позиция исследователя, отвечает Лавров. Анализируя общественные отношения людей, историк может руководствоваться только собственным опытом отношения к людям, т. е. нравственными взглядами.

Но как формируется нравственность? Опять-таки с позиций позитивизма это вопрос не теории, а факта. Действия людей, рассуждает Лавров, всегда направляются теми или иными индивидуальными побуждениями и

---

⁸ П. Л. Лавров. Избранные произведения в двух томах, т. 2, стр. 239.

целями. Субъективное отношение человека к явлениям общественной жизни само есть явление общественной жизни, суть которого выяснить нельзя. Можно только констатировать, что любой человек естественно и неизбежно руководствуется симпатиями и антипатиями. Так же социолог, историк, политик — каждый выдвигает свой идеал общежития. От его нравственного уровня зависит, станет он на сторону угнетателей или угнетенных. «...*Научно* можно признать лишь факт *сознания произвольности* в постановке целей ... оставляя метафизике вопрос: призрачно это сознание или нет»⁹.

Идеал не соотносится с действительностью. Стало быть, отпадает необходимость обосновывать реальность идеала, его достижимость. Будет ли осуществлен прогресс — неизвестно. Но «существует ли закон природы или нет, ведущий к нравственному прогрессу, — это *не касается личности... не должно влиять на нравственные стремления*»¹⁰. Теоретик народничества отстаивает суверенитет нравственности, которая независима от чего бы то ни было, право индивида на активность.

Встав на эту точку зрения, Лавров последовательно проводит ее в «Исторических письмах». Наука превращается в агитацию, объяснение фактов — в их осуждение. Фразами «своевременно не додумались», «не поняли» и т. д. пестрит взволнованная речь народнического мыслителя. До сих пор интеллект служил лишь орудием порабощения. Знания, искусство, техника — все это создано на костях миллионов. Как снежный ком, растет цена прогресса, долг интеллигенции перед народом. Отдельные личности, которые пытались в прошлом оплатить этот долг, оказались бессильны изменить течение событий. Но, рисуя безотрадные картины истории, Лавров далек от того, чтобы разуверить своих читателей в возможности достижения справедливого строя. Наоборот, отбросив теоретическое решение этого вопроса, он тем больше сосредоточивается на стороне практической. В чем единственная гарантия успеха для критически мыслящей личности? В активности, объединении вокруг себя единомышленников, в создании организации, партии. Коль скоро нравственные стремления личности распространяются

---

⁹ П. Л. Лавров. Избранные произведения в двух томах, т. 1, стр. 611.

¹⁰ Там же, т. 2, стр. 240. (курсив наш.— В. Х.).

среди других, они станут общественной силой. Сплоченные в принципах, целях и действиях, люди смогут добиться желаемого социального переустройства.

В схеме Михайловского личность также является главной ценностной категорией. Но проследивает он в истории, в отличие от Лаврова, не интеллектуальное развитие, а движение общественных форм. Первобытный строй, по его мнению, основывался на индивидуальной «разнородности», т. е. трудовой универсальности человека, и общественной «однородности», равноправии людей между собой. Затем начинается процесс дифференциации — расслоение общества на управляющих и управляемых, разделение труда, рост торговли, промышленности и т. д. На этой стадии увеличивается общественная «разнородность», зато трудовая деятельность и вся жизнь отдельного человека получают все более односторонний характер. Под знаком растущей «однородности» личности развивается современная цивилизация, ярким примером которой для писателя служат «фабричные». Михайловский допускает, что социальная структура усложняется, прогрессирует. Он признает и неизбежность перехода от первой стадии ко второй. Но последовательно детерминистический взгляд его не устраивает. «Кроме истинности, достаточной для естествоиспытателя, — пишет он, — предвзятое мнение социолога должно отразить в себе его идеал справедливости и нравственности»¹¹.

Противопоставление истины социологической истине естественнонаучной покоится у Михайловского опять-таки на позитивистской теории познания. Для него истина вовсе не есть соответствие с предметом в его имманентности, а лишь «известный, специальный случай равновесия между субъектом и объектом»¹². В естествознании «равновесие» достигается опытом, при получении желаемого результата. В социологии же предметом изучения является человек — объект, который тождествен с субъектом. «Мыслящий субъект только в таком случае может дойти до истины, когда вполне сольется с мыслимым объектом..., то есть войдет в его интересы, переживет его жизнь, перемыслит его мысль, перечувствует его чувство, переживает его страдание, проплачет его слезами»¹³. Иными

¹¹ Н. К. Михайловский. Сочинения, т. I, стр. 14.

¹² Н. К. Михайловский. Сочинения, т. III. СПб., 1897, стр. 347.

¹³ Н. К. Михайловский. Сочинения, т. I, стр. 56.

словами, основой общественной науки является сочувствие. Если социолог, сочувствующий угнетенным, разработал социальный идеал, исключаяющий всякое угнетение, искомое «равновесие» субъекта с объектом достигнуто и обладает неоспоримым патентом на истину.

Поэтому, так же как Лавров, Михайловский без колебания подходит к истории с «предвзятым мнением». Личность не может, не должна быть придатком общества, частью целого, ибо она сама есть целое и «неделимое». Поскольку развитие социального организма ведет к регрессу индивида, подобное развитие надо осудить как «патологическое». И не только осудить, но всячески способствовать созданию иной общественной среды, благоприятной для прогресса личности. За это должны взяться лучшие люди из интеллигенции. Им адресует Михайловский свою «формулу прогресса»: возвращение человечества, — разумеется, на базе современных культурных достижений — к формам простого сотрудничества, возможно большее разделение труда между органами, возможно меньшее разделение труда между людьми¹⁴.

Таким образом, идеологи народничества независимо от оттенков аргументации приходят к одинаковым результатам. Последовательно развитый агностический принцип открывает двери субъективизму. «...В позитивизме совершенно законно может и должен быть употреблен субъективный метод»¹⁵, — говорит Лавров в статье, вышедшей в одно время с «Историческими письмами».

По существу «субъективный метод» означал субъективный идеализм. Но мы уже говорили, что для передовых русских демократов 60-х годов были неприемлемы прямо ретроградные философские системы. Поэтому свои выводы они смягчают различного рода оговорками. Лавров, например, не отрицает связь субъективных стремлений людей с их потребностями. Потребности низшего порядка (экономические, биологические, привычки, быт и пр.), говорит он, конечно, объективны, но они не осуществляют прогресса. Сознание миллионов тружеников, обусловленное «низшими» потребностями и придавленное ими, неизбежно ограничено самыми элементарными побуждениями. Иное дело потребности высшего поряд-

¹⁴ См.: *Н. К. Михайловский. Сочинения*, т. I, стр. 150.

¹⁵ *П. Л. Лавров. Избранные произведения в двух томах*, т. 1, стр. 613

ка — стремление к знанию «независимо от пользы». Оно остается пока уделом интеллигентного меньшинства. Только меньшинство способно возвыситься до понимания социальной несправедливости, до критики существующих отношений.

Критика «со своими неумолимыми запросами» приходит в общество и «начинает нарушать... сонную рутину скромных уголков»¹⁶. Должна ли она принять во внимание объективный фактор — сложившиеся порядки, тенденции развития, сопротивление? Да, но «все, что совершается независимо от ее воли, для нее есть лишь *орудие* (курсив наш.— В. Х.), среда, предмет объективного знания»¹⁷ и только. (Мы помним: ничто не должно влиять на нравственные стремления...). Личность может столкнуться с непониманием со стороны тех, ради кого она действует. Тогда «именно во имя народного духа... личность должна подвергнуть народный дух критике»¹⁸.

В целом «поправки на объективность» не меняют общего характера взглядов Лаврова. У Михайловского элемент детерминизма заметнее, но это только придает его воззрениям большую эклектичность. Признавая общественный прогресс, он тут же отрицает его во имя прогресса личности. Аналогичным образом осуждает он констатируемую им закономерность современной цивилизации, тенденцию к регрессу личности. В то же время, стремясь к «социологическому реализму», Михайловский предлагает учитывать существующие общественные формы, с тем чтобы составить из них наилучшую «комбинацию». «Наличным элементам действительности» отводится как бы роль кирпичиков для постройки нового социального здания, план которого родился особняком от действительности, в голове социолога. «Не то, чтобы объективный метод должен быть совершенно удален из этой области исследования (т. е. из общественной науки.— В. Х.), а только то, что высший контроль должен здесь принадлежать субъективному методу»¹⁹.

Рассуждения о субъективном и объективном методах чрезвычайно показательны для идеологов народничества. В их глазах объективный метод означал оправдание дей-

¹⁶ П. Л. Лавров. Избранные произведения в двух томах, т. 2, стр. 112.

¹⁷ Там же, стр. 240.

¹⁸ Там же, стр. 118.

¹⁹ Н. К. Михайловский. Сочинения, т. I, стр. 148.

ствительности. Они с негодованием говорят о «фетишистах исторического процесса», «пассивных зрителях науки», которые с бесстрашной скрупулезностью оправдывают «естественной необходимостью» эксплуатацию человека человеком, подавление слабого сильным. И здесь русские последователи Конта и Спенсера расходились со своими западными учителями. Народнических мыслителей не устраивал, если употребить современный термин, «сциентистский» характер позитивизма, его тенденция к функционально-описательному изучению социальной действительности, минуя нравственно-оценочный момент. В статье «Задачи позитивизма и их решение» Лавров вскрывает противоречивость контовской системы, несоответствие субъективного и объективного методов. С не меньшей убежденностью критикует Михайловский «буржуазного» Спенсера, для которого объективный метод предполагает «чувство совершенного удовлетворения эмпирической действительностью»²⁰. Михайловский показывает, что за мнимым беспристрастием западного мыслителя скрывается ревностная апологетика буржуазных отношений. Тем самым он выявлял теоретическую непоследовательность Спенсера как сторонника объективного метода. Равным образом выступал Михайловский против русских позитивистов буржуазного толка (А. Стронин, П. Лилиенфельд).

Как видим, публицисты-народники не все принимали в позитивизме. Соглашаясь со «сциентистской» ориентацией в области естествознания, они решительно отвергали ее в социальной науке, которая, по их убеждениям, должна строиться на сугубо личностно-гуманистических критериях. Философские послышки служили Лаврову и Михайловскому в основном для создания оригинальной социологической теории.

Таким образом, позитивизм для народников явился формой перехода к субъективной социологии, философско-теоретической базой ее.

Для этой цели он оказался как нельзя более пригодным. В общественном мнении он снискал себе прочную репутацию «научности». С другой стороны, эклектицизм, расплывчатость основных положений позитивизма делали его удобным для различного рода идеалистических ва-

---

²⁰ Н. К. Михайловский. Сочинения, т. I, стр. 135.

риаций. Недаром основатель позитивизма О. Конт, начав с утверждения принципа научного подхода к действительности и «строгого» закона трех стадий, пришел в конце концов к некоей социальной утопии «новой религии». Народники не замедлили обратить внимание на это обстоятельство. И в применении принципов позитивизма к общественной жизни они оказались, пожалуй, в каком-то смысле последовательнее своих западных коллег. Объяснялось это конечно, не особым теоретическим превосходством русских учеников Конта и Спенсера, а тем что их мировоззрение складывалось в условиях иной социальной действительности. «Мы, к счастью или к несчастью, еще не доросли до объективного отношения к фактам общественной жизни»²¹, — иронизировал Михайловский в полемике со Спенсером.

Авторы «Исторических писем» и статьи «Что такое прогресс?» именно и стали основателями русской «этико-социологической» школы, провозгласившей субъективный метод в общественной науке. Но между ними — Лавровым и Михайловским — было и расхождение. Его заметил сам Лавров. «Г. Михайловский, — писал он — принял слово *справедливость* в смысле *легальности*, как весьма часто понимают ее юристы»²². Сходившись в идеале утопического социализма, теоретики народничества расходились тогда в средствах его осуществления. В отличие от Лаврова Михайловский признавал возможным путь реформ в рамках существующих отношений. И это расхождение не было случайным — в какой-то мере оно означало намечавшиеся различные общественно-политические тенденции внутри народничества.

Но различие между двумя тенденциями народничества несколько не устраняет их философско-методологического единства. К тому же в эпоху активного народничества различие это еще не проступает слишком определенно. Идеи Лаврова, подхваченные революционерами-семидесятниками, поддерживал со страниц «Отечественных записок» Михайловский, сам сблизившийся в конце 70-х годов с «Народной волей». Лишь позднее реформистское крыло в народничестве становится преобладающим.

²¹ Там же, стр. 16.

²² П. Л. Лавров. Формула прогресса г. Михайловского. — «Отечественные записки», 1870, № 2, стр. 239.

Мы проследили формирование философско-социологических взглядов народничества в абстрактно-теоретическом плане. Теперь посмотрим, как они были связаны с соответствующей исторической ситуацией. Вернемся еще раз к эпохе 60-х — начала 70-х годов.

Реформа 1861 г. всколыхнула Россию. Грозное брожение среди крестьянства, всеобщее недовольство крепостническими порядками, кризис «верхов» — все это электризовало атмосферу. Вершиной русской общественной мысли явилась в то время революционно-демократическая идеология Чернышевского.

Чернышевский был убежденным материалистом, сторонником Фейербаха. Правда, в социальной области материализм его был непоследовательным. Но в таких существенных вопросах, как роль народных масс в истории, признание законосообразности общественных явлений и их принципиальной познаваемости, Чернышевский стоял на передовых позициях. Глубоко изучив общественный строй России, Чернышевский показал грабительский характер реформы 19 февраля. «Партия Чернышевского» допускала возможность всенародного восстания. Некоторые революционеры-демократы даже приурочивали восстание к 1863 г., в котором намечалось введение уставных грамот. Тогда, считали они, обман пресловутого «освобождения» окончательно станет ясным для крестьянства, и оно возьмется за топоры.

Однако ни в 1863 г., ни позже всенародного восстания не произошло. Разрозненные крестьянские выступления были легко подавлены. Оправившись от потрясения, правительство приступило к суровому преследованию недовольных, к арестам революционеров. Неспособность широких крестьянских масс к сознательной борьбе, слабость демократического авангарда, сила старого порядка — такая «объективная действительность» предстала перед русской прогрессивной мыслью...

Но оппозиционное движение не исчезло.

«Еще в конце 60-х годов, — говорилось в одной официальной записке, — в Петербурге и Москве в среде учащейся молодежи стало проявляться стремление к образованию ассоциаций, кружков, с целью денежного вспомоществования, обмена мыслей и дополнения путем чтения и бесед пробелов школьного учения... Нет никакого сомнения в том, что направление, принятое... нашу

так называемую обличительную печатью... с громкими фразами о нуждах, пользе и бедственном положении низших классов не могло пройти бесследно и не повлиять на впечатлительную... молодежь, столь естественно стремящуюся в своих мечтах к возможности осуществления в жизни недостижимых идеалов всеобщего братства, равенства, свободы»²³.

Ассоциации, нелегальные общества аккумулировали общественный протест. Среди них можно назвать переплетное товарищество и ишутинский кружок в Москве, откуда вышел Д. В. Каракозов, коммуны наборщиц П. А. Спиридова, швейную мастерскую сестер Ивановых. В Петербурге — тайное общество И. А. Худякова, А. А. Кобылина и др., к которому был близок друг Н. К. Михайловского Н. Д. Ножин. Михайловский тоже отдал дань времени, истратив доставшееся ему небольшое наследство на переплетную мастерскую. Участником революционного подполья 60-х годов был и П. Л. Лавров.

Обнаруживается интересная черта первого пореформенного десятилетия: одновременно с *упадком*²⁴ революционных настроений в крестьянстве *нарастает* оппозиционная волна интеллигенции и студенчества. На общественную арену выходит разночинец. Разбуженный событиями 60-х годов и могучей проповедью «Современника», разночинец-интеллигент стремился к борьбе с самодержавием и крепостничеством, несмотря на отсутствие массовой поддержки со стороны крестьянства.

Порождением этой своеобразной исторической ситуации и была субъективная социология народничества.

Можно понять, каким откровением для демократического читателя той поры явились «Исторические письма» и статья «Что такое прогресс»? «Критически мыслящий» разночинец обрел теоретическую санкцию своим побуждениям. Личность — сила, говорили ему. Объективные законы, ни от кого не зависящие обстоятельства? Они все равно непознаваемы. Важны твои отношение к

²³ Цит. по: Е. Андреевич. Опыт философии русской литературы. СПб., 1905, стр. 327 — 328.

²⁴ По сравнению с 1861 — 1863 гг. число крестьянских выступлений в 1867 — 1869 гг. упало в целом более чем в 10 раз. (См. «Крестьянское движение в России в 1861 — 1869 гг. Сборник документов». М., 1964, стр. 18.)

жизни, твоя решимость бороться с несправедливостью, твои нравственные стремления. Все остальное — лишь орудие в руках деятеля. Благоприятна или неблагоприятна обстановка, труден или легок путь борьбы, будет достигнут результат или нет — это не должно влиять на нравственные стремления. Если масса не идет за личностью, надо разбудить массу, подвергнуть ее «критике», а в крайнем случае рассчитывать до поры на собственные силы... При этом новый социологический катехизис был освящен последним словом европейской философской мысли и авторитетом «научности».

Таким образом, этот поворот передовой русской общественной мысли был обусловлен определенными историческими причинами. Более того, в обстановке спада массового движения он сыграл, если так можно выразиться, стимулирующую роль. Показателем этого может служить не только красноречивое сходство между системами Михайловского и Лаврова, но и их различие. Авторы «Исторических писем» и статьи «Что такое прогресс?» оказались в конце 60-х годов представителями двух тенденций внутри народничества — умеренной и революционной. Нашло ли это отражение в их теоретических взглядах? Мы видели, что субъективизм Лаврова проведен острее, определеннее, чем у его единомышленника. Еще Н. И. Кареев отмечал, что субъективный метод больше характерен для Лаврова²⁵. Но отсюда напрашивается соображение о том, что теоретический субъективизм народничества оказывался в определенный исторический период в какой-то мере способствующим революционной активности народнических деятелей. Если бросить взгляд на революционно-демократическое движение 70-х годов и те идейные течения, которые попеременно оказывали влияние в народнических организациях, то указанная зависимость в общем сохраняется. Так, лавристский «пропагандизм» был вытеснен бакунизмом землевольцев, а последний уступил свое место линии «Народной воли», осуществлявшей на практике ткачевский принцип «революционного меньшинства». С теоретической точки зрения это было движением социологического субъективизма по нарастающей. Такое

---

²⁵ См.: Н. И. Кареев. Введение в изучение социологии. СПб., 1907, стр. 352.

несоответствие между теоретическим и реально-историческим значением общественного учения может на первый взгляд показаться парадоксальным. Но подобные парадоксы как раз и характерны для столь противоречивого, социально неоднородного, «промежуточного» (антикрепостнического и мелкобуржуазного одновременно) течения, как народничество.

Поэтому неправомерно, на наш взгляд, противопоставлять теоретическую и деятельную сторону народничества, как это делают некоторые исследователи. Например, Б. С. Итенберг пишет о Лаврове: «Идеи субъективного идеализма переплетаются в нем с ярко выраженными революционно-демократическими взглядами»²⁶. Примерно по такому же принципу «защищает» Лаврова Г. П. Булатов²⁷. В том-то и дело, что именно теоретический субъективизм народников явился философским обоснованием их критически-революционного отношения к действительности и борьбы с самодержавно-крепостническим режимом.

К эволюции теоретической мысли применимы категории логического и исторического. Пользуясь критерием содержательной ценности, можно спрямить путь развития науки как ряд последовательных ступенек овладения истиной. С этой точки зрения в истории русской философской культуры некого поставить рядом с именами Белинского, Герцена, Чернышевского, Плеханова, Ленина. Но есть еще критерий конкретно-исторический, когда значение того или иного явления мысли в силу определенных социальных причин отграничено локальными рамками. Теоретические достижения декабристов, например, несоразмерны их вкладу в освободительное движение. Точно так же сравнительная ограниченность мировоззрения свойственна народничеству.

В сравнении с народниками-семидесятниками философский уровень родоначальников народничества был значительно более высоким. Материализм Чернышевского и его боевая идеология составили великое завоевание

---

²⁶ Б. С. Итенберг. Движение революционного народничества. М., 1965, стр. 82.

²⁷ Г. П. Булатов. Общественно-экономические взгляды П. Л. Лаврова и П. Н. Ткачева.— «Сборник трудов Ставропольского гос. пед. ин-та», 1963, вып. 21, стр. 120.

русской общественной мысли. Но характерно, что в исторических взглядах, в своих планах преобразования действительности Чернышевский во многом стоял на идеалистических позициях. Это не случайно. Созерцательный материализм, говорил Маркс, уступал идеализму как раз деятельную сторону отношения к действительности²⁸.

Народники далеко развили идеалистический элемент воззрений Чернышевского. Социологический субъективизм стал для них методологической основой.

Н. К. Михайловский

Ярким представителем народнической мысли и публицистики является Н. К. Михайловский. С 1869 г. он входит в число идейных руководителей «Отечественных записок». Его статьи в значительной мере определяют направление журнала и развитие легального крыла народнической демократии вообще. В его трудах наиболее рельефно выразилось отношение народничества к марксизму. Для нашей работы важно еще и то обстоятельство, что Михайловский (как и Н. Ф. Даниельсон) продолжал свою деятельность в конце XIX в., будучи признанным руководителем народничества в 90-е годы (и даже в начале 900-х годов). Поэтому интересно проследить эволюцию его теоретических и общественно-политических взглядов.

Михайловский был одним из самых любимых и читаемых передовых публицистов последней трети XIX в. Его социологические идеи составили значительный вклад в народническую теорию. Его имя было одинаково авторитетно как для революционных, так и для умеренных кругов народнической интеллигенции. Список только дореволюционной литературы о Михайловском насчитывает сотни работ²⁹.

В последних трудах советских историков общественной мысли³⁰ наметились всесторонние объективные оцен-

²⁸ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 3, стр. 1.

²⁹ См.: Н. К. Михайловский. Сочинения, т. X. СПб., 1913, стр. 1112 — 1144.

³⁰ См.: М. Г. Седов. К вопросу об общественно-политических взглядах Н. К. Михайловского. — В сб. «Общественное движение в пореформенной России». М., 1965; А. А. Галактионов и П. Ф. Никандров. Идеологи русского народничества.

ки деятельности народнического публициста. Но и сейчас Михайловский еще недостаточно «расшифрован». Вот, например, что пишут А. А. Галактионов и П. Ф. Никандров: «Михайловский, как правило, перегружал свои работы подробностями, мельчил, впадал в многословие и часто отклонялся от основной мысли. Это существенно затрудняет прослеживание развития его концепции...»³¹

Сравним с этим высказыванием свидетельство современника. «Щедрин изобрел... свой особенный эзоповский язык и приучил к нему читателя. Прием Михайловского был другой... в опасных местах основная мысль прерывалась. Михайловский заговаривал о новом предмете, громоздил одну деталь на другую... «Опасное» исчезало... Но мысль читателя-друга, настроенная сочувственно на те же запросы, не переставала ловить лейт-мотив пестрого хора...»³².

Оказывается, что «отклонения от основной мысли» имеют определенный смысл. Ясно, что успешное изучение такого легального подцензурного писателя, как Михайловский, связано с расшифровкой его общественно-политических взглядов, «закодированных» в столь своеобразной манере письма, отступлениях и общетеоретических изысканиях.

Статья «Что такое прогресс?» явилась вступлением к целой социологической серии: «Аналогический метод в общественной науке» (1870), «Теория Дарвина и общественная наука» (1870—1873), «Что такое счастье?» (1872), «Борьба за индивидуальность» (1875—1876) и др. Субъективная социология народничества оформляется окончательно. На широких обобщениях, исторических и естественнонаучных параллелях Михайловский подчеркивает «бессмысленность и негуманность, бесчеловечность естественного хода вещей»³³. Этот принципиальный народнический тезис, равно как и вся историко-философская схема Михайловского, родился в контексте современной ему российской действительности с ее самодержавно-крепостническим режимом и пассивностью забытых и эксплуатируемых масс. Против такого «хода вещей»

³¹ А. А. Галактионов и П. Ф. Никандров. Идеологи русского народничества, стр. 121 — 122.

³² В. Г. Короленко. Николай Константинович Михайловский.— «Русское богатство», 1914, № 1, стр. 204.

³³ Н. К. Михайловский. Сочинения, т. I, стр. 328.

и протестовали народники. В противовес апологетическому отношению к действительности или идеям социального дарвинизма, Михайловский отстаивает права личности, ее нравственный мир. К ранее предложенной им формуле прогресса прибавляются «формула счастья» и «формула любви».

«Бесчеловечность естественного хода вещей» не ограничивалась для Михайловского гнетущими порядками на его родине. Он осуждал также буржуазный строй Запада. С точки зрения социологической теории Михайловского капитализм представлял собой апогей личной «однородности». Он с тревогой следит за первыми шагами отечественного капитала, появлением российских буржуа — «пришлых людей», по его выражению. С одним из идеологов этих «пришлых людей», либеральным публицистом К. К. Скальковским, он вступает в резкую полемику, утверждая, что в России, в отличие от Запада, рабочий вопрос является вопросом консервативным. И хотя Михайловский не отрицает закономерности появления буржуазных отношений на Западе, хотя он видит значительные политически-правовые преимущества европейских порядков над самодержавными, по его мнению, переход России на капиталистические рельсы означал бы лишь попадание из огня да в полымя. Возрождение России он связывает с общиной, в которой сохранились еще принципы «разнородности» личности. Намекая на знаменитую формулу Чернышевского о возможности для некоторых стран миновать «среднюю» (буржуазную) стадию развития, Михайловский характеризует Россию как «огромный зародыш»³⁴, могущий дать при благоприятных условиях социалистические ростки.

Возникала характерная для народнических мыслителей идея «упреждения»: перспектива капитализма в России с его буржуазными свободами заранее ими отвергалась. В отличие от либеральных деятелей, которые после 1861 г. приветствовали в общем буржуазные по своей направленности реформы царизма, передовые русские интеллигенты, по выражению Михайловского, «налагали на себя в атмосфере своей маленькой свободы тяжелые эпитимии»³⁵. Ведь эта «маленькая свобода» вела, по их

³⁴ Н. К. Михайловский. Сочинения, т. I, стр. 900.

³⁵ Н. К. Михайловский. Сочинения, т. V. СПб., 1897, стр. 932.

мнению, к новой и еще более худшей эксплуатации народа.

Однако в борьбе с «естественным ходом вещей» Михайловский не идет еще дальше паллиативов. Он ратует за кустарную промышленность и «народный кредит». Его интересуют в основном методы социальных «прививок», «скрещивания» общественных форм. Он проводит аналогию с животноводом, который, исходя из идеала, создает желаемую комбинацию признаков. Его внимание привлекает, например, тот факт, что в Западной Европе рабочие иногда симпатизируют прежним цеховым формам. «Старые узы оказались в некоторых отношениях сноснее новых, потому что они все-таки гарантировали личность от бурь и непогод»³⁶. Переходя к России, Михайловский высказывает уверенность, что «русская община может... изменяться и развиваться»³⁷, т. е. составить основу для прогрессивного переустройства общества на началах коллективизма. В своем противопоставлении России буржуазному Западу, индивидуалистического начала общинному Михайловский доходит до панегирика Петру I, которому якобы «идея безусловной частной собственности, идея безусловного господства личности над предметами общей необходимости была... совершенно чужда», который потому «был выше Европы» и «служил интересам не династии, а русского народа»³⁸.

Под свою «формулу прогресса» Михайловский подводил... и реформу 1861 г. «В чем состоят реформы нынешнего царствования? — спрашивает он. — В уменьшении общественной разнородности и в усилении разнородности индивидуальной»³⁹.

Конечно, эти слова нельзя понимать как прямую апологетику царской реформы. Михайловский считал сохранение прежних форм крестьянского землевладения счастливым случаем, которым надо воспользоваться для «комбинации». Но либеральная нота и отход от Чернышевского с его критикой грабительского «освобождения» видны здесь налицо.

Таким образом, в этот период (примерно до середины 70-х годов) народнический демократизм Михайловского

³⁶ Н. К. Михайловский. Сочинения, т. I, стр. 440.

³⁷ Там же, стр. 436.

³⁸ Там же, стр. 647, 650.

³⁹ Там же, стр. 42.

сдобрен изрядной дозой либерализма. Борьба с крепостничеством перемежается у него с идеализацией реформы 1861 г., иллюзиями в отношении заградительных мер «сверху» против капитализма, проповедью «скрещивания» социальных форм. Тогда Михайловский не верил в возможность революционной борьбы. «Никакой радикально-социалистической оппозиции в России нет, ее надо воспитывать»⁴⁰, — писал он в письме Лаврову.

Но затем политические настроения Михайловского меняются. С весны 1874 г. народническая молодежь двинулась в деревню. Новым колоколом прозвучали страстные призывы журналов «Вперед» и «Набат». В такой обстановке в статьях Михайловского появились раньше не свойственные ему ноты радикализма. Он нападает на оптимизм правонароднической «Недели», которая утверждала, что «все пойдет само собой», и призывает к решительным действиям. «Вы скажете, что это слишком смело... — восклицает он, обращаясь к своему оппоненту, публицисту «Недели» П. П. Червинскому. — Но жизнь часто так слагается, что очень смелые действия оказываются фатально неизбежными»⁴¹.

Михайловский приступает к изучению революционных движений. В статье «Вольница и подвижники» (1877) он прибегает к излюбленному в подцензурной печати приему — историческим аналогиям. Беря в качестве таковой уральскую казацкую общину, он как бы подчеркивает свою связь с Чернышевским. Но теперь он не рассчитывает на реформистскую «комбинацию» общественных форм. Общину, которую испортила «феодализация», можно спасти только революционным путем. Примером для Михайловского служат освободительные движения прошлого. «Встают поэты и пророки... И вот их песни и пророчества поднимают бурные исторические волны: то идут добывать правду подвижники и вольница.»⁴²

Также и в «Записках профана» (1875—1877) Михайловский отмежевывается от либеральных разговоров (и от своих прежних иллюзий) «по устройству сельского кредита» и тому подобных радикальных и паллиативных мер. Не имея возможности в подцензурной печати прямо

---

⁴⁰ Н. К. Михайловский. Сочинения, т. X, стр. 68.

⁴¹ Н. К. Михайловский. Сочинения, т. III, стр. 700.

⁴² Н. К. Михайловский. Сочинения, т. I, стр. 632.

выражать свои симпатии революционной деятельности, Михайловский развивает идею о долге интеллигенции перед народом. К этому циклу примыкает другая серия статей «Письма о правде и неправде» (1877) — обращение к революционной демократической молодежи с призывом к действию.

Наконец, Михайловский сближается с народовольцами и принимает участие в нелегальной печати. В листовке по делу Веры Засулич он требует от правительства политической свободы и в случае отказа угрожает «тайным комитетом общественной безопасности»⁴³. Михайловский становится убежденным сторонником террора как метода политической борьбы с царизмом. Широко были известны его «Политические письма социалиста», напечатанные в «Народной воле». Связей с народовольцами Михайловский не прервал и после 1881 г. Окончательному его сближению с революционным подпольем помешали разные причины. Михайловский все-таки придерживался более умеренных взглядов. С другой стороны, народовольцы не хотели подвергать его опасности. «Мы оберегали Михайловского»⁴⁴ вспоминал один из участников революционного движения 70-х годов.

Показателем того, насколько эволюция социологических взглядов Михайловского отражала ход освободительного движения, может служить также цикл его статей «Герои и толпа».

Первая статья из этой серии появилась в печати в 1882 г., в период спада общественного движения. Сам Михайловский отрицал ее связь с революционными событиями, называя поводом к ее написанию еврейские погромы в начале 80-х годов⁴⁵. Но это скорее всего можно объяснить только цензурными соображениями. П. Ф. Якубович свидетельствует, что когда он, молодой народовец, обратился к Михайловскому с просьбой дать что-нибудь для студенческого сборника «Отклик», Михайловский предложил ему главы из статьи «Герои и толпа», которую цензура не пропускала в журнал. Это было в 1880 г.⁴⁶

⁴³ Н. К. Михайловский. Сочинения, т. X, стр. 70.

⁴⁴ И. И. Попов. Минувшее и пережитое. М.—Л., 1933, стр. 181.

⁴⁵ См.: Н. К. Михайловский. Сочинения, т. VIII. СПб., 1914, стр. 22.

⁴⁶ См.: П. Ф. Якубович. Письма Н. К. Михайловского.— «Русское богатство», 1910, № 1, стр. 232.

А первые наброски «Героев и толпы» относятся к еще более раннему периоду. В 1879 г. появилась рецензия Михайловского на книгу А. Уоллеса «Естественный подбор»⁴⁷. Здесь уже содержатся все опорные факты и заметки тех мыслей, которые были им развиты в социологической серии.

Движение 70-х годов остро поставило проблему связи революционера с народом. Опыт хождения в народ, поселения, попытки агитации среди крестьян не привели к успеху. Несмотря на субъективистский характер воззрений, многие народники понимали, что для победы необходима поддержка массы, и задумывались над тем, как завоевать ее. В этих условиях изучение «механики отношений между толпой и тем человеком, которого она признает великим»⁴⁸, становилось довольно актуальной задачей.

Так возникла тема «герои и толпа».

Очерки Михайловского и сейчас представляют определенный интерес как исследование из области социальной психологии. Но тогда, в конце 70-х годов, Михайловский имел перед собой злободневную и практическую цель. На нее прозрачно намекает он в начале статьи: «...Не сам по себе герой для нас важен, а лишь ради вызываемого им массового движения»⁴⁹

Обращаясь к примерам из биологии и истории, Михайловский показывает, что стимулятором подъема массы, в которой находит отклик инициатива личности, является подражание. Этот психологический фактор нельзя считать основным, говорит он, но его необходимо учитывать «в области практической жизни». Подражание растет пропорционально количеству массы, причем оно усиливается благодаря бессознательному моменту, низкому духовному уровню подражающих. Исследуя эту зависимость, Михайловский приходит в выводу, что склонность к подражанию порождается «скудостью быта», «однообразием впечатлений». Именно тяжелыми, однообразными условиями жизни объясняет Михайловский движение средневекового крестьянства. Те же причины вызывают эффект подражания у солдат.

---

⁴⁷ См.: Н. К. Михайловский. Сочинения, т. X, стр. 309 — 328.

⁴⁸ Н. К. Михайловский. Сочинения, т. II. СПб., 1896, стр. 99.

⁴⁹ Там же, стр. 100 (курсив наш.— В. Х.).

У французских крестьян перед 1789 г., пишет социолог, были «рабские души, развитые неблагоприятной судьбой»⁵⁰. Веками их воспитывали в покорности сеньорам и королю. Но «хотя секрет держания масс в повиновении очень прост, он представляет собой нечто скользкое и обоюдоострое»⁵¹. Постоянный гнет вызывает в конце концов ответную реакцию — реакцию сопротивления и протеста.

Так смотрел Михайловский на проблему «толпы». Но в последующих статьях этой серии — «Научные письма» (1884) «Патологическая магия» (1887), «Еще о героях» (1891), «Еще о толпе» (1893) — характер исследований Михайловского меняется. В нем проскальзывают пессимистические ноты. «Консерватизм, — говорит Михайловский, соглашаясь с Ломброзо, — есть общий закон истории, революционные же массовые движения составляют исключения... а потому и для возникновения их нужны особые ненормальные условия»⁵². Одно время ему казалось, что «ненормальные условия» самодержавно-крепостнического режима вызовут взрыв массового негодования. Но действительность не оправдывала его ожиданий. «...Обнаруженное народом в голодный год долготерпение поистине заслуживает удивления»⁵³, — с болью констатирует Михайловский.

Поэтому в двух последних статьях внимание Михайловского больше устремлено на «героев». Разбирая книгу Т. Карлейля «Герои, культ героев и героическое в истории», идеолог народничества вновь возвращается к критически мыслящим личностям, которые одни только способны сопротивляться окружающей среде. Что же касается «толпы», то она вызывает у него горестное замечание о стаде баранов, что «спокойно щиплет траву, когда пастух извлекает из него ту или другую овцу на убой»⁵⁴. Говоря так, Михайловский в первую очередь имел в виду либеральное общество, которое после 1 марта малодушно отвернулось от гибнущих героев «Народной воли».

Сам Михайловский в этот период проявил мужество и стойкость, заслуживающие уважения. В тяжкое безвре-

⁵⁰ Там же, стр. 186.

⁵¹ Там же, т. II, стр. 189.

⁵² Там же, стр. 214.

⁵³ Там же, стр. 466.

⁵⁴ Там же, т. II, стр. 463.

меньше 80-х годов он сумел удержаться на позициях боевого демократизма. Проклиная «медные лбы и вареные души», которых заразила повальная «болезнь доноса», сражаясь с Катковым и Леонтьевым, Чичериным и Бурениным, Михайловский вместе с немногими публицистами отстаивал честь свободного слова. Но борьба надломляла писателя. Разочаровавшись в потенциях крестьянства, наблюдая вокруг быстрое «поумнение» обуржуазивающегося общества, он все чаще возвращается к поискам излюбленной «комбинации» форм и к осуждаемым им некогда социальным паллиативам. Это привело его в конце концов в лагерь «друзей народа».

Н. К. Михайловский и К. Маркс

Характер мировоззрения Михайловского определил и его отношение к Марксу.

Критерием общественной науки идеолог народничества считал утопический идеал, нравственное начало. Иная точка зрения была для него неприемлемой. Философию Лассалья, «отправляющуюся от имущественных отношений», он называет «более узкой» по сравнению с мировоззрением Конта⁵⁵. Говоря так, Михайловский руководствовался не просто отвлеченными теоретическими принципами. Идти «от имущественных отношений» означало для него становиться на почву буржуазного строя и рассматривать его как нечто закономерное. Всякое признание «естественности» капиталистических отношений Михайловский воспринимал настороженно. В его глазах это был путь к вульгарной апологетической науке буржуазных экономистов Сэя и Бастиа с их попытками отыскать гармонию в мире чистогана.

Михайловский выступал также против объективизма иного рода. «Я решительно не понимаю,— писал он в 1875 г.,— каким образом из «недугов и неустройств» обществ может произойти нечто благодетельное кроме разве стремления излечить недуги и прекратить неустройства»⁵⁶.

«Стремление излечить недуги» русский публицист ищет у всех авторитетов европейской мысли, к которым

⁵⁵ См.: *Н. К. Михайловский. Сочинения*, т. III. СПб., 1897, стр. 19

⁵⁶ Там же, стр. 380.

ему приходится обращаться. С этой меркой он подходит к Луи Блану, О. Конту, Э. Ренану, Г. Спенсеру, Е. Дюрингу. Последний вызвал особенные симпатии Михайловского за то, что «стремится построить идеально прекрасное здание прямо из ... грубых кирпичей; будучи уверен, что игра страстей, заложенных в человеке природой, должна привести к благополучному концу...»⁵⁷ В итоге для Михайловского Дюринг «несомненный человек науки»⁵⁸. «В Европе нет писателей, которые были бы ближе к Правде, чем эти двое»⁵⁹, — пишет он о Дюринге и Ф. А. Ланге.

С таким критерием Михайловский подошел к Марксу.

Но в лице Маркса он встретился с мыслителем, которого никак нельзя было упрекнуть в апологетическом отношении к действительности. И тем не менее автор «Капитала» исходил из объективных законов буржуазных отношений. Социалистические принципы он выводил как раз из «недугов и неустойчивостей общества». Поэтому Михайловский предпринимает попытку приспособить свои воззрения к марксизму, опереться на авторитет создателя научного социализма.

В рецензии на русское издание I тома «Капитала», помещенной в «Отечественных записках» в 1872 г., он заявляет, что книга Маркса «является как раз кстати». В этой заметке, по словам В. И. Ленина, «очень живо, бодро и свежо написанной»⁶⁰, Михайловский дает нечто вроде введения к «Капиталу» для русской публики. Он выделяет в «Капитале» прежде всего «недовольство современной цивилизацией»⁶¹, критику буржуазного строя. Затем он приветствует тезис Маркса «сократить и смягчить муки родов», полностью поддерживая мнение автора «Капитала», что одна нация должна учиться у другой нации. Тем самым Михайловский дает понять читателю, что труд Маркса надо рассматривать как своеобразное «доказательство от противного» русских социалистических теорий.

Это положение Михайловский развивает позднее в большой статье «Карл Маркс перед судом г. Ю. Жуков-

⁵⁷ Там же, стр. 242.

⁵⁸ Там же, стр. 251.

⁵⁹ Н. К. Михайловский. Сочинения, т. IV. СПб., 1897, стр. 412.

⁶⁰ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. I, стр. 265.

⁶¹ Н. К. Михайловский. Сочинения, т. X, стр. 10.

ского» (1877). Работа была посвящена защите «Капитала» от «пошло-буржуазного» либерального публициста Ю. Г. Жуковского, упрекавшего Маркса в «формализме» и неправомерном отстаивании «права рабочих на прибыль». Михайловский отлично справился с этой задачей, сопоставив профессорскую позицию Жуковского, с откровенным апологетом буржуазии немецким экономистом Зибелем. Но статья Михайловского преследовала еще и другую цель Народнический социолог «защищал» Маркса не только от Жуковского, но и от тех русских марксистов, которые вздумали бы применить воззрения своего учителя к российской действительности. Для Михайловского Маркс — бесспорный авторитет как экономист. Однако он заметил, что «Капитал» дает «нечто гораздо большее — целую философско-историческую теорию». Изложив главу о первоначальном накоплении, Михайловский соглашался, что именно так шел на Западе процесс развития капиталистических отношений, который затем с неизбежностью приведет к своему отрицанию — социалистическому строю, причем «значительная и тягчайшая часть» пути уже позади. Но как быть нам, русским? — спрашивал он. «Тот обоюдоострый, страшный и вместе благодетельный, непреодолимый процесс «обобществления» труда, или вернее та форма обобществления, которую излагает Маркс, у нас на святой Руси очень мало подвинулась вперед»⁶². Крестьянин «далеко не в такой степени» свободен от земли и орудий производства. И в то же время есть община, в которой заложены элементы «союзного производства», — цель, к которой идет Запад. Нельзя ли как-то использовать это обстоятельство?

Михайловский считал, что Маркс отрицательно отнесется к «попыткам русских людей найти для своего отечества путь развития, отличный от того, каким шла и идет Западная Европа», и в доказательство ссылался на критическое высказывание автора «Капитала» о Герцене. Михайловский допускал, что Россия может встать на капиталистический путь, который в этом случае пойдет «по Марксу». Но поскольку мы знаем последствия, писал он, для нас совершенно естественно искать «другие пути», причем, как считал Михайловский, на этот слу-

⁶² Н. К. Михайловский. Сочинения, т. IV, стр. 170.

чай «поправки к теории можно заимствовать у самого Маркса»⁶³.

И русский социолог раскрывал марксовскую мысль «сократить и смягчить муки родов», ссылаясь на роль фабричного законодательства. Однако в России, подчеркивал он, подобная реформа «может охватить лишь очень малое сравнительно число народа, а потому необходимо изыскание путей для более непосредственного обхода средних стадий описанного Марксом процесса»⁶⁴.

Из предыдущего изложения эволюции социологических взглядов Михайловского мы знаем, что в конце 70-х годов публицист «Отечественных записок», сблизившийся в ту пору с нелегальным народничеством, под «более непосредственным обходом» подразумевал революцию. То, о чем в легальной печати он мог сказать только намеком, прямо говорили в своих нелегальных изданиях революционеры-семидесятники. П. Л. Лавров, например, писал в журнале «Вперед», ссылаясь на законы, открытые Марксом, что «если социально-революционная партия... не сумеет организовать и организовать народные восстания, то, конечно, перед русским народом лежит еще... период страшных страданий»⁶⁵. Анализ буржуазного строя, данный в «Капитале», служил народникам как бы лишним аргументом для «вмешательства в ход событий в России», и потому они подчеркивали прежде всего революционность Маркса и его социалистические идеалы.

Этим во многом объясняется то обстоятельство, что народническая молодежь увлекалась «Капиталом» и в то же время «продолжала оставаться на точке зрения... утопического социализма»⁶⁶. В. Н. Фигнер вспоминала, что «Капитал» не только не мешал ее народническим принципам, но даже удваивал «силу убеждения и способность бороться»⁶⁷.

Но вернемся к Михайловскому. Приветствуя «сангвиника» (социалиста) Маркса, он искал «поправки» в марксизме для подтверждения народнических теорий.

⁶³ Н. К. Михайловский. Сочинения, т. IV, стр. 172.

⁶⁴ Там же, стр. 186.

⁶⁵ «Вперед», 1876, 1 июня (20 мая), стр. 314.

⁶⁶ Старик [С. Ф. Ковалик]. Движение 70-х годов по большому процессу (193-х).— «Былое», 1906, № 10, стр. 6.

⁶⁷ В. Н. Фигнер. Полное собрание сочинений, т. 5. М., 1932, стр. 105.

В «Капитале» он видел «превосходно разработанный материал для решения общего вопроса об отношении форм (имелись в виду общественные формы — В. Х.) к материальным условиям их существования»⁶⁸. Михайловский даже делал шаг к марксистскому пониманию истории, признавая «в конечном счете» примат «материальных условий существования» над социальной формой. Однако эти попытки сближения с марксизмом оставались простой декларацией. По существу же Михайловский по-прежнему придавал центральное значение субъективной стороне исторического процесса.

Михайловский не принимал также диалектического метода Маркса. Он считал его только «внешней рамкой», которую легко снять с материала, как «перчатку с руки». Здесь сказалась теоретическая узость народничества, не сумевшего оценить, в отличие от своих предшественников, Герцена и Чернышевского, значения диалектики как алгебры революции.

Такова была интерпретация Михайловским (равно как и всей народнической литературой) «Капитала». Нетрудно показать ее несостоятельность. Михайловский не смог понять существа теории Маркса, поскольку считал, что объективные закономерности капитализма можно попросту обойти. Он же приписывал Марксу трактовку схемы «Капитала» как «надысторической», якобы фатально обязательной для всех стран.

Будучи субъективистом, Михайловский не смог оценить исторического материализма Маркса. Отсюда его сбивчивые рассуждения об «экономическом факторе» и игнорирование существа вопроса — роли производительных сил и производственных отношений. Отсюда споры о перенесении или неперенесении «схемы» на Россию вместо конкретного анализа развития производительных сил.

Как позитивист и противник «метафизики» он с порога отбросил диалектику «Капитала», не увидев в ней метод критически-революционного понимания действительности.

Наконец, Михайловский не воспринял экономической теории Маркса. Еще В. И. Ленин иронизировал по поводу его «Письма в редакцию» журнала «Отечествен-

---

⁶⁸ Н. К. Михайловский. Сочинения, т. IV, стр. 186.

ные записки» в 1883 г., в котором обобществление труда сводилось к работе в одном помещении⁶⁹. Так же ошибочно представлял себе Михайловский обязательность, насильственность отделения крестьян от земли, забывая о «естественной обязательности» вытеснения мелких земледельцев крупными.

Все эти моменты особенно проявились в 90-х годах, когда «Русское богатство» начало поход против марксистов. Но в годы написания статьи «Карл Маркс перед судом Г. Ю. Жуковского» демократизм Михайловского сближал его с основателем научного социализма. Тогда Михайловский не только приветствовал «сангвиника» Маркса, но и не проявлял особого критицизма к русским марксистам. «Позволю себе усомниться,— возражал он В. П. Воронцову в 80-х годах,— чтобы марксисты так решительно предлагали «примириться» с наступающим господством капитализма»⁷⁰. Михайловский с уважением относился к трудам Н. И. Зибера — одного из первых популяризаторов марксизма в России.

К. Маркс и Ф. Энгельс о народничестве

Мы видели, что в лице Михайловского народническая социологическая мысль в целом обнаружила непонимание «Капитала». Но было бы упрощением трактовать воззрения народников только как теоретически несостоятельные, ибо их социалистические утопии имели под собой реальную почву в действительности — антикрестьянские настроения многомиллионных масс крестьянства. И это учитывали в своей оценке народников К. Маркс и Ф. Энгельс. Будучи современниками народнического движения, они внимательно следили за событиями в России, за народнической литературой (в частности, за работами русских мыслителей, посвященными «Капиталу») и подробно комментировали теоретические построения своих оппонентов.

Высказывания Маркса и Энгельса о России и русских деятелях можно подразделить на несколько периодов, соответствующих различным этапам европейского и русского исторического развития. В 40-е—50-е годы Маркс и

---

⁶⁹ См.: В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 176.

⁷⁰ Н. К. Михайловский. Сочинения, т. V, стр. 783.

Энгельс смотрели на Россию в основном как на очаг контрреволюции, как на международного жандарма. С этим было отчасти связано и их недоверчивое отношение к идеологам русского освободительного движения. В статьях и письмах они иронически характеризовали общинные теории в России, «демократически-социально-коммунистически-прудонистскую русскую республику под главенством триумvirата Бакунин — Герцен — Головин»⁷¹.

Интерес основателей научного социализма к России усиливается с известиями о подготовке крестьянской реформы. В статьях «Партии в Англии.— Положение в Европе», «Вопрос об отмене крепостного права в России», «Европа в 1858 году» и других Маркс и Энгельс говорили, что у всемогущего некогда контрреволюционного правительства «под ногами накопился горючий материал». Они отмечали два великих события времени — «американское движение рабов» и «движение рабов в России»⁷². Несколько изменилось отношение и к Герцену: в письме к Энгельсу от 21 октября 1858 г. Маркс просит прислать ему «Колосол».

Лидеры международного пролетарского движения видели грабительский характер «великой реформы» 19 февраля. В письме к Энгельсу Маркс высоко отозвался о книге В. В. Берви-Флеровского «Положение рабочего класса в России», из которой, по его мнению, вытекало, «что отмена крепостного права лишь ускорила процесс разложения и что предстоит грозная социальная революция». Он с одобрением писал о Флеровском: «Никакой социалистической доктрины, никакого аграрного мистицизма (хотя он и сторонник общинной собственности), никаких нигилистических крайностей»⁷³.

Из этого можно было бы сделать вывод, что автор «Капитала» безоговорочно осуждал общинные теории и «нигилистические крайности» русских демократов (т. е. противопоставление России Западу). Но Маркс, как никто, всегда превосходно умел выделять «земное ядро» различного рода социологических утопий. В том же письме Энгельсу о книге Флеровского он подчеркивал, что

---

⁷¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 28, стр. 487.

⁷² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 30, стр. 4.

⁷³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 32, стр. 358.

именно ввиду предстоящей социальной революции в России «видна и реальная основа школьнического пигилизма, который теперь в моде среди русских студентов и т. д.»⁷⁴

В другом письме (к З. Мейеру от 21 января 1870 г.) Маркс так конкретизировал этот тезис: «Идейное движение, происходящее сейчас в России, свидетельствует о том, что глубоко в низах идет брожение. Умы всегда связаны невидимыми нитями с телом народа»⁷⁵.

Здесь сказался творческий характер революционного мировоззрения Маркса и Энгельса, которые — как позднее Ленин — не ограничивались формально-экономическим критерием в оценке народнических концепций и в их утопической шелухе различали рациональное зерно «аграрного демократизма», идеологии крестьянской массы. В связи с этим можно указать также на письмо Энгельса И. Ф. Беккеру 14 июня 1872 г., где подчеркивается, что новое поколение русских эмигрантов составляют в основном «выходцы из *народа*», у которых «выдержка, твердость характера и в то же время теоретическое понимание прямо поразительны...»⁷⁶

Все это заставляет Маркса и Энгельса более внимательно присмотреться к русской действительности и к русским теориям.

Маркс знакомится с работами Чернышевского и отзывается о них с глубоким уважением. Высокую оценку Чернышевского и Добролюбова можно встретить и у Энгельса. Крепнут связи основоположников марксизма с русскими политическими деятелями и учеными — Г. А. Лопатиным, П. Л. Лавровым, Н. Ф. Даниельсоном и др. Через них Маркс и Энгельс получают разнообразные сведения о России, экономико-статистические данные, разного рода политическую информацию и интересующую их литературу.

⁷⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 32, стр. 364.

⁷⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 33, стр. 147. О том, что Маркс и Энгельс соотносили общинные теории русских демократов с настроениями крестьянства, свидетельствует, например, следующая выдержка из письма Маркса о подготовке реформы 1861 г. в России: «Александр испортил свои отношения и с крестьянами, заявив буквально в своем последнем манифесте, что «общинное начало» должно исчезнуть вместе с освобождением» (Сочинения, т. 30, стр. 4).

⁷⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 33, стр. 411.

Как известно, в ряде статей под общим названием «Эмигрантская лигература» Энгельс подверг резкой критике теоретиков народничества. Однако важно отметить, что речь шла здесь о крайностях народнической идеологии, а не о движении в целом. Осуждая некоторые скоропалительные заявления П. Н. Ткачева о «легкости» совершения переворота в России, о том, что русское государство «висит в воздухе» и т. д., Энгельс вместе с тем писал, что Россия действительно находится накануне революции, высказывал глубокое уважение к русской радикальной партии ⁷⁷.

Дальнейшие работы Маркса и Энгельса показывают их возрастающее внимание к России и народническому движению. В письме к Ф. А. Зорге 27 сентября 1877 г. Маркс писал, что Россия «давно уже стоит на пороге переворота» ⁷⁸. Еще в статье «О социальном вопросе в России» (1875) Энгельс указывал на то, что крестьянское движение выведет русскую революцию «за пределы первого конституционного фазиса» ⁷⁹. Основоположники марксизма говорили о громадном международном значении русских событий, о влиянии их на пролетарское движение в Европе.

Под этим углом зрения и подошел Маркс к социологическим воззрениям народников. Прочитав статью Михайловского о «Капитале», он пишет известное письмо в редакцию «Отечественных записок». Маркс отвергает в нем попытки Михайловского придать схеме, изложенной в «Капитале», общеобязательный, надысторический характер. Он высказывает важный методологический тезис о конкретности и оригинальности общественно-экономических процессов, происходящих в различных странах и при различных исторических обстоятельствах. «Быть или не быть» России капиталистической страной — это может выявить только специальный анализ. Маркс видит, что Россия уже «немало потрудились в этом направлении». И тем не менее он воздерживается от однозначной оценки «усилий русских людей найти для своего отечества путь развития, отличный от того, которым шла и идет Западная Европа».

---

⁷⁷ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 18, стр. 542, 548.

⁷⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 34, стр. 229.

⁷⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 18, стр. 548.

«Если Россия будет продолжать идти по тому пути, по которому она следовала с 1861 г.,— писал Маркс,— то она упустит наилучший случай, который история когда-либо предоставляла какому-либо народу, и испытает все роковые злоключения капиталистического строя»⁸⁰.

Письмо осталось неоконченным. Впоследствии «друзья народа» (в лагере которых оказался и Михайловский) комментировали эти строки Маркса таким образом, что якобы автор «Капитала» выражал согласие с народническими взглядами. Это было, конечно, одностороннее толкование. Но факт остается фактом — Маркс говорил о возможности «минования Россией фазы капитализма», по любимому выражению народников. Как, каким образом?

Разъяснить свою мысль Марксу представился случай в связи с письмом к нему В. И. Засулич, которая спрашивала: может ли община развиваться в социалистическом направлении?

Маркс понимал всю ответственность и сложность этого вопроса. Об этом говорят и три обширных наброска к ответу на письмо Засулич, в которых затрагиваются разнообразные социологические и исторические проблемы. Об этом говорит и тот факт, что наброски остались неоконченными,— так как решение вопросов, связанных с данной темой, требовало много времени и сил, а В. Засулич был послан лаконичный ответ. Тем не менее «Наброски» и само письмо представляют огромный интерес.

«Наброски» начинаются с указания на то, что социологическая схема «Капитала» ограничена странами Западной Европы. Становление капиталистического строя означало там превращение одной формы частной собственности в другую. Но поскольку в России «земля никогда не была *частной собственностью* русских крестьян, то каким образом может быть к ним применено это теоретическое обобщение?»⁸¹ Здесь еще раз высказывается принципиальное методологическое соображение о необходимости учитывать историко-экономические особенности различных стран.

⁸⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 19, стр. 119.

⁸¹ Там же, стр. 400.

Особенностей России, связанных с перспективами ее экономического развития и возможностью социальной реорганизации русской общины, Маркс видит несколько. Русская община — современница капиталистического способа производства и «может усвоить его положительные достижения, не проходя через его ужасные перипетии». Постановка такой задачи тем более правомерна, что капитализм уже пережил апогей своего развития и породил в своих недрах силу, призванную осуществить организацию коллективного производства. Русская община сохранилась в национальном масштабе в стране, которая не является, подобно Индии, добычей чужеземного завоевателя. Наконец, внутренние особенности общины способствуют ее социальному реформированию. «Физическая конфигурация русской почвы благоприятствует применению машин в широком масштабе. Привычка крестьянина к *артельным* отношениям облегчает ему переход от парцеллярного хозяйства к хозяйству кооперативному...»⁸²

Здесь видны контуры другого чрезвычайно важного тезиса — о принципиальной возможности некоторых стран «ускоренным путем» пройти фазис капиталистического развития, «усвоить его положительные достижения, не проходя через его ужасные перипетии». Этот тезис — на другом историческом этапе, в эпоху империализма и пролетарских революций — был развит В. И. Лениным. Понятно, что Маркс не мог тогда предвидеть все конкретные стороны такого процесса «ускорения». Но сама мысль — об иных формах развития молодых стран — имела огромное теоретическое значение.

В «Набросках» дается историко-социологический обзор общинной формы собственности. Тонкий диалектический анализ Маркса вскрывает в общине характерный «дуализм», присутствие в ней как индивидуалистического, так и коллективного начал. Это является одновременно и силой, и слабостью общины. Силой — поскольку при этом обеспечивается относительное развитие личности при сохранении коллективных форм хозяйствования. Слабостью — потому что частное начало «может со временем стать источником разложения», как это было в Западной Европе.

⁸² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 19, стр. 405.

Двойственный характер Маркс отмечает и в русской общине. С одной стороны, демократизм землепользования, коллективные навыки, а с другой — изолированность общин друг от друга, их «локализованный микрокосм», что естественно воздвигает над ними «централизованный деспотизм», причем в России самодержавный деспотизм является после 1861 г. мощным пособником проникновения буржуазных отношений в общину. Стесненный малоземельем, зависимостью от крепостников-помещиков, обираемый многочисленными налогами царского правительства, русский крестьянин быстро катится по пути к разорению и пауперизации. Ни минуты не сомневается Маркс, что при сохранении существующего режима русская община не имеет шансов выжить.

Поэтому, чтобы отстоять общину, нужно «мощное противодействие». Уничтожение самодержавия, крепостничества, налоговой системы, введение крестьянского самоуправления — вот те социальные преобразования России, которые Маркс считает первоочередными. «Чтобы спасти русскую общину, нужна русская революция»⁸³.

Отправленный ответ отличается от «Набросков» не только краткостью, но и сужением разбираемых проблем. Все же Маркс оставил в окончательной редакции основные принципиальные моменты: 1) «Капитал» не дает решения ни за, ни против общины; 2) община в принципе может явиться «точкой опоры социального возрождения России»⁸⁴. Условия, при которых может осуществиться это возрождение, Маркс формулирует в беловом варианте весьма общо: «прежде всего устранить тлетворные влияния, которым она (община.— В. Х.) подвергается со всех сторон, а затем обеспечить ей нормальные условия свободного развития»⁸⁵. Это «прежде всего» показывает, что Маркс имел в виду буржуазно-демократическую революцию в России. Он дает народникам скорее программу-минимум, чем программу-максимум, не ориентирует их на немедленные социалистические мероприятия.

Таково содержание «Набросков» и письма Маркса. Говоря о буржуазно-демократической революции, автор

---

⁸³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 19, стр. 410.

⁸⁴ Там же, стр. 251.

⁸⁵ Там же.

«Капитала» предполагает возможность сохранения общины. Маркс надеется на артельные привычки русского крестьянства... Комментируя такие фразы, М. Н. Покровский писал в свое время, что под воздействием народников Маркс «на минуту поколебался» в оценке русской крестьянской общины и ее будущего»⁸⁶. Противоположную точку зрения высказывает Р. П. Конюшая — Маркс «никогда не разделял народнических представлений»⁸⁷.

Бесспорно, между марксистской и народнической социологией была дистанция большого размера. Социально-экономический анализ русского общества, данный Марксом и Энгельсом, покоился на принципиально иных теоретических основаниях. Они трезво учитывали причины разложения крестьянского хозяйства в России, слабости и консервативные стороны общины. Им чужд был народнический «аграрный мистицизм». В отличие от народников они видели буржуазно-демократический характер предстоящей революции в России и не связывали с ней утопически-социалистических иллюзий. В этом смысле точка зрения Р. П. Конюшей и других исследователей более правомерна. Ни о каких народнических «колебаниях» Маркса, как это утверждал М. Н. Покровский, не может быть и речи. Вместе с тем, размышляя над русскими проблемами, основоположники научного социализма выявили рациональный смысл народнических теорий, обусловленных содержанием социально-экономических процессов и освободительного движения, происходивших в стране.

Дело в том, что Маркс и Энгельс видели особый характер буржуазно-демократической революции в России (в отличие, например, от революций 1848 г. в Европе). Глубоко изучив социально-экономические отношения русского общества, они сделали вывод, что Россия близка к своему 1789 г., за которым неизбежно последует 1793 г. Об этом, по их мнению, свидетельствовала особая

⁸⁶ М. Н. Покровский. Русская история в самом сжатом очерке. М., 1933, стр. 201.

⁸⁷ Р. П. Конюшая. К. Маркс и Ф. Энгельс об историческом развитии России. «История СССР», 1958, № 3, стр. 32. Такого же мнения в основном придерживались и другие исследователи. См.: С. В. Гранский. Маркс и Энгельс о России и русских революционерах. «Науч. зап. Воронежск. ин-та народнохозяйств. учета», 1940, вып. 1; А. Л. Реуэль. К. Маркс и Ф. Энгельс о России.—«Известия АН СССР», отделение экономики и права, 1949, № 2 и др.

острота социальных противоречий, накопившихся в стране. Они считали, что демократический напор масс выведет революцию за пределы обычных либеральных рамок. Не случайно Маркс и Энгельс расценили 1 марта 1881 г. как «событие, которое в конце концов должно будет неизбежно привести, быть может после длительной и жестокой борьбы, к созданию российской Коммуны»⁸⁸. В беседе с Г. А. Лопатиным Энгельс говорил, что «Россия, это — Франция нынешнего века»⁸⁹, подчеркивал радикализм, длительность (непрерывность) и глубину предстоящего социального катаклизма.

Исходя именно из радикально-демократического характера революции в России и оценивал Маркс в письме к Засулич перспективы возрождения общины. Дело было не столько в самой общине, сколько в том демократическом содержании, которым могла наполнить общинную форму широкая волна массового освободительного движения. «Если революция произойдет в надлежащее время,— писал Маркс в «Набросках...»,— если она сосредоточит все свои силы, чтобы обеспечить свободное развитие сельской общины, последняя вскоре станет элементом возрождения русского общества и элементом превосходства над странами, которые находятся под ярмом капиталистического строя»⁹⁰. Иными словами такая революция может обеспечить максимально демократическое решение аграрного вопроса, сохранить— по крайней мере на первых порах — институт общины и тем самым создать предпосылки для ее дальнейшего преобразования. Что же касается недостаточности буржуазно-демократической революции, хотя бы и «якобинской» по своему характеру, для социалистических целей (что Маркс и Энгельс прекрасно видели), то как раз общественный переворот обусловит, по словам Энгельса, «возникновение настоящего рабочего движения в России»⁹¹, которое явится главным залогом будущей победы социализма.

Более того, «взрывной» характер русской революции, ее радикализм и непрерывность послужат мощным побудительным толчком для наступления пролетариата на

⁸⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 19, стр. 252.

⁸⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 490.

⁹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 19, стр. 410.

⁹¹ Там же, стр. 146.

позиции капитала в Европе. Развивая эту мысль в «Предисловии» к русскому изданию «Коммунистического манифеста» в 1882 г., Маркс и Энгельс писали, что революция в России и последующая за ней революция на Западе взаимно пополняют друг друга. Эти слова заключали в себе не только оценку огромного международного значения русской революции, но и коренное положение марксизма о гегемонии пролетариата в социалистическом переустройстве общества.

Шансы на совершение революции в России Маркс и Энгельс считали очень высокими. Скопление революционного горючего, антикрепостнические настроения крестьянства, боевой дух передовой интеллигенции, гнилость всей полицейско-бюрократической системы — все это, по их мнению, создавало обстановку, когда страна «подобна заряженной mine, к которой остается только поднести фитиль... Это один из исключительных случаев, когда горсточка людей может *сделать* революцию, другими словами, одним небольшим толчком заставить рухнуть целую систему, находящуюся в более чем неустойчивом равновесии...»⁹² Именно поэтому Маркс и Энгельс не относились с односторонней отрицательностью к идеям народников о роли «критически мыслящего» меньшинства и пр. Маркс полагал, что в обстановке сильнейшего полицейского давления самодержавия «контртеррор» народовольцев явится мощным средством, революционизирующим общество.

Революционная ситуация 1879—1881 гг. не переросла в революцию. Царизм оказался еще прочным, а силы революционной партии — очень слабыми⁹³. Но суждения Маркса и Энгельса о сроках совершения революции нисколько не умаляют принципиального значения их взглядов на социальные коллизии в России, русскую революцию и освободительное движение в стране.

Суммируем: оценки Маркса и Энгельса проливают яркий свет на содержание народнической идеологии 70-х—начала 80-х годов (представителями которой в тот период являлись Михайловский и другие легальные

⁹² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 36, стр. 260.

⁹³ Маркс и Энгельс преувеличивали силу народнической партии, по-видимому, основываясь на чересчур оптимистических сведениях русских революционных деятелей (о влиянии и численности народнических организаций, их возможностях и т. п.).

публицисты «Отечественных записок»). Будучи утопически-социалистической по форме, она несла в себе заряд крестьянского демократизма и была отражением антифеодальных настроений крестьянской массы в стране, где социальные коллизии были особенно острыми, где буржуазно-демократическая революция обещала быть более радикальной по сравнению с буржуазными революциями Запада. Отсюда — социалистическая окраска демократических требований народников, их «субъективное» нежелание довольствоваться либерально-буржуазными институтами капиталистического строя. Отсюда и рациональное зерно народнической социологии: постановка реального вопроса об особенностях России, о перспективах развития молодой (в смысле капиталистического развития) страны.

Однако народничество, стоявшее на ошибочных теоретических позициях, не смогло дать решения этих проблем. И потому Маркс и Энгельс справедливо критиковали неверные взгляды своих оппонентов, их «аграрный мистицизм» и субъективизм. Но вместе с тем критика их была созидательной. Основоположники научного коммунизма дали глубокую теоретическую основу идейным исканиям русских утопических социалистов, выдвинув ряд важнейших положений о взаимовлиянии революционных процессов Запада и Востока, о путях развития молодых стран и пр. Эти соображения вошли в золотой фонд творческой марксистской мысли. Они имеют также принципиальное методологическое значение для современных исследователей как образец дифференцированного подхода к идеологии народничества.

Народники-экономисты. Н. Ф. Даниельсон

Статья Михайловского о «Капитале» Маркса была также симптоматичной в смысле возросшего интереса народников к экономическим вопросам. Народническая публицистика конца 70-х — начала 80-х годов богата экономическими исследованиями. Этому в немалой степени способствовал «Капитал» Маркса. «Выработка новой методологической и политико-экономической теории,— отмечал В. И. Ленин,— означала такой гигантский прогресс общественной науки..., что для русских социали-

стов почти тотчас же после появления «Капитала» главным теоретическим вопросом сделался вопрос о «судьбах капитализма в России»; около этого вопроса сосредоточивались самые жгучие прения, в зависимости от него решались самые важные программные положения»⁹⁴. В. И. Ленин считал, что постановка вопроса о капитализме в России есть «крупная историческая заслуга народничества»⁹⁵.

Надо отметить, что интерес к вопросу о капитализме был более свойствен легально-либеральному народничеству. И это понятно. Для революционных народников, нацеленных в первую очередь на свержение правительства и ликвидацию крепостнических пут, в теоретическом отношении были важнее проблемы революционной стратегии и тактики. Вопрос о капитализме решался для них в результате успешного исхода борьбы. П. Н. Ткачев, например, со страниц «Набата» призывал к революции для ограждения страны от капитализма⁹⁶. Революционные народники считали, что после победы революционной партии проблема капитализма отпадет сама собой, поскольку русская буржуазия обязана своим существованием правительству и не имеет прочных корней в стране.

Вместе с тем революционные народники солидаризировались с экономическими взглядами народников легальных. Основные положения «Отечественных записок» находили признание на страницах революционных изданий — «Земли и воли», «Набата» и «Народной воли». В начале 80-х годов Л. Тихомиров поддерживал взгляды В. П. Воронцова. На исследования Н. Ф. Даниельсона ссылались авторы «Летучего листка» «Группы народовольцев»⁹⁷ — революционной организации 90-х годов.

Основные моменты народнической концепции капитализма (критика буржуазного «регресса», надежда на предохранительную миссию общины и артели от капитализма, подчеркивание активной роли интеллигенции

---

⁹⁴ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 275.

⁹⁵ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 2, стр. 531.

⁹⁶ См. «Народническая экономическая литература. Избранные произведения». М., 1958, стр. 268.

⁹⁷ См. Отдел рукописей Гос. биб-ки им. В. И. Ленина, ф. 358, к. 412, ед. хр. 7, л. 14.

в деле отыскания некапиталистического пути) сложились в начале 70-х годов в работах Н. К. Михайловского, Г. З. Елисеева и др. Тогда постановка вопроса о капитализме была абстрактно-социологической. В конце 70-х — начале 80-х годов к народникам-социологам присоединяются народники-экономисты.

В ту пору в социально-экономической жизни страны уже явственно обнаружилось значительные сдвиги. В 1873 г. были опубликованы отчеты Валуевской комиссии, которые показали наряду с обеднением и разорением мелкого земледельца начавшееся расслоение крестьянства. Экономическое учение народничества возникло в период, когда в условиях роста товарно-денежных отношений крестьянин становился товаропроизводителем, мелким буржуа. В конце 70-х годов появилась земская статистика, сыгравшая немалую роль в выработке экономического учения народничества.

Произведения народников-экономистов обыкновенно относят к упадочническому периоду народничества 80—90-х годов, хотя, например, статья Н. Ф. Даниельсона «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства» написана в период революционной ситуации, а книга В. П. Воронцова «Судьбы капитализма в России» состоит из журнальных статей, некоторые из которых написаны еще в конце 70-х годов. Безусловно, в работах Даниельсона и Воронцова заложены принципы и взгляды, за которые позднее В. И. Ленин и другие марксисты сурово критиковали «друзей народа». Мещанские утопии, признаки оппортунизма, проявившиеся у народников-экономистов, означали большой шаг назад по сравнению с семидесятниками.

Однако следует вспомнить, что Маркс, ознакомившись со статьей Даниельсона, назвал ее «оригинальной» «в лучшем смысле этого слова»⁹⁸. Вряд ли можно расценить это как дипломатическую вежливость по отношению к переводчику своих произведений. Маркс никогда не стеснялся в критике, и замечания по статье он высказывает в том же письме к Даниельсону. В то же время автор «Капитала», который всегда интересовался Россией, нашел в этой статье картину пореформенной русской жизни.

---

⁹⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 35, стр. 127.

Стоит также отметить, что В. И. Ленин, посвятивший немало критических страниц народникам-экономистам, в то же время отдавал должное их работам. «...Старое русское народничество,— писал он,— перестало быть одним мечтательным взглядом в будущее и дало обогатившие русскую общественную мысль исследования экономической действительности России»⁹⁹.

С конца 70-х — начала 80-х годов все основные положения народнической концепции — о перспективах развития России, об общине, капитализме и пр.— как бы облачаются в цифры, получают экономическую «инструментовку». Хозяйственно-экономические проблемы начинают занимать ведущее место в народнической публицистике, в системе народнической идеологии вообще. Вместе с тем экономические исследования служили естественным дополнением и продолжением народнической социологии, из которой В. П. Воронцов, Н. Ф. Даниельсон и другие заимствовали исходные принципы, априорные методологические соображения. Отмечая этот факт, Г. В. Плеханов писал, что экономические построения народничества представляют собой «полное торжество субъективизма в политической экономии»¹⁰⁰.

Это обнаруживается в работах такого видного представителя народнической экономической школы, как В. П. Воронцов. Он считал, что «задачей социальной науки должно быть объяснение происхождения сложных общественных отношений из более простых психологических, подобно тому как физиология ставит себе задачей сведение сложных явлений жизни животного на более простые физико-химические процессы...»¹⁰¹. Это — сродни Михайловскому с его социологическими исследованиями психологического фактора, биологическими параллелями. А вот положения, близкие Лаврову: общественную жизнь Воронцов подразделял на «1) органическую, стихийную или бессознательную и 2) телеологическую, сознательно-целесообразную»¹⁰². Понятно, что Воронцов отдавал предпочтение второй и с ней лишь связывал надежды на социальный прогресс. Носителем «телеологической» функции являлась, по его мнению,

⁹⁹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 12, стр. 331.

¹⁰⁰ Г. В. Плеханов. Собрание сочинений, т. IX. М., 1926, стр. 99.

¹⁰¹ В. В. [В. П. Воронцов]. Наши направления. СПб., 1892, стр. 13.

¹⁰² Там же, стр. 15.

интеллигенция, которая «делает возможным систематическое, сознательно-целесообразное воздействие на общественную жизнь». Для Запада Воронцов допускал, что интеллигенция выражает буржуазные интересы и обслуживает потребности «привилегированного или полупривилегированного класса». Не то было в России, где, по словам Воронцова, интеллигенция вырабатывала мирозерцание, «обнимавшее всю массу народа». «Названное обстоятельство,— пояснял Воронцов,— в значительной степени обязано своим существованием большей отсталости России сравнительно с Западом»¹⁰³. В общем автор «Судеб капитализма в России» ревностно придерживался основ народнической субъективной социологии, не останавливаясь даже перед воспеванием отечественной «отсталости».

Взгляды В. П. Воронцова, высказанные им в книге «Судьбы капитализма в России» и других работах, относящихся к этому периоду, коротко сводились примерно к следующему.

Экономику России он изображает как борьбу капитализма и «народного производства» (т. е. мелкого кустарного хозяйства, артелей, общин — форм, которые представлялись ему зародышами коллективного, социалистического производства). Не отрицая роста буржуазных отношений, он тем не менее объявляет их «искусственным насаждением», делом рук правительства. Капитализм в России, по его мнению, не имеет никакой перспективы в силу отсутствия достаточного внутреннего и внешнего рынка. Кроме того, он несет неисчислимые бедствия мелким производителям, поскольку происходит «не столько...их обезземеливание (т. е. превращение крестьянина в пролетария.— В. Х.) сколько их обеднение»¹⁰⁴.

На этом основании Воронцов упрекал либеральных идеологов (а также «социалистов школы Маркса»), «прикидывающих к России шаблон западноевропейских порядков», в неверной, подражательной трактовке русского экономического развития. Апеллируя по существу к самодержавному государству, он убеждал «общество», что «экономическая политика России... должна переме-

¹⁰³ В. В. [В. П. Воронцов]. Наши направления, стр. 84.

¹⁰⁴ В. В. [В. П. Воронцов]. Судьбы капитализма в России. СПб., 1882, стр. 18.

нить свое основание»¹⁰⁵. Народник идеализировал реформу 1861 г., приписывая ей антикапиталистическую направленность, которая лишь «по ошибке» не проводится в жизнь.

Однако, будучи теоретически несостоятельной, программа Воронцова содержала в себе значительный антикрепостнический заряд. Народник-экономист видел, что причина закабаления крестьянина помещиком заключается в «отрезках» от крестьянской земли, произведенных после реформы 1861 г. Поэтому он шел дальше общепризнанной либеральной программы (увеличение наделов, организация кредита, переселений и пр.) и рекомендовал «оставить попечения и заботы о поддержании крупных (помещичьих.— В. Х.) хозяйств... чтобы земля.., миновав объятия кулаков, непременно попала к жаждущему ее мужику»¹⁰⁶. Понимая, что выкупить землю крестьянин не может, Воронцов высказывался за приобретение правительством помещичьих земель и передачу их крестьянам не в полную собственность, а только в постоянное пользование. Н. К. Каратаев справедливо отмечает, что тем самым Воронцов доходил до идеи частичной национализации земли¹⁰⁷. Он полагал, что эта мера положит преграду буржуазным отношениям.

Остановимся подробнее на теоретических воззрениях Н. Ф. Даниельсона, переводчика «Капитала», видного общественного деятеля и экономиста. В конце 70-х годов Даниельсон узнал, что Маркс собирается изучать аграрный строй России. Он прислал Марксу свои статистические данные. Маркс, будучи нездоров, не смог заняться анализом этих материалов и рекомендовал это сделать самому Даниельсону. Так, в 1880 г. в журнале «Слово» появилась статья Даниельсона (за подписью Николай — он) «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства».

Даниельсон в общем держится сходных взглядов с Воронцовым. Он видит в России борьбу двух начал — капиталистического и некапиталистического, идеализирует «Положение» 19 февраля, приписывая ему «прин-

---

¹⁰⁵ В. В. [В. П. Воронцов]. Судьбы капитализма в России, стр. 184.

¹⁰⁶ Там же, стр. 221—222.

¹⁰⁷ См.: «История русской экономической мысли», т. II, ч. 2. М., 1960, стр. 274.

цип...наделения крестьян землею, или, выражаясь шире, доставления самим производителям орудий труда»¹⁰⁸. Общину он наделяет антибуржуазными свойствами. Но ход его рассуждений несколько иной.

Даниельсон раскрывает смысл пореформенной внутренней политики самодержавия. Строительство железных дорог, где государству принадлежало более половины всего акционерного и облигационного капитала, организация банковского дела, субсидии частным предпринимателям — все эти меры стимулировали развитие буржуазных отношений. Однако он не считает правительство первопричиной капитализма в России. «Железные дороги... явились следствием развития обращения товаров, отправившихся за поисками потребителей»¹⁰⁹. После Крымской войны Россия «попала в хозяйственную семью Европы».

Анализируя движение грузов и пассажиров, Даниельсон показывает, как в орбиту товарного обращения втягивается крестьянин. В поисках денег для уплаты податей крестьянин продает свой хлеб, отправляется на заработки, а потом вновь покупает хлеб, поскольку нищенский надел не может его прокормить.

Это ведет к разорению мелкого производителя и сокращению его потребления. Даниельсон показывает, что за последние 8 лет потребление крестьянства упало на 14%. Свои расчеты он подкрепляет ссылкой на положение из «Нищеты философии» К. Маркса о том, что с развитием капитализма повышаются цены на жизненные припасы, тем самым лишая крестьянина необходимых продуктов¹¹⁰.

Даниельсон не только приводит отдельные цитаты из произведений Маркса, но и подробно пересказывает его теорию стоимости и товарного обращения. Он берет за основу мысль Маркса о зависимости обращения от производства. На Западе, говорит он, рост обращения был обусловлен ростом производства. В России иначе: Даниельсон констатирует застой в производстве хлеба за

¹⁰⁸ *Николай-он*. Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства.— «Слово», 1880, № 9, стр. 78.

¹⁰⁹ Там же, стр. 101.

¹¹⁰ См.: Там же, 1880, № 9, стр. 124—125. Даниельсон цитирует здесь текст К. Маркса из § 2 главы I «Нищеты философии». См.: *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Сочинения, т. 4, стр. 96—97.

1871—1878 гг. «В противоположность западноевропейской практике... развитие железных дорог и банков не было вызвано массовым ростом производства»¹¹¹. Более того, по некоторым годам Даниельсон отмечает ослабление торговой активности в связи с упадком производства. Последний он объясняет отчасти неурожаями, отчасти ухудшающимся состоянием крестьянского хозяйства. Вызванная потребностью рынка, говорит он, хищническая эксплуатация крестьянства «ведет к уменьшению успешности земледельческого труда»¹¹² и увеличению числа «упалых» хозяйств, что усугубляется хроническим «недопотреблением». В итоге, отправляясь от тезиса Маркса о примате производства над потреблением, Даниельсон устанавливает следующую зависимость: если на Западе механизм обращения рос в результате подъема производства, то в России дело происходит иначе — упадок земледельческого труда обуславливает уменьшение обращения. Если «производители и земля будут по-прежнему оставаться в пренебрежении, то ход всего механизма обмена сначала несколько замедлится, затем это замедление будет все более и более увеличиваться вплоть до полной остановки всего механизма»¹¹³.

Таким образом, во-первых, по Даниельсону, ход капиталистического развития в России противоположен западной модели. Во-вторых, если Воронцов лишь эпизодически пробует сослаться на «Капитал» для обоснования своих взглядов, то Даниельсон объявляет себя учеником Маркса. В этом смысле его статья любопытна как попытка применения марксизма к анализу хозяйственных условий России.

Нет нужды говорить, что эта попытка оказалась неудачной. Даниельсон не смог по-настоящему усвоить теории Маркса и прежде всего его учение о роли производительных сил. Он не понимал, что от экстенсивного земледелия капитализм переходит к интенсивному, от грубых, полукрепостнических форм эксплуатации к вольнонаемному труду на базе передовой техники. Доля истины в его теории автоматического «краха» русского капитализма

---

¹¹¹ *Николай-он*. Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства.— «Слово», 1880, № 9, стр. 103.

¹¹² Там же, стр. 138.

¹¹³ Там же, стр. 118.

заклучалась лишь в том, что развитие буржуазных отношений в России действительно шло за счет резкого подрыва экономики мелких крестьянских хозяйств и приводило к периодическим кризисам и голодовкам.

Не понимал Даниельсон и учения Маркса о борьбе классов и роли пролетариата как подлинного антагониста буржуазии. Отсюда его идеализация общины и хозяйственной самостоятельности производителей, в чем мелкобуржуазный романтик видел залог некапиталистического пути.

Даниельсон воспринимал марксизм через призму субъективной социологии, к которой он тяготел весь период своей научной и публицистической деятельности. Правда, субъективизм Даниельсона, как и большинства народников-семидесятников, заключал в себе весьма радикальный общественно-политический смысл. По своим симпатиям и связям переводчик «Капитала» был близок к революционно-демократическим кругам 60—70-х годов. Он был дружен с Г. А. Лопатыным и другими революционерами-народниками. Он сочувствовал идеям Чернышевского. Отсюда определенный демократизм и социалистическая тенденция во взглядах Даниельсона. Как и другие народнические теоретики, он протестовал против объективизма буржуазной науки, апологетического отношения к капитализму.

Но эта демократическая, антибуржуазная направленность не опиралась на метод научной социологии. Призыв Даниельсона «сойти с пути» на фоне нарисованной им картины роста капитализма в России повисал в воздухе. Слабость народнической социологии особенно чувствовалась в экономическом исследовании, где Даниельсон вынужден был оперировать со статистическим материалом, объективными данными хозяйственной жизни России. Недаром позднее В. И. Ленин, Г. В. Плеханов и другие марксисты, основываясь на фактах, собранных народнической экономической литературой, делали из них противоположные выводы — на основе научной социологии, исторического материализма Маркса — Энгельса.

Все-таки влияние марксизма (по крайней мере в 70-х—80-х годах) сказывалось на мировоззрении Даниельсона. Он признавал прогрессивную роль капитализма на Западе. В отличие от Воронцова он не сводил развитие буржуазных отношений к неудачной политике правительства.

Даниельсон понимал закономерность роста в России товарно-денежных отношений и последствия этого. «Кредит и железные дороги,— писал он,— ускоряют обращение натурального хозяйства в денежное» и приводят к тому, что «производители становятся наемными рабочими»¹¹⁴. Видел Даниельсон и разложение общины. Отсюда и вывод Даниельсона в тот период: «течение капиталистическое, видимо, пересиливает»— вывод, против которого резко возражал В. П. Воронцов¹¹⁵.

Наконец, симпатия Даниельсона к марксизму (как и Михайловского в 70-е годы, народнического публициста Н. С. Русанова и др.) сыграла определенную объективную роль в смысле пропаганды этого учения или по крайней мере отдельных его положений среди передовой интеллигенции. Приводя различные выдержки из произведений Маркса и Энгельса, излагая их взгляды, народнические публицисты тем самым в какой-то мере знакомили демократическую общественность с марксистским учением.

Характерно, что переводчик «Капитала» отвергал паллиативы, предлагаемые либеральной печатью,— податная реформа, увеличение наделов, кредит, реорганизация крестьянского банка. Он понимал, что эти меры не в состоянии остановить развитие капитализма. «Мы, конечно, не хотим сказать, что податная реформа нежелательна; совсем напротив... Мы хотим только сказать, что она решительно ни к какому коренному хозяйственному улучшению сама по себе, однако, не поведет»¹¹⁶.

В предвидении дальнейшего массового разорения крестьянства, кризиса и «вырождения» деревни Даниельсон настаивал на радикальных мерах. «Перед нами,— писал он,— через двадцать лет после обнародования «Положения», опять стоит все тот же вопрос — крестьянский, но уже в более жгучей форме...»¹¹⁷. Эти строки в соединении с призывом «сойти с пути» воспринимались в 1880 г. иначе, чем в 90-х годах. Близость Даниельсона в конце 70-х годов к революционным кругам отразилась

¹¹⁴ *Николай-он*. Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства.— «Слово», 1880, № 9, стр. 135.

¹¹⁵ См.: В. В. [В. П. Воронцов]. Судьбы капитализма в России, стр. 310.

¹¹⁶ *Николай-он*. Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства.— «Слово», 1880, № 9, стр. 142.

¹¹⁷ Там же, стр. 142.

на характере его статьи, хотя и причислять ее автора в те времена к революционному народничеству полностью нельзя. Но в либеральном народничестве он занимал более передовые позиции, чем Воронцов.

В. И. Ленин об экономических идеях народничества

В. И. Ленин подвергал взгляды народничества беспощадной критике. При этом он противопоставлял социалистические идеалы Герцена и Чернышевского мелкопоместничеству народников 80—90-х годов. Он проводил резкую границу между героическими семидесятниками и «друзьями народа», фактически отрекшимися от боевого наследия своих предшественников.

И вместе с тем: «Народничество очень старо. Его родоначальниками считают Герцена и Чернышевского. Расцветом действенного народничества было «хождение в народ» (в крестьянство) революционеров 70-х годов. Экономическую теорию народников разрабатывали всего лучше В. В. (Воронцов) и Николай — он в 80-х годах прошлого века»¹¹⁸.

Воронцова и Даниельсона В. И. Ленин ставит в широком плане в общую идейно-теоретическую традицию с Герценом, Чернышевским и семидесятниками. Нет ли тут противоречия? Нисколько. Между действенным народничеством и его оппортунистическими наследниками лежит пропасть, как между революционерами и реформистами. В то же время работы Воронцова и Даниельсона отразили закономерную эволюцию народнических идей. Если можно так выразиться, «проявлялась» классовая база народничества — мелкий производитель в условиях роста товарно-денежных отношений все более превращался в мелкого буржуа. Кроме того, после поражения «Народной воли» и наступления реакции характерной для народничества становится легальная деятельность, апелляция к «верхам». Эту роль естественно взяло на себя либеральное народничество.

Сущность народничества Ленин видел «в протесте против крепостничества (стародворянское наслоение) и буржуазности (новомещанское) в России с точки зрения

¹¹⁸ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 22, стр. 304.

*крестьянина, мелкого производителя»*¹¹⁹. Эта двойственность, «борьба на два фронта», характерная для народничества вообще (в отличие от просветителей), особенно сказалась на либеральных народниках конца XIX в., породив «странную смесь прогрессивных и реакционных пунктов их программы»¹²⁰.

В связи с этим еще одна чрезвычайно важная ленинская характеристика народничества: «...Целое мирозерцание, начиная от Герцена и кончая Н.—оном. Громадная полоса общественной мысли.

Ее историческое значение: идеализация борьбы с крепостничеством и его остатками («Agrarische Democratie») Marx»¹²¹.

Вдумаемся в эти слова. Во-первых, борьба с крепостничеством; в этом — исторически прогрессивное содержание народничества. Во-вторых, идеализация этой борьбы — культ старорежимной общины, вера в антибуржуазность мелкого производителя, переоценка роли государства в «ограждении» от капитализма. В какой-то мере эти взгляды были свойственны уже Герцену. Их разделяли народники 70-х годов (правда, революционные народники не питали никаких иллюзий по отношению к правительству). В 80-х годах идеализация борьбы с крепостничеством усиливается благодаря «гиперболизации» капитализма. Буржуазный Молох настолько представляется народникам первопричиной бедствий трудящихся, что они готовы примириться с теми или иными остатками крепостнической кабалы. Они апеллируют к государству с просьбой «оградить» от предпринимательства — и тут же, противореча себе, выставляют демократические требования, причем их «буржуазный характер... оставался ими несознанным»¹²².

Отсюда любопытная идеологическая аберрация: воюя против капитализма, народник не замечает, как становится поборником крепостничества. Нападая на крепостничество, он приходит к защите капитализма. Противопоставляя капитализму «народное производство», он выдвигает программу буржуазной «аграрной демократии».

¹¹⁹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 355.

¹²⁰ Там же, стр. 469.

¹²¹ В. И. Ленин. Тетради по аграрному вопросу. 1900—1916. М., 1969, стр. 21.

¹²² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 20, стр. 165.

«Аграрную демократию» Ленин и выделял в народничестве. В полемике с «друзьями народа» 90-х годов он указывал, что постановка аграрного вопроса принадлежит не социал-демократам, а народникам (имея в виду требования Воронцова в работах 80-х годов вернуть «отрезки»). «Положительную и прогрессивную часть требований... она (социал-демократия.— В. Х.) переняла целиком, выбросив за борт мещанские иллюзии...»¹²³

Так же дифференцированно Ленин относился и к экономическому учению народников. Критикуя его, он в то же время указывал, что оно «отражает действительные общественно-экономические отношения России...»¹²⁴ Во-первых, в смысле фактическом, информационном, Ленин признавал за народнической литературой «превосходные описания»¹²⁵ деревни и многочисленных форм эксплуатации мелкого производителя. Он неоднократно ссылался на труды Воронцова, В. Пругавина, Н. Каблукова и земскую статистику. Во-вторых, в смысле критики русского капитализма и его противоречий, Ленин говорил об «экономике именно тех сторон нашей общественной жизни, где капитализм наименее развит и откуда обыкновенно черпали народники материал для своих теорий»¹²⁶. Конечно, в работах народников отсталость России вообще и русского земледелия в особенности трактовалась «уже не как отсталость *капитализма*, а как самобытность, оправдывающая отсталые теории»¹²⁷. Но за мечтательными рассуждениями о самобытности России проступали реальные черты своеобразия ее экономического развития.

Если с этой точки зрения посмотреть на теории народничества, то окажется, что их ошибочные, утрированные воззрения имели под собой некоторую почву.

---

¹²³ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 7, стр. 231. Можно сделать вывод, что Ленин в какой-то мере подразделял народников 80-х и 90-х годов. Приводя статью Воронцова из «Отечественных записок» 1882 г., он относит ее «к лучшей эпохе его деятельности» (там же). Он также противопоставляет «друзьям народа» Даниельсона с его положением, что «никакими реформами на почве современных порядков помочь делу нельзя...» (В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 243).

¹²⁴ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 247.

¹²⁵ Там же, стр. 517.

¹²⁶ Там же, стр. 239.

¹²⁷ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 9, стр. 192.

Взять хотя бы теорию о сокращении внутреннего рынка и «крахе» капитализма. На многочисленных данных Ленин показал, что разложение крестьянства не сокращает, а создает внутренний рынок. В то же время он констатировал замедленные темпы этого процесса: «...Расширение внутреннего рынка задерживается многими обстоятельствами (главным образом, сохранением устарелых учреждений...)»¹²⁸. Он подчеркивал, что русский капитализм движается скачкообразно, неравномерно, через периодические «крахи» и голодовки населения.

Не отрицая фактов расслоения крестьянства, народники стремились преуменьшить их значение, ссылались на низкую товарность крестьянского хозяйства, преувеличивали «прочность» общины. Ленин высмеял эту позицию страуса, прячущего голову под крыло. Вместе с тем он указывал на реальную основу народнических преувеличений — отработки, которые предполагают именно среднего «бестоварного» крестьянина¹²⁹, на кабалу и засилье торгового и ростовщического капитала в деревне¹³⁰. В общине, писал он, «преобразующее действие капитализма... проявляется... с наибольшей медленностью и постепенностью»¹³¹.

Обвиняя капитализм в разорении трудящейся массы, народники ставили под сомнение его прогрессивную роль. В ответ Ленин приводил факты о положении наемных рабочих, значительно превосходящих мелкого производителя в культурном и материальном достатке. Однако, говорил он, далеко не всем крестьянам и кустарям был открыт путь в крупное производство. Аграрное перенаселение в России к концу XIX в. Ленин исчислил в 13 млн. человек¹³². Эта армия была обречена на нищенский кабальный заработок (в 2 раза меньший по сравнению с вольнонаемным), на пауперизацию. «Рост нищеты и экспроприации крестьянства не подлежит сомнению»¹³³.

Различие между народнической и марксистской критикой капитализма прекрасно очерчено Лениным в ра-

¹²⁸ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 593.

¹²⁹ См.: В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 179.

¹³⁰ См.: Там же, стр. 175.

¹³¹ Там же, стр. 165.

¹³² См.: В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 17, стр. 136.

¹³³ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 139.

боте «Развитие капитализма в России». «Говоря., что крестьянская буржуазия есть господин современной деревни, мы абстрагировали... задерживающие разложение факторы: кабалу, ростовщичество, отработки и прочее. В действительности настоящими господами современной деревни являются зачастую... сельские ростовщики и соседние землевладельцы»¹³⁴. И далее Ленин дает важное методологическое указание: «Если нам скажут, что мы забегаем вперед., то мы ответим на это следующее. Перед тем, кто хочет изобразить какое-либо живое явление в его развитии, неизбежно и необходимо становится дилемма: либо забежать вперед, либо отстать»¹³⁵. «Забегаая вперед», марксисты определяли верную тенденцию развития капитализма в России — от низших и худших форм к более эффективным. Народники, констатируя отсталость капитализма, поворачивали назад, к отрицанию капитализма, к утопическим планам. За это Ленин и называл их мелкобуржуазными романтиками.

В то же время, сравнивая мировоззрение народничества с сисмондизмом, Ленин видит и отличия между ними. «Может быть, самым выдающимся... отличием,— пишет он,— является стремление экономистов-народников прикрыть свой романтизм заявлением «согласия» с новейшей теорией (Маркса.— В. Х.) и возможно более частыми *ссылками* на нее...»¹³⁶

Народники признавали верность теории Маркса для Запада, где рост капитализма был связан, по их словам, с высокой степенью пролетаризации населения. Там, как считали они, путь к социализму поневоле шел через капитализм. В России же наличие у крестьянина земли и медленность его «обезземеливания» казались им условиями, благоприятствующими прямому пути к социалистическому, «народному» производству, минуя капитализм.

«Такой взгляд,— говорил Ленин,— грешит вопиющей антиисторичностью, перенесением «готовой» формулы Маркса («формулы», применимой лишь к высокоразвитому товарному производству) на *крепостническую* почву»¹³⁷.

¹³⁴ Там же, стр. 179.

¹³⁵ Там же, стр. 322.

¹³⁶ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 2, стр. 246.

¹³⁷ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 20, стр. 163.

Противопоставление России Западу выросло у народников до гипертрофированных размеров.

Коротко говоря, теории народничества были попыткой поставить вопрос об особенностях русского социально-экономического развития (и шире — об особенностях позднего, «вторичного» развития капитализма в целом ряде стран). Как *постановка вопроса* они имели значение в истории общественной мысли. Но *решение* оказалось неудовлетворительным. Оно и не могло быть иным под углом зрения мелкобуржуазной идеологии.

Мы уделили значительное внимание работам Н. Ф. Даниельсона и В. П. Воронцова по той причине, что с 80-х годов экономическая проблематика выдвигается на важное место в системе теоретических воззрений народничества. Социологический субъективизм нашел продолжение в экономическом романтизме. Это наложило свой отпечаток и на отношении народнической идеологии к марксизму. Подобно Н. К. Михайловскому, искавшему «поправки» у автора «Капитала», Н. Ф. Даниельсон обосновывал экономический субъективизм «по Марксу». Тем самым традиция отрицания марксизма (применительно к России) в сочетании с попытками его истолкования в мелкобуржуазном духе закрепились в народничестве, доказательством чего явились споры народнических теоретиков с русскими «учениками» Маркса в следующем десятилетии.

Глава II

ИДЕЙНЫЙ КРИЗИС «ДРУЗЕЙ НАРОДА»

Мы видели, что в 70-е годы легальное народничество в какой-то мере «подтягивалось» к нелегальному, революционному народничеству. В 80-х годах, когда к народникам-социологам присоединились народники-экономисты, в легально-либеральном народничестве стали более отчетливо проступать мелкобуржуазные тенденции под влиянием соответствующих социальных процессов в деревне. С другой стороны, спад революционных настроений после 1881 г. привел к усилению в народничестве оппортунистических тенденций.

И всё-таки тот уровень, на котором оказались в 90-х годах «друзья народа», представляет разительный контраст не только с 70-ми годами, но даже и с 80-ми (имея в виду лучшие достижения В. П. Воронцова и Н. Ф. Даниельсона).

Дюжинный реформизм, заигрывания с царским правительством, яростные нападки на марксизм — вот к чему пришло в 90-х годах либеральное народничество на страницах своего лучшего легального журнала «Русское богатство».

Как могло так случиться, что Н. К. Михайловский с его сочувствием революционному подполью, С. Н. Кривенко, близкий к «Народной воле» в конце 70-х и начале 80-х годов, и другие литераторы, так или иначе причастные к «действенному народничеству», стали через пятнадцать лет поборниками «кротких начатков либерализ-

ма»? Чем вызван идейный спад людей, ранее не отличавшихся ни верноподданническими чувствами, ни «марксоедством»?

Вряд ли можно объяснить его личной слабостью того или иного народнического деятеля. Кризис целого направления может быть порожден только определенными социальными причинами. Некоторые из них — «обуржуазивание» народничества и кризис революционного движения после 1881 г.— мы называли. Рассмотрим теперь другие.

Общественно-экономическая обстановка к началу 90-х годов

Реформа 1861 г. определила буржуазное развитие России. Однако в самой реформе были заложены условия, тормозившие этот процесс. Юридически освободив крестьянина, правительство прикрепило его к земле с целью обеспечения помещиков дешевым кабальным трудом. «Отрезки», высокий выкуп, намного превышавший доходность крестьянского хозяйства, консервирование худших традиций общины в целях удобства сбора налогов,— все эти факторы отрицательно сказывались на развитии буржуазных отношений.

Тем не менее в первые пореформенные десятилетия капитализм делает определенные успехи. Строительство железных дорог, организация банков, акционерная горячка в первой половине 70-х годов («грюндерство»), импорт зарубежного капитала способствовали расширению предпринимательских связей. Правительство в этот период во внутренней политике в основном придерживалось принципов фритредерства и «манчестерства». Значительно вырос ввоз машин из-за границы. Растет число фабрик, прежде всего крупных, обеспечивавших концентрацию и централизацию капитала и победу капиталистического производства над отсталой мануфактурой. Параллельно с развитием фабрик расширяется мелкое товарное производство. Товарное оживление и нужда в деньгах для уплаты податей стимулируют приток крестьянства на отхожие промыслы, в кустарную промышленность, в города.

Определенный прогресс наблюдается и в сельском хозяйстве. Рост товарного обращения и экспорт хлеба

толкают помещиков к расширению запасек, к освоению передовых методов хозяйства. Ленин отмечал, что импорт сельскохозяйственных машин в 1877—1880 гг. возрос по сравнению с 1869—1872 гг. в четыре раза¹. Хотя в основном крупные землевладельцы базировались на обработках, в отдельных районах (на Юге) и отдельных отраслях (особенно в льноводстве, животноводстве, свекловодстве и пр.) широко используется вольнонаемный труд с применением техники.

С 80-х годов экономическая ситуация меняется.

В 1875—1895 гг. разразился мировой сельскохозяйственный кризис, подорвавший экспорт русского хлеба и других сельскохозяйственных продуктов. Снижение экспортных цен вызвало и падение внутренних цен на хлеб (в некоторых местностях — в пять раз). Это резко сказалось на экономической дееспособности крестьянского хозяйства, которое и без того отличалось низкой производительностью труда в силу хищнической эксплуатации крестьянства помещиками, а также из-за традиционного трехполья и низкой техники. Чувствительный удар был нанесен и помещикам. В 1893 г., например, зафиксировано 2237 принудительных продаж имений — в десятки раз больше, чем в середине 80-х годов².

В таких условиях помещики, чтобы гарантировать себя от прямых убытков, цепляются за примитивные, крепостнические формы ведения хозяйства. С 80-х годов особенно распространяются обработки, исполцина и сдача помещиками земель в аренду крестьянам. Внеадельные аренды, по подсчетам Н. А. Карышева, составляли к 90-м годам почти пятую часть всей земли, обрабатываемой крестьянами³. Этим путем помещики частично гарантировали себя от разорения, но за счет крестьян.

Обнищание крестьянства, падение платежеспособности населения и сужение внутреннего рынка отрицательно сказались и на развитии промышленности. За 80-е годы ввоз машин в Россию против 70-х годов упал в два

---

¹ См.: В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 215.

² См.: П. И. Лященко. Русское зерновое хозяйство в системе мирового хозяйства. М., 1927, стр. 283.

³ См.: Н. А. Карышев. Крестьянские внеадельные аренды. Дерпт, 1892, стр. VII.

раза⁴. Под влиянием аграрного кризиса промышленность вступает в полосу длительной депрессии, сокращения по ряду фабрик объема производства, безработицы. Если передовые страны уже через два-три года после спада вновь вступали в период оживления, то в отсталой России кризис перешел в 10—15-летний экономический застой.

Это не значит, что развитие буржуазных отношений в России застопорилось. «Аграрный кризис,— писал Ленин,— как и всякий кризис, разоряет массы хозяев, производит крупную ломку установившихся отношений собственности, *местами* ведет к техническому регрессу, к оживанию средневековых отношений и форм хозяйства, но в общем и целом он *ускоряет* общественную эволюцию...»⁵. Да, в конечном счете после упадка российской экономики последовал промышленный подъем 90-х годов, сопровождавшийся ростом рабочего класса, обострением хозяйственных противоречий и усилением революционности крестьянства. С точки зрения широкой исторической перспективы прогрессивное направление общественной эволюции несомненно. Но на отрезке 80-х — начала 90-х годов перед русской общественной мыслью представала мрачная картина.

Во внутренней политике правительство переходит к протекционизму и опеке над промышленностью. Государство переводит на счет казны убыточные железнодорожные линии, субсидирует отрасли тяжелой промышленности, таможенным путем ограничивает конкуренцию со стороны западноевропейского капитала. Государственное хозяйство к 90-м годам достигает огромных размеров. Помощь крупным собственникам осуществлялась за счет громадного роста налогового обложения и государственных монополий. Особенное распространение получила эта политика при министре финансов Вышнеградском. Одна только винная монополия давала ежегодно 300—365 млн. рублей прибыли⁶.

Поощрение капиталистической промышленности сочеталось с «дворянским» курсом в земельных отноше-

⁴ См.: П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР, т. II. М., 1956, стр. 111.

⁵ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 4, стр. 152.

⁶ См.: П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР, т. II, стр. 183.

ниях. В обстановке политической реакции самодержавие переходит к резкому давлению на крестьянство, увеличению правовых и хозяйственных стеснений. В интересах помещиков правительство всячески стремилось удержать рабочую силу в деревне. В 1881 и 1889 гг. были приняты законы об ограничении переселений. В 1886 г. выходит закон об ограничении семейных разделов. В 1889 г. появляется реакционное уложение о «твердой власти» земских начальников, к которым переходили многие судебные и административные функции. Этот закон возвращал дворянству значительную часть его вотчинно-полицейской опеки над крестьянином.

По закону 8 июня 1893 г. ограничивался передел общинных земель. 14 декабря 1893 г. был принят закон о «неотчуждаемости крестьянских земель». Если по Положению 19 февраля крестьянин, выкупивший свой надел, беспрепятственно получал право на выдел участка, то теперь это обуславливалось согласием $\frac{2}{3}$ сельского схода, которому, конечно, невыгодно было лишиться исправных плательщиков. В случае согласия схода необходимо было разрешение губернских властей или даже министерства внутренних дел. Таким образом, экономическое разложение «мира» и рост буржуазных отношений в деревне сдерживались в интересах помещиков путем юридического укрепления общины и прикрепления крестьянина к земле.

В то же время, стремясь сыграть на наивной мужицкой вере в «царя-батюшку», правительство предприняло ряд мер, имевших целью создать видимость заботы о деревне. В 1880 г. было списано почти 7 млн. рублей недоимок (из 39 млн.) с бывших помещичьих крестьян. По закону 1881 г. о прекращении временнообязанных отношений также было произведено некоторое понижение выкупных платежей. Был отменен феодальный подушный налог. Для упорядочения выкупной операции правительство учредило Крестьянский банк, который на деле содействовал только помещикам и кулакам. Отмена одних налогов была восполнена системой косвенных обложений, значительно увеличивших податную тягость.

Все это вместе взятое — кризис производства, реакционная внутренняя политика, рост нищеты масс — привело к громадной катастрофе — голоду 1891—1892 гг. Никогда еще голодовки не принимали размеры такого

всенародного бедствия. Неурожай охватил центральную Россию, Поволжье, Прикамье и Западную Сибирь. Экономический развал хозяйства достиг крайней степени «...В 1891—1892 гг. правительство было застигнуто врасплох и порядочно-таки растерялось»⁷,— писал Ленин. Оно «пожертвовало» в помощь голодающим 150 млн. рублей. Это была капля в море народного разорения.

События 1891 — 1892 гг. произвели на народническую интеллигенцию тяжелое впечатление, которое усиливалось состоянием беспомощности крестьянства.

Таким образом, период 80-х — начало 90-х годов, при сохранении общего направления буржуазного развития, характеризуется некоторым временным перераспределением сил: усиление реакции и помещичьего господства; частичная реставрация крепостничества в деревне; застой в промышленности и замедление темпов производства в целом; наконец, возвышение роли государственного сектора и его опеки как над промышленностью, так и над мелким производством. Если можно так выразиться, усилились «народнические» черты хозяйственного развития России, основываясь на которых Воронцов и Даниельсон еще в начале 80-х годов создавали свои теории «краха» капитализма и «народного производства». Теперь они еще больше уверовали в правильность своих прогнозов. В обстановке политической реакции, находясь под впечатлением разорения крестьянства, с одной стороны, и видимости «помощи» всемогущего государства — с другой, народничество все больше отступало от боевых традиций своих предшественников и сливалось с либерализмом.

Переписка Н. Ф. Даниельсона с Ф. Энгельсом

С точки зрения эволюции либерально-народнических взглядов представляют интерес письма Н. Ф. Даниельсона Ф. Энгельсу.

После смерти Маркса все дела по переводу II и III томов «Капитала» Даниельсон вел с Энгельсом. Их переписка выходит за рамки деловой. Даниельсон делится с другом Маркса своими планами и соображениями, сообщает о намерении «дать для широкой публики изо-

⁷ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 5, стр. 297.

бражение явлений нашей экономической жизни в свете его (т. е. Маркса.— В. Х.) теории...»⁸

«Мне хотелось обратить Ваше внимание,— пишет он 12 ноября 1891 г.— на особенность нашего (сравнительно с Европой.— В. Х.) положения»⁹. Корреспондент Энгельса излагает затем излюбленные народнические положения о внешнем и внутреннем рынке, недопотреблении масс, «насаждении» капитализма правительством и т. д. и в другом письме (от 24 апреля 1892 г.) делает вывод, что все усилия по пересадке капитализма в Россию «терпят неудачу. Доказательство — 1891 год»¹⁰.

«Разве нельзя изменить объект покровительства?— наивно спрашивает Даниельсон.— Изменить «курс»? Разве современная промышленность возможна только на капиталистической основе?»¹¹

Из этих слов можно видеть, как далеко отошел Даниельсон от мыслей, высказанных им в статье 1880 г. «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства». Тогда он еще в какой-то мере придерживался объективной точки зрения и понимал закономерность развития капитализма в России. Теперь же призыв «сойти с пути» звучал как прямое обращение к правительству, апелляция к его «внеклассовой» деятельности.

Энгельс вежливо возражал Даниельсону. Он разъяснял ему азбучные положения марксизма о неизбежных противоречиях капиталистического развития, роли протекционизма в слаборазвитых странах, о том, что община неспособна противостоять натиску капитализма. Но скоро Энгельс уже вполне убедился, что дело это безнадежное. «Совершенно невозможно полемизировать с тем поколением русских,— писал он Г. В. Плеханову в 1895 г.,— к которому он (Даниельсон.— В. Х.) принадлежит и которое все еще верит в стихийно коммунистическую миссию, якобы отличающую Россию, истинную Святую Русь от других неверных народов»¹².

Важно, однако, отметить, что Энгельс находил долю истины в рассуждениях Даниельсона. Имея в виду указа-

⁸ «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями». М., 1951, стр. 130.

⁹ Там же, стр. 149.

¹⁰ Там же, стр. 159.

¹¹ Там же.

¹² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 39, стр. 344.

ния переводчика «Капитала» на резкое ухудшение материального положения трудящихся, Энгельс замечал: «... Я готов согласиться с Вами, что, поскольку Россия — *последняя* страна, захваченная развитием крупной капиталистической промышленности и в то же время страна с *весьма многочисленным крестьянским населением*, потрясение, произведенное... экономическим переворотом, может оказаться здесь гораздо более сильным и острым, чем где бы то ни было»¹³. Революционный марксист, Энгельс точно уловил причину «субъективного» беспокойства русского народника — противоречия и особенности развития капитализма в России.

В целом письма Даниельсона свидетельствуют о переходе его на позиции откровенного субъективизма, причем он продолжает объявлять себя учеником Маркса. Но если раньше переводчику «Капитала» нельзя было отказать в правомерности употребления тех или иных цитат из марксистской литературы, то теперь стремление во что бы то ни стало опереться на авторитет марксизма приводит его порой к явным натяжкам и передержкам. Так, споря с Энгельсом, он ссылается на его фразу из письма о том, что «образовался внутренний рынок и одновременно снова оказался почти совсем разрушенным»¹⁴, — как бы в подтверждение своей теории о внутреннем рынке и «крахе» капитализма в России. Но, во-первых, Энгельс имел в виду Францию XVII в. Во-вторых, Даниельсон обрывает цитату из письма Энгельса, тогда как у последнего значится дальше: «...разрушенным, по крайней мере, на время», — т. е. смысл фразы совсем не тот, который хочет вложить в нее Даниельсон.

Мысли, фрагментарно изложенные Даниельсоном в письмах к Энгельсу, легли в основу его книги «Очерки нашего пореформенного хозяйственного развития» (1893). По сравнению со статьей 1880 г., написанной в период революционной ситуации, боевой тон ее значительно снижен. Исчезли формулировки крестьянского вопроса, высказывания о свободном крестьянском хозяйстве. Все затмевает призыв «сойти с пути», обращенный по существу к царскому правительству, утопическая программа «обмирщения» производства, исходным началом для которого должна послужить община на базе передовой

¹³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 39, стр. 34—35.

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 38, стр. 264.

техники. План этот, при всей его видимой привлекательности, был, однако, лишен практического значения. Уверенный в том, что его диагноз о крахе капитализма в России подтвердился, переводчик «Капитала» настолько увлекался своими утопическими проектами, что впадал в своеобразный максимализм и отбрасывал элементарные антикрепостнические меры (уменьшение податей, увеличение наделов, устройство мелкого кредита и пр.). Эти реформы Даниельсон не без основания расценивал как способствующие развитию буржуазных отношений. Он, таким образом, оказывался перед дилеммой: или радикальное устранение капитализма «сверху», или буржуазные меры, которые, с его точки зрения, не могли существенно улучшить положение масс. Третьего пути мелкобуржуазный идеолог не видел.

Если для Даниельсона характерно определенное понижение теоретического уровня, а в политическом отношении — оппортунизм в отношении к правительству, то у Воронцова и других либеральных народников подобного типа к этому прибавляется еще и защита буржуазных интересов «хозяйственного мужичка», а наряду с критикой капитализма — примирительное отношение к нему. Так, отрицая антагонизм между состоятельными и бедняцкими элементами деревни (или во всяком случае приглушая этот антагонизм), Воронцов писал об употреблении машин на селе: «Хотя машины приобретаются зажиточными хозяевами, но пользуются ими все крестьяне, так как собственник машины, убрав свой хлеб, *отдает ее в аренду* другим...»¹⁵

Умеренное отношение к капитализму дополнялось идеализацией крепостничества. Воронцов, например, предлагая вновь ввести в деревне общественные запашки — институт, существовавший еще во времена крепостного права, мотивирует свое предложение тем, что при крепостном праве в деревне была распространена «насильственность», а теперь «обстановка изменилась». Еще дальше Воронцова в этом отношении ушли И. И. Каблиц (Юзов)¹⁶, восхвалявший реформу 1861 г., и Г. П. Сазо-

¹⁵ В. В. [В. П. Воронцов]. Прогрессивные течения в крестьянском хозяйстве. СПб., 1892, стр. 221 (курсив наш.— В. Х.).

¹⁶ Для И. И. Каблица и других праволиберальных народников особенно характерно решительное отрицание марксизма и его применимости к России. Например, И. И. Каблиц писал: «Философско-

нов, который отстаивал правительственные законы о неотчуждаемости крестьянских наделов, прикреплении крестьян к земле. За это В. И. Ленин называл Сазонова «полицейским народником»¹⁷.

Поправление народничества и его усиливавшееся слияние с либерализмом наиболее полно отразила газета «Неделя», в 70-х годах еще занимавшая демократические позиции. В 80-х годах «Неделя» уже признает капитализм в России и заботится только о мерах некоторого его ограничения. Предлагаемые ею мероприятия — улучшение деятельности Крестьянского банка, развитие кредита и переселенческого дела — фактически были направлены на пользу зажиточным элементам крестьянства. Ведущий публицист «Недели» Я. В. Абрамов явился автором пресловутой теории «малых дел» — культурнической программы либерального толка.

Юзова, Сазонова, Абрамова, а также Воронцова Ленин называл народниками «в узком смысле», отличая их от Михайловского и Даниельсона¹⁸. В то же время он указывал на принципиальную теоретическую общность их воззрений.

К 90-м годам, в обстановке политической реакции и идейного упадка, народничество в «узком смысле» все больше распространяется на страницах легальной печати.

«Русское богатство» в первой половине 90-х годов

С 1893 г. ведущим органом либерального народничества становится журнал «Русское богатство».

В конце 1892 г. в редакцию журнала приходит Н. К. Михайловский, который, по свидетельству Н. С. Русанова, искал тогда возможность заполучить собственный орган¹⁹. Кроме Михайловского совладельцами журнала стали С. Н. Кривенко, К. М. Станюкович, А. И. Ивачин-

---

историческая теория» Маркса не имеет никакого значения для России. Стадии экономического развития России были и будут другими, нежели на Западе» (*И. И. Каблиц* [И. Юзов]. Основы народничества, ч. I. СПб., 1882, стр. 461).

¹⁷ См.: *В. И. Ленин*. Полное собрание сочинений, т. 6, стр. 393.

¹⁸ См.: *В. И. Ленин*. Полное собрание сочинений, т. 2, стр. 529.

¹⁹ См.: *Н. С. Русанов*. Архив Н. К. Михайловского. — «Русское богатство», 1914, № 1, стр. 145.

Писарев. Позже к ним присоединились В. Г. Короленко, С. Н. Южаков, Н. Ф. Анненский. В число авторов Н. К. Михайловский приглашает ведущих народнических публицистов — Н. А. Карышева, Н. Ф. Даниельсона, С. Д. Протопопова и др. В «Русском богатстве» народники-социологи соединились с народниками-экономистами.

В списке сотрудников не значилось имя В. П. Воронцова, до этого выступавшего на страницах журнала со статьями под общим названием «Попытки обоснования народничества»²⁰. Стремясь создать боевой орган, Михайловский решил отмежеваться от явно оппортунистической линии Воронцова, Юзова, Пругавина и др. — этих, по выражению Г. И. Успенского, «самохвалов», которые «из статистических данных извлекают одни прелести жизни народа...»²¹ Воронцов был немало удивлен таким поворотом дела. В специальном письме в редакцию он жаловался, что его «как бы отсекают от солидарной... группы представителей народников «Отечественных записок»²², что ему не дают даже напечатать ответ на критику его предыдущих статей в «Русском богатстве». Ответ редакция поместить согласилась, но снабдила его примечанием, что она считает «весь полемический эпизод, связанный с теорией народничества г. В. В., исчерпанным». Одновременно с критикой взглядов Воронцова (а также Юзова) выступил Михайловский. Он даже отказывался от самого термина «народничество», поскольку эта теория «вмещает в себя и «основы народничества» г. Юзова, и народничество г. В. В., и еще многое разное... *Нужно что-то другое*»²³.

Поначалу казалось, что журнал действительно внесет свежую струю в ослабевшее направление. Михайловский стремился опереться на заветы «Отечественных записок», на идеалы 60-х годов. Разбирая проблему общины, журнал ссылается на Чернышевского, добившись при этом права называть его полным именем после трид-

²⁰ Эти статьи вошли в известную книгу Воронцова «Наши направления» (СПб., 1892).

²¹ Г. И. Успенский. Полное собрание сочинений, т. XIV. Л., 1954, стр. 197.

²² Отдел рукописей Гос. б-ки им. В. И. Ленина, ф. 135, разд. II, к. 20, ед. хр. 59.

²³ «Русское богатство», 1893, № 4, отд. 2, стр. 124 (курсив наш. — В. Х.).

цатилетнего цензурного запрета. Ведется активная полемика с реакционной печатью.

С первых же номеров публицистика журнала старается приковать внимание читателя к центральной теме дня. «Бедствию 1891 года... суждено еще долго оказывать влияние на внутренние отношения России»²⁴; «Бедствие, постигшее Россию... выдвинуло на первый план вопрос о крестьянском хозяйстве»²⁵. Сами названия статей говорят за себя: «Влияние неурожая на крестьянское хозяйство», «Продовольственное дело и социальное страхование» и пр. Голод, голод, голод... Разорение крестьянства, упадок хозяйств... Необходимы срочные меры... Таков основной лейтмотив публицистики «Русского богатства». «Экономическое положение страны... достаточно серьезно, чтобы взглянуть на него не химически или агрономически, а с точки зрения экономической науки»²⁶, — пишет С. Н. Южаков и ссылается на теорию «краха» Н. Ф. Даниельсона. Он протестует против общественной пассивности: «Если загорелся дом, то естественно ему сгореть, но возможно его и погасить, и в таком случае неестественно не гасить его»²⁷.

Однако очень скоро выяснилось, что позиция «Русского богатства» была радикальной лишь по видимости. В качестве средств «тушения пожара» народники выдвигали всяческие утопии. Один за другим следовали фантастические планы всеобщего страхования, мелиоративного кредита и т. д. Особенного размаха достигали проекты «друзей народа» по переустройству крестьянского хозяйства и общины. Н. А. Карышев договорился... до коммуны, предлагая «земледельческую артель... с совместной обработкой всей своей территории, без разделов пахотной земли, с разделом продуктов между домохозяевами по их потребностям»²⁸. Так же защищал Южаков «развитие общинной обработки сырья, добытого из земли». Идеализация общины и патриархальных институтов дополнялась идеализацией «общества», проповедью классового мира. «Общий труд на общую пользу, сознание

---

²⁴ «Русское богатство», 1893, № 1, отд. 2, стр. 1.

²⁵ «Русское богатство», 1893, № 11, отд. 2, стр. 201.

²⁶ «Русское богатство», 1893, № 11, отд. 1, стр. 202.

²⁷ «Русское богатство», 1893, № 12, отд. 1, стр. 208.

²⁸ «Русское богатство», 1893, № 8, отд. 2, стр. 24.

взаимной заботы... всех групп населения»²⁹, — так формулировал журнал программу осуществления общинных начал.

В полном соответствии с лозунгом единения классов выдвигался «принцип государственного вмешательства в экономические отношения». Увлеченные идеями о противоположности России Западу, публицисты-народники идеализировали самодержавное государство, реформу 1861 г., якобы антикапиталистическую по своему содержанию. По словам С. Н. Южакова, отмена подушного и соляного налога, понижение выкупных платежей были «ответом» на страдания народа. Взгляды Южакова разделяли и другие публицисты «Русского богатства». «Община, земство, государство» — на этих трех китах С. Н. Кривенко предполагал построить новую Россию.

В своем прожектерском усердии «друзья народа» незаметно для себя приходили к идеализации крепостничества. Они защищали пресловутый указ о «неотчуждаемости земель», якобы охраняющий общину. В своих «Народно-хозяйственных набросках» Н. А. Карышев приветствовал опыт властей по устройству крестьянских артелей, причем советовал включить в артельный устав пункт об «агрономических смотрителях», по отношению к которым со стороны крестьян установилось бы «добровольное подчинение». Столь же характерной была статья С. Н. Южакова «Просветительная утопия», которую В. И. Ленин метко назвал «крепостнически-бюрократически-буржуазно-социалистическим экспериментом»³⁰. В свою предполагаемую систему образования публицист «Русского богатства» включил даровые принудительные отработки за учение, придумав вдобавок «для пользы дела» различные правовые стеснения для учащихся. Надо ли говорить, каким диссонансом в полицейско-крепостнической атмосфере России звучали для прогрессивного читателя подобные предложения, исходившие со страниц оппозиционного журнала.

И, наконец, идеализация мелкой буржуазии. «Обеспеченный орудиями... домохозяин, не чувствующий на себе Дамоклова меча непосильных срочных платежей..,

---

²⁹ «Русское богатство», 1895, № 10, отд. 2, стр. 105.

³⁰ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 2, стр. 493.

вывозит на рынок только *избытки* производства, оставляя себе все, что необходимо для питания его семьи»³¹ — такой эталон выдвигали публицисты журнала. За оболочкой сентиментальных упований скрывался, по выражению Г. В. Плеханова, герой либерально-народнического романа — мелкий буржуа.

Там, где планы «друзей народа» не превращались в фантастические утопии, они оказывались на поверку дюжинной реформаторской программой по устройству музеев техники, сырьевых складов, агрономической помощи и т. д. Эти меры были несомненно полезны, равно как и вся народническая аграрная программа, объективно способствовали буржуазному прогрессу. Но свои паллиативы народнические публицисты рекламировали как «социалистические», конструировали из них пышные и широковещательные утопии. «Из крошечного семечка вырастает иногда огромное дерево»³², — писал С. Н. Кривенко. В статьях «Культурные скиты», «Культурные одиночки в деревне» и «По поводу культурных одиночек» он проповедовал теорию «малых дел», поддерживая всякие начинания «сверху», попытки культурнической инициативы интеллигенции и чиновничества.

В целом все пожелания «друзей народа» сводились либо к мещански-реакционным утопиям, либо к проектам мелкобуржуазного толка. По рабочему вопросу у них не было определенной программы, кроме традиционных сентенций о «язве пролетариата».

Практическая программа журнала по-прежнему опиралась на несостоятельные социологические принципы, которых придерживались все ведущие публицисты «Русского богатства». В 70-е годы как мы видели, субъективная социология имела в общем и целом революционно-практическую направленность, она представляла собой попытку теоретического обоснования борьбы семидесятников против крепостнического ига, за землю, за волю. Теперь же субъективно-социологические установки в контексте новой эпохи приобретали иное социально-политическое содержание. Крестьянский социализм семидесятников уступил место мелкобуржуазной консерватив-

---

³¹ «Русское богатство», 1894, № 8, с. д. 2, стр. 71.

³² «Русское богатство», 1893, № 6, отд. 2, стр. 179.

ной утопии, радикальная социальная программа — романтизму и прожектерству.

Любопытная деталь: по формальному признаку многие положения «Русского богатства» походили на высказывания демократов-публицистов 60—70-х годов. Да и сами «друзья народа» часто объявляли себя продолжателями идей Чернышевского, хранителями «наследства». Например, защищая общину, С. Д. Протопопов негодовал против тех, кто способен «требовать разрушения исторического института... разрушать форму земельных отношений, не проявившуюся еще во всей чистоте...»³³. Эта отповедь должна была напомнить читателю известные слова Чернышевского: «Да не дерзнем мы коснуться священного, спасительного обычая, оставленного нам нашею прошедшей жизнью...да не дерзнем мы посягнуть на общинное пользование землями»³⁴. В указанных статьях «Культурные скиты» и других С. Кривенко, как бы вспоминая заветы 70-х годов, звал интеллигентов в деревню «на поприще народного образования». Но какой мизерной была культурническая программа публициста «Русского богатства» в сравнении с деятельностью героических подвижников 70-х годов! Не сумев в новую эпоху остаться на высоте демократических задач, «друзья народа» все повторяли теоретические положения своих предшественников — и эти «клятвы верности» в контексте мещанских утопий журнала звучали почти кощунственно.

Выше говорилось о причинах, приведших к идейному падению народничества в 90-х годах, — причинах, связанных с определенными социально-экономическими сдвигами, а также правительственной реакцией 80-х годов. Эти обстоятельства сказались и на социологических воззрениях народничества. Раньше, как мы помним, Михайловский верил в возможность широкого народного движения, протеста масс в условиях «серой, однообразной действительности». Теперь же, в начале 90-х годов, Михайловский писал о пассивности народа, «глубокой пропасти, которая... создалась между народом и интеллигенцией»³⁵.

³³ «Русское богатство», 1893, № 7, отд. 2, стр. 30.

³⁴ Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений, т. IV. М., 1948, стр. 745.

³⁵ «Русское богатство», 1893, № 6, отд. 2, стр. 153.

И хотя он не исключал перспективу вовлечения народных масс на «путь прогресса», но, во-первых, менялась сама форма вовлечения (не революция, а путь реформ), а во-вторых, все надежды лидер «Русского богатства» возлагал исключительно на интеллигенцию.

Естественно, что при таком повороте дела непомерно расширялось само понятие «интеллигенция», приобретавшее идеализированный, надклассовый смысл. В интеллигенцию «друзья народа» зачисляли и земского деятеля, и «просвещенного» агрария, и «хорошего» чиновника и т. д. С. Кривенко выдвигал установку, что надо найти «общее направление общественной мысли, которое может объединять... людей, работающих в одиночку»³⁶. Призывы насчет «энергичной поддержки со стороны земства и солидной поддержки со стороны правительства» и адресовались этим «одиночкам», отдельным лицам чиновничьего и земского аппарата, которые якобы должны были убедиться в необходимости радикальных реформ по улучшению материального положения трудящихся, исходя из «достижений современной науки».

Под «современной наукой» публицисты «Русского богатства» подразумевали прежде всего исследования народников-экономистов. Они прямо ссылались на работы Н. Ф. Даниельсона и В. П. Воронцова (несмотря на некоторые разногласия с последним). И это обстоятельство говорит о непосредственной связи между социологическими взглядами «друзей народа» и трудами народников-экономистов 80-х годов. Именно народники-экономисты, по мнению Михайловского, Кривенко и Южакова, «неопровержимо» доказали бесперспективность развития капитализма в России, его пагубное влияние на положение трудящихся и «невыгодность» буржуазных порядков для всего общества. Оставалось только убедить интеллигентную часть общества в этих аксиомах и выработать программу иного, некапиталистического пути.

Еще в статьях 70-х годов Михайловский, разбирая понятие народа, исключал из него буржуазию. Теперь он подкреплял свой вывод материалами работ В. П. Воронцова, где всячески расписывались паразитические, «ростовщические» функции отечественной буржуазии.

---

³⁶ «Русское богатство», 1893, № 6, отд. 2, стр. 163.

Строго держась экономической точки зрения, писал Михайловский в статье «О народничестве г. В. В.», надо включить в состав «народа» чиновника или профессора и выключить какого-нибудь деревенского кулака³⁷.

Правда в 90-х годах подобные положения обставлялись рядом оговорок. Объективная действительность показала, что развитие буржуазных отношений в России зашло далеко. Ни народники-экономисты, ни социологи «Русского богатства» уже не могли отрицать этого факта. Отсюда характерный для социологических построений «друзей народа» методологический дуализм, признание, наряду с субъективным объективного элемента в общественной жизни, эклектическое соединение их по принципу «и то и, другое». Этот дуализм преодолевался народниками весьма просто, на субъективистский манер. «Естественное» не всегда... то же самое, что «неизбежное»³⁸, — утверждал С. Южаков, имея в виду растущие капиталистические тенденции в русском хозяйстве и перспективу «иного пути».

Более тонкая аргументация Михайловского (он допускал возможность упрочения в России капитализма, возражал против «оптимизма» Воронцова) в конечном счете сводилась к старым перепевам о «народном производстве». Лидер «Русского богатства» по-прежнему задавался вопросом: «Нет ли в нашей жизни условий, опираясь на которые, можно избежать явных, самую Европою признанных изъянов европейской цивилизации?»³⁹.

Что касается Даниельсона (наибольшего «объективиста» среди народников, в какой-то мере признававшего зависимость политически-правовых норм от экономики, производительных сил), то он рассуждал таким образом: раз производительные силы являются основоопределяющим фактором общественной жизни, то обществу и надо «влиять» на производительные силы, перестроить их по некапиталистическому образцу.

Стараясь доказать «невыгодность» капиталистического строя, «друзья народа» апеллировали не только к логике и выводам «науки», но и к нравственному чувству. Наряду с понятием «интеллигенция» чрезмерному, абсо-

³⁷ См.: «Русское богатство», 1893, № 10, отд. 2, стр. 131.

³⁸ «Русское богатство», 1893, № 12, отд. 1, стр. 208.

³⁹ «Русское богатство», 1893, № 10, отд. 2, стр. 125.

лютизирующему толкованию подвергались и значение нравственных идей в социальной жизни, роль морали. Этой теме были посвящены две статьи Михайловского, опубликованные под рубрикой «Литература и жизнь». По его словам, субъективный элемент в истории человечества зависит от «колебаний, которым подвергаются понятия людей о добре и зле»⁴⁰. Против порядков буржуазного общежития он выдвигал еще и тот аргумент, что капитализм разрушает мораль, в результате чего возникают различные антигуманистические учения (например, «воинствующий практический анархизм» Ницше), наносящие ущерб нравственным принципам личности.

В том, что возможно убедить общество отказаться от капиталистического пути, «друзья народа» не сомневались. «Всякое... дело рук человеческих,— писал С. Южак, в одной из своих «Хроник внутренней жизни»,— может быть и переделано этими руками. Это слишком часто забывают, трактуя общественные вопросы. Законы природы не могут быть изменены человеком; исторические законы общественной жизни подлежат воздействию человека... От силы и направления воздействия человеческой энергии зависит дальнейшее развитие общественных явлений, лишь отчасти предрешаемое их современным состоянием. Весь вопрос, пожелаем ли мы воздействовать? И как сильно пожелаем? И сколько пожелаем?»⁴¹

Приведенный отрывок ярко характеризует социологические принципы, которых держались в ту пору все ведущие публицисты «Русского богатства». Не удивительно, что программные статьи и публицистические выступления журнала пестрели такими выражениями, как «общегосударственный интерес требует», «если бы нас спросили, какой будущности мы пожелали бы для железнодорожного дела» и т. д. Прожектерское усердие доходило порой до комизма. «Ко всяким исканиям новых путей, не исключая даже самых полоумных и ретроспективных,— провозглашал С. Кривенко,— следует... относиться прежде всего с терпимостью»⁴². Такие казусы не были случайны, они были связаны с социологическим волюнтаризмом «друзей народа».

⁴⁰ «Русское богатство», 1894, № 7, отд. 2, стр. 84.

⁴¹ Там же, стр. 145.

⁴² «Русское богатство», 1893, № 3, отд. 2, стр. 122.

Оппортунистические теории сотрудников «Русского богатства» не были, конечно, сознательным прислужничеством перед правящими классами. Выдвигая различного рода субъективистские мероприятия, «друзья народа» считали, что они продолжают традиции субъективной социологии 70-х годов, призывавшей к активному «вмешательству в ход событий» во имя интересов народа, и т. д. Пример «друзей народа» лишний раз показывает, что в практике общественной борьбы одно дело — личные намерения идеолога, а другое — объективный смысл его взглядов. Он показывает также, что догматическое настаивание на прежних теоретических принципах, родившихся в иной исторической обстановке и наполненных тогда прогрессивным революционным содержанием, может привести в условиях изменившейся исторической ситуации к противоположному результату, порой к реакционным воззрениям. В. И. Ленин подчеркивал, что при отсутствии подлинно научной основы мировоззрения, «при отсутствии материалистической критики политических учреждений, при непонимании классового характера современного государства,— от политического радикализма до политического оппортунизма один только шаг»⁴³.

Полемика против марксизма

Так выглядели позиции народничества, когда на арену борьбы выступила молодая русская социал-демократия. Она несла в себе идеи научного социализма, находившиеся в явном противоречии с мещанскими взглядами «друзей народа». И это не могло не сказаться на «отражении» марксизма в мелкобуржуазной литературе. В русских «учениках» народники увидели непримиримых противников своих утопий. Благожелательное отношение к автору «Капитала» в работах мелкобуржуазных идеологов уступает место атакам на марксизм, на его русских последователей.

В 80-х годах борьба между народничеством и марксизмом велась в основном в узком нелегальном кругу и за границей. Но постепенно издания группы «Освобождение труда» проникали в Россию. На рубеже 80—90-х го-

⁴³ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 265.

дов в обстановке подъема рабочего движения число марксистских кружков и групп в России заметно увеличивается. Молодые интеллигенты и рабочие жадно изучают марксистскую литературу, пропагандируют ее и вступают в диспуты с народниками. Теоретики народничества, бывая на собраниях молодежи, убеждались, что марксизм приобретает все большее влияние, тесня «друзей народа». В свою очередь «Русское богатство» предпринимает поход против марксизма.

Надо сказать, что Н. К. Михайловский внутренне в какой-то мере сомневался в правильности сделанного шага. Он не мог все-таки не видеть прогрессивных черт нового направления. Об этих колебаниях свидетельствует письмо П. Ф. Якубовича Н. К. Михайловскому, написанное в самый разгар борьбы «Русского богатства» с марксизмом. «Не знаю, почему вы предполагаете,— писал Якубович из ссылки,— что мне могло не понравиться сделанное Вами начало «кампании» (против марксизма.— В. Х.) ...Вы, может быть, скажете, дорогой Николай Константинович, что я чересчур уж яростно, а потому несправедливо отношусь к нашим марксистам. Но когда я вспомню, что они избрали для своей проповеди... один из самых реакционнейших моментов русской истории (когда и общество участвует в реакции), то... я готов кричать: нет, справедливо, справедливо!»⁴⁴

Эта страстная тирада отчасти раскрывает также причины, в силу которых нападки «друзей народа» на русских марксистов приобретали такую остроту. События 80-х — начала 90-х годов (разорение крестьянства, упадок производства, голод) настолько убедили либеральных народников в необходимости «субъективной» переделки действительности, что объективное познание жизни, на котором настаивал марксизм, казалось им «безнравственным». Признание исторической прогрессивности капитализма они перетолковывали как стремление «обезземелить» народ. Особенно утвердились в этом мнении народники после опубликования в немецком журнале «Sozialpolitisches Centralblatt» статьи П. Б. Струве, в которой говорилось о безусловной положительной роли русского капитализма и высмеивались народнические

⁴⁴ Н. С. Русанов. Архив Н. К. Михайловского.— «Русское богатство», 1914, № 1, стр. 150.

взгляды. В ответ в «Русском богатстве» появились негодующие статьи Кривенко, Южакова и, наконец, два больших выступления Михайловского (в № 1 и 2 за 1894 г.) под рубрикой «Литература и жизнь». Так началась шумная кампания либерального народничества против русских последователей Маркса, причем в этой полемике народнические публицисты необоснованно смешивали временных попутчиков марксизма—струвистов (которых они даже считали лидерами русских марксистов) и представителей подлинного революционного марксизма в России.

Не будучи в силах противопоставить что-либо экономической теории Маркса, народники пытались подвергнуть критике его философско-социологические взгляды. При этом они старались подняться «над» марксизмом, впадая в эклектизм. «Не играет... исключительной роли,— писал С. Южаков,— ни умственное состояние, как то думали Конт, Милль и Бокль, ни экономическое, как утверждали Маркс и Чернышевский, ни нравственное, как полагали разные религиозные реформаторы, ни политическое, как склонен был думать Руссо. Все связано между собою в этом мире... Именно из этой точки зрения мы и будем исходить»^{44а}.

Фактически же народники стояли на субъективно-идеалистических позициях. Субъективная социология в 90-х годах особенно явно обнаружила свою теоретическую несостоятельность в сравнении с марксизмом. Это показали выступления «Русского богатства». В статье «Исторический материализм» Л. С. Зак, нападая на книгу Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», не смог выставить никаких аргументов, кроме неуклюжих выпадов: «Из того, что голодное брюхо к учению глухо, трудно вывести категорическое заключение, что человек всегда главным образом руководствуется побуждением желудка»⁴⁵. Один из пионеров русского марксизма Н. Е. Федосеев назвал статью Л. С. Зака «наглой»⁴⁶. Или вот образец верхоглядской критики марксизма из статьи «Нечто о диалектическом методе»: «...Можем ли мы, не играя словами, сказать,

^{44а} «Русское богатство», 1894, № 3, отд. 2, стр. 111—112.

⁴⁵ «Русское богатство», 1895, № 1, отд. 2, стр. 6.

⁴⁶ Н. Е. Федосеев. Статьи и письма. М., 1958, стр. 165.

что какое-либо живое существо в каждое мгновение и остается само собой и становится другим?»⁴⁷. Подобную критику на манер чеховского персонажа из «Письма к ученому соседу» можно встретить и в других статьях.

Особую известность приобрели выступления Н. К. Михайловского как ведущего теоретика журнала. Идеолог народничества, в свое время высказывавший симпатии к «сангвинику» Марксу, в 90-х годах отрицал научный характер марксистской социологии и теории классовой борьбы, отвергал революционное оружие марксизма — материалистическую диалектику. Нет нужды подробно останавливаться на этих статьях Михайловского (№ 1, 2 «Русского богатства» за 1894 г.), исчерпывающая оценка которых дана В. И. Лениным в работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов». Нападки Михайловского на теорию научного социализма окончательно показали идейный упадок народничества.

При этом народники, пользуясь извечным приемом всех недоброжелателей марксизма и ревизионистов, пытались отделить Маркса от его учеников, заявляя, что сами они вовсе не враждебны марксизму вообще, а только его русским эпигонам. Например, начиная полемику с марксистами, они не без умысла перепечатали в «Русском богатстве» статью К. Каутского об Ирландии (1893, № 12). Неоднократно они заявляли о своем уважении к Марксу и Энгельсу, которые, по словам Михайловского, никогда не призывали пойти на выучку к капитализму⁴⁸.

Главный удар публицисты «Русского богатства» сосредоточили на работах Г. В. Плеханова, П. Б. Струве и М. И. Туган-Барановского, особенно двух последних⁴⁹. Они с негодованием встретили книгу Струве «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии Рос-

---

⁴⁷ «Русское богатство», 1895, № 4, отд. 2, стр. 58.

⁴⁸ См.: Н. К. Михайловский. Сочинения, т. VII. СПб., 1909, стр. 916.

⁴⁹ Н. К. Михайловский все-таки отделял Г. В. Плеханова от представителей «легального марксизма». Он признавал, что Плеханов «понимает вещи много шире и жизненнее, чем... г. Туган-Барановский» (Н. К. Михайловский. Сочинения, т. VIII, стр. 304). И тем не менее, в силу своего предвзятого отношения к «ученикам», он нередко приписывал Г. В. Плеханову и другим революционным марксистам апологетическое отношение к капитализму.

сии» (1894), оканчивавшуюся призывом «пойти на выучку к капитализму». Молодая русская буржуазия, язвительно писал Михайловский, «будет рада взять к себе на выучку способных людей, хотя и с камнем за пазухой. Камень этот состоит в том, что капитализм есть историческая категория, которая уступит с течением времени место иному строю. Но ведь улитка едет, когда-то будет... а пока погреть руки можно...»⁵⁰

Нельзя отказать Михайловскому и другим народникам в известной проницательности при оценке «легальных марксистов». Буржуазную направленность их работ публицисты «Русского богатства» почувствовали верно. Но ответственность за это они возлагали на всех русских марксистов. Здесь сказалось пристрастное, недобросовестное, враждебное отношение либерального народничества к марксизму, особенно проявившееся в первой половине 90-х годов.

Центральным пунктом спора был, конечно, вопрос о применимости учения Маркса к России. На нем сосредоточили свое внимание народники-экономисты. В статьях «Нечто об условиях нашего хозяйственного развития» (1894, № 4, 6), «Апология власти денег как признак времени» (1895, № 1, 2) и «Что же значит экономическая необходимость» (1895, № 3) Н. Ф. Даниельсон подверг критике взгляды П. Б. Струве. Он возражал против мальтузианских тенденций в воззрениях Струве, а также против его мнения, что упадок сельского хозяйства в России объясняется якобы лишь непроизводительностью крестьянского труда. Но главный упрек Даниельсона относился к «догматичности» Струве, забывавшего своеобразие и исторические особенности России. По словам Даниельсона, Струве отрешается «от условий действительности ради доктрины»⁵¹. Он указывал, что литература этого направления не дала пока конкретных доказательств прогрессивности капитализма в России. Приводя фактические данные о разорении трудящихся, снижении темпов производства и кризисных явлениях в хозяйстве, Даниельсон стремился показать противоречия русского капитализма, ухудшение положения масс. Он объявлял себя сторонником теории Маркса. Но, по его мнению,

⁵⁰ Н. К. Михайловский. Сочинения, т. VII. СПб., 1901, стр. 922.

⁵¹ «Русское богатство», 1894, № 6, отд. 2, стр. 127.

именно с точки зрения марксизма, согласно которому «конечная цель всякого производства — имущественное благосостояние большинства населения, — невозможна при капиталистической его форме, несовместима с ней»⁵², совершенно неуместно ратовать за развитие капитализма в России.

Таким образом, свои взгляды о необходимости борьбы с капитализмом Даниельсон, как и прежде, пытался обосновать ссылками на Маркса. Он, например, признавал «форму производства» «основным фактором, влияющим на организацию всех остальных общественных отношений и правовых в том числе»⁵³.

Однако позитивные, демократические элементы народнической идеологии были в этот период погребены в нагромождении мещанских утопий, реакционных иллюзий по отношению к крепостническому государству, теоретической отсталости. Защита интересов мелкого производителя смешивалась с отстаиванием рутинных, крепостнических форм. Точно так же призывы учитывать особенности России, применять учение Маркса к конкретным условиям сочетались с искажением марксизма и мещанской интерпретацией его.

Наконец, борьба публицистов «Русского богатства» с марксизмом изобиловала недостойными приемами, несправедливыми и огульными обвинениями. Моральный авторитет «друзей народа» среди радикально настроенной молодежи неуклонно падал.

Лучшие из народников ощущали это. И спустя несколько лет они во многом критически оценивали антимарксистскую кампанию «Русского богатства». «Наше направление, — писал Н. С. Русанов, — недостаточно серьезно отнеслось к марксизму как к социологической гипотезе»⁵⁴.

Характерно, что реакционные круги не преминули поддержать журнал в его антимарксистской кампании. А. И. Иванчин-Писарев (секретарь редакции) передавал в письме к Михайловскому мнение начальника Главного управления по делам печати М. П. Соловьева: «Многие

---

⁵² «Русское богатство», 1895, № 1, отд. 1, стр. 157.

⁵³ «Русское богатство», 1894, № 4, отд. 2, стр. 25.

⁵⁴ Н. Кудрин [Н. С. Русанов]. Михайловский как публицист и гражданин. — «Русское богатство», 1905, № 1, отд. 2, стр. 153.

статьи ему очень понравились. Одни талантливы, а другие, направленные против марксизма, прямо желательны»⁵⁵.

Но даже похвала недруга не могла остановить публицистов «Русского богатства» от нападков на марксистов.

Марксистская критика народнических теорий

Критические выступления «друзей народа» вызвали активную ответную реакцию со стороны русских революционных марксистов. Не имея нередко возможности, в силу цензурных условий, полемизировать печатно, они присылали в редакцию «Русского богатства» протестующие письма, выпускали гектографированные листки. Родился своеобразный жанр марксистской публицистики. В марте 1894 г. к Н. К. Михайловскому обратился Г. Н. Мандельштам. Коллективный протест поступил от харьковских марксистов. Негодующие письма прислали А. Воден, «Южный провинциал» из Киева, «Читатель-марксист» из Одессы и др.⁵⁶ Один из корреспондентов указывал Михайловскому, что он извращает идеи марксизма⁵⁷. Среди этих посланий выделяются высокой теоретической культурой и идейной зрелостью три письма замечательного русского марксиста Н. Е. Федосеева.

Большую роль в идейном разгроме народничества сыграли статьи и работы Г. В. Плеханова, на которых (начиная с «Наших разногласий») воспитывалось целое поколение русских марксистов. Наконец, определенное значение в борьбе с народничеством имела публицистика «легального марксизма», критиковавшая утопизм и субъективизм своих противников⁵⁸. Однако окончательный

---

⁵⁵ Институт русской литературы (Пушкинский дом), ф. 181, оп. 1, ед. хр. 272, л. 26.

⁵⁶ См.: Ю. З. Полевой. Зарождение марксизма в России. М., 1959, стр. 425—426.

⁵⁷ ЦПА ИМЭЛ, фонд отдельных историко-партийных документов, оп. 7, ед. хр. 35618, л. 1.

⁵⁸ В. И. Ленин отмечал заслуги «легального марксизма» в борьбе против народничества. Например, он писал, что Струве первый заявил о непонимании и перевирании народниками марксистских идей — «и в этом его большая заслуга» (В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 437).

удар мировоззрению «друзей народа» был нанесен в работах В. И. Ленина. Не ограничившись критикой народничества, В. И. Ленин дал глубокое объяснение происхождения народнических идей и их классовой сущности.

В работах того времени, посвященных критике народничества, В. И. Ленин уделил немало внимания народнической социологии. Это говорит о том, что В. И. Ленин придавал данному вопросу важное значение, поставив себе целью дать критику народнической системы воззрений в ее центральном звене. Рассматривая различные несообразности народнических рассуждений, В. И. Ленин подчеркивал, что они объясняются «той мещанской точкой зрения», антинаучными исходными посылками, которые были присущи социологической доктрине «друзей народа» и во многом народнической теории вообще. В. И. Ленин обнажил главный порок субъективных социологов народничества, в том числе и таких, как Н. К. Михайловский и С. Н. Южаков, которые в какой-то мере признавали законосообразность исторических явлений⁵⁹, — неумение их взглянуть на эволюцию явлений общественной жизни как на естественноисторический процесс, неумение соотнести человеческие идеи и цели с материальными отношениями. «Реалистическая» ориентация народнических мыслителей на «чувства и помыслы живых личностей» на деле приводила их к выхолащиванию действительного содержания социальной жизни. «Личность» превращалась в куклу, которая начиналась априорными, угодными идеологу «стремлениями».

Но «изолируя своих «личностей» от конкретной общественной обстановки,— говорил В. И. Ленин о народническом социологе,— он тем самым отнял у себя возможность изучить *действительные* их помыслы и чувства...»⁶⁰ Тем самым субъективный социолог лишал себя детерминистической, единственно научной основы для

---

⁵⁹ Михайловский неоднократно оспаривал толкование субъективного метода в социологии как голого волюнтаризма, а Южаков в «Социологических этюдах» даже называл себя, в противовес Михайловскому, сторонником «объективного метода». Последнее было чисто словесным ухищрением — в социологии Южаков был верным учеником Михайловского, во многом даже «ухудшившим» учителя.

⁶⁰ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 424.

объяснения фактов общественной жизни и начинал свою теорию «с некоторой утопии». Уже самое начало было методологически неверным. И как бы потом ни обращался социолог к самой действительности, к цифрам и фактам, как бы ни отражал он (подчас бессознательно) ее явления, неверный угол зрения, индетерминизм в его построениях были налицо.

Индетерминизм субъективной социологии был превосходно вскрыт В. И. Лениным на примере «ходячего» народнического рассуждения о кустаре. «Народник описывает жалкое положение этого кустаря, — писал В. И. Ленин, — мизерность его производства, безобразнейшую эксплуатацию его скупщиком... Но кустарь не наемный рабочий; это — хорошая сторона. Следует сохранить хорошую сторону и уничтожить дурную и для этого устроить кустарную артель. Вот — законченное народническое рассуждение»⁶¹.

Ясно, что такое «пожелание», основанное на непонимании механизма капиталистической эксплуатации, было равносильно лечению простуды сквозняком: в том-то и суть, что объединения кустарей прибирались к рукам скупщиками или другими дельцами или служили средством к обогащению наиболее удачливого, «оборотистого» из кустарей.

На примере «рассуждения о кустаре» В. И. Ленин отметил также особенность либерально-народнической социологии, связанную с надеждами народнических теоретиков на осуществление «комбинации социальных признаков». «Хорошее «брат» отовсюду, — иронически писал В. И. Ленин, — и дело в шляпе!.. Субъективный метод в социологии тут весь как на ладони...»⁶².

В. И. Ленин показал, что теория, ограничивающаяся «осуждением» эксплуатации и выставлением «идеала» общежития, обещающего всем равенство и пр., теоретически малосодержательна. Дело не только в том, «хорошо это или плохо» — эксплуатация и капитализм, а в том, как и почему именно так складывались и складываются социально-экономические отношения в России, каковы закономерности русского пореформенного развития, приведшие его к капитализму.

---

⁶¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 424—425.

⁶² Там же, стр. 191.

«Основная ошибка г. Михайловского,— писал В. И. Ленин,— ...состоит в абстрактном догматизме его рассуждений, пытающихся обнять «прогресс» вообще вместо изучения конкретного «прогресса» какой-нибудь конкретной общественной формации»⁶³.

Эту мысль, имеющую большое значение как для критики народнической социологии, так и для обоснования метода социологии марксистской, В. И. Ленин подробно развил в работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?». «Ведь начинать с вопросов, что такое общество, что такое прогресс? — пояснял В. И. Ленин,— значит начинать с конца. Откуда возьмете вы понятие об обществе и прогрессе вообще, когда вы не изучили еще ни одной общественной формации в частности, не сумели даже установить этого понятия, не сумели даже подойти к серьезному фактическому изучению, к объективному анализу каких бы то ни было общественных отношений? Это самый наглядный признак метафизики, с которой начинала всякая наука: пока не умели приняться за изучение фактов, всегда сочиняли а priori общие теории, всегда остававшиеся бесплодными. Метафизик-химик, не умея еще исследовать фактически химических процессов, сочинял теорию о том, что такое за сила химическое сродство? Метафизик-биолог толковал о том, что такое жизнь и жизненная сила?.. Нелеп тут был уже прием»⁶⁴. Другими словами, путь к синтетической историко-философской теории лежал через детальное фактическое изучение одной эпохи, одной общественно-экономической формации. Именно по этому пути и пошел автор «Капитала».

С тем большим основанием В. И. Ленин противопоставлял народнической социологии марксистскую как подлинно научную детерминистическую систему воззрений, которая впервые и без оговорок превратила общественные дисциплины в науку, обогатив их материалистическим пониманием истории.

В противовес расплывчатым критериям субъективной социологии марксизм выработал понятие общественно-экономической формации. Была найдена та основа общества (производительные силы и производственные

⁶³ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 432.

⁶⁴ Там же, стр. 141—142.

отношения), вокруг которой образуются политико-юридические формы, течения общественной мысли и пр. Теорией Маркса, указывал В. И. Ленин, «был применен к социальной науке тот объективный, общенаучный критерий повторяемости, возможность применения которого к социологии отрицали субъективисты»⁶⁵.

Марксистская общественная теория, по словам В. И. Ленина, дала возможность отличать важные явления в социальной жизни от неважных (это — «корень субъективизма в социологии», — подчеркивал Ленин), найти опорные точки в изучении исторических фактов, верный методологический компас в анализе социальных проблем. Действия «живых личностей», — казалось бы, столь разнообразны, что трудно и подумать о какой бы то ни было их систематизации, осмыслении, — марксизм свел к действиям «групп личностей, различавшихся между собой по роли, которую они играли в системе производственных отношений, по условиям производства... одним словом, к действиям *классов*, борьба которых определяла развитие общества»⁶⁶. Тем самым была определена не только объективная почва действий личности, но и возможность ее активной деятельности, борьбы вместе со своим классом против эксплуатации.

Здесь скрывалось еще одно очень важное отличие марксистской социологии от народнической. Критикуя абстрактный характер народнических идеалов, их скудное (или ошибочное) теоретическое обоснование, В. И. Ленин в то же время далек от того, чтобы на этом основании вовсе зачеркнуть сами идеалы. Он писал: «Наличность «хозяйничанья за чужой счет», наличность эксплуатации всегда будет порождать как в самих эксплуатируемых, так и в отдельных представителях «интеллигенции» идеалы, противоположные этой системе.

Эти идеалы чрезвычайно ценны для марксиста; он только на их почве и полемизирует с народничеством, он полемизирует исключительно по вопросу о построении этих идеалов и осуществлении их»⁶⁷.

Эта выдержка лишней раз показывает, что критика В. И. Лениным народников (даже тогда, когда последние

---

⁶⁵ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 429.

⁶⁶ Там же, стр. 430.

⁶⁷ Там же, стр. 435.

опустились до уровня «друзей народа») при всей ее резкости была объективной и созидательной. Он ценит социалистические идеалы, возникающие у отдельных крестьян или интеллигентов как более или менее сознательный протест против эксплуатации. Но народники, как неопровержимо показывает В. И. Ленин, не видели путей к осуществлению своего идеала, не понимали, что идеал надо формулировать не как общечеловеческое пожелание, «не как требование «науки», а как требование такого-то класса, порождаемое такими-то общественными отношениями (которые подлежат объективному исследованию) и достижимое лишь так-то вследствие таких-то свойств этих отношений»⁶⁸.

В соответствии с методом исторического материализма, требующим сведения общественных идей к их объективному жизненному источнику, Ленин показал, что «субъективные» идеалы народников несут в себе реальное содержание — интересы мелкобуржуазной массы крестьянства. Возражая П. Струве, проводившему генезис народнических взглядов от славянофильства, Ленин подчеркивал, что «народничество отразило такой факт русской жизни, который почти еще отсутствовал в ту эпоху, когда складывалось славянофильство и западничество, именно: противоположность интересов труда и капитала»⁶⁹. Мелкий производитель, зажатый в двойные тиски буржуазного гнета и крепостнических пережитков, подобен «двуликому Янусу», который смотрит и в будущее, и в прошлое. Этим обстоятельством Ленин объяснял социологические утопии русских романтиков, своеобразно отражавших противоречивые коллизии пореформенной деревни.

Ленин вскрыл также политический оппортунизм «друзей народа», буржуазно-реформистский характер их программы. Сравнивая идеи «друзей народа» с мирозерцанием их предшественников в 70-х годах, он говорил о гадении народничества. В 90-х годах либеральное народничество проявлялось псевдосоциалистическими мещанскими утопиями, а демократизм его перемешивался с откровенным либерализмом и крепостническими предрасудками.

---

⁶⁸ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 436.

⁶⁹ Там же, стр. 422.

Вместе с тем Ленин указывал на необходимость дифференцированного отношения социал-демократов к «друзьям народа». Он подчеркивал, что вопрос этот чрезвычайно важен, поскольку речь идет об отношении рабочего класса к мелкой буржуазии и ее программам. «И на этот вопрос, — писал Ленин, — нельзя ответить, не приняв во внимание двойственный характер этого класса (у нас в России эта двойственность особенно сильна вследствие меньшей развитости антагонизма мелкой и крупной буржуазии)»⁷⁰. «Социализм» народников реакционен, поскольку он построен на непонимании реальных противоречий русской общественной жизни, поскольку он опирается на рутинные, отжившие социальные формы, поскольку теперь появился марксизм — теория подлинно научного, пролетарского социализма. Демократизм народников прогрессивен, поскольку он в значительной мере способствует очищению общественно-хозяйственной атмосферы от крепостничества. Этот демократизм социал-демократия должна поддержать и развить.

Ленин показал тенденцию слияния народничества 90-х годов с либерализмом. В то же время он не ставил знак равенства между ними. Он писал, что народники неизмеримо правильнее выражали демократические интересы мелких производителей, чем либералы: «... с марксистской точки зрения нельзя сомневаться в абсолютной предпочтительности народничества *в этом отношении*»⁷¹.

Двойственное значение имела и народническая идеология. Слабость теоретических рассуждений «друзей народа» была в 90-х годах очевидной. Вместе с тем Ленин указывал на необходимость изучения народнических теорий, поскольку они так или иначе отражают действительные общественно-экономические отношения России⁷², хотя это отражение получалось весьма односторонним, так как акцент делался лишь на моментах своеобразия российской действительности в отличие от Запада. В этом плане народнические теории имели преимущественно негативное значение, показывая скорее, как не надо подходить к анализу особенностей русского обществен-

---

⁷⁰ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. т. 1, стр. 298.

⁷¹ Там же, стр. 531.

⁷² См. там же, стр. 247.

ного развития. Противоречия пореформенной России народничество конца 80-х и начала 90-х годов отразило «через призму жизненных условий и интересов мелкого производителя, отразило поэтому уродливо, трусливо»⁷³.

Однако фактические исследования и теоретические изыскания народников, направленные против «учеников», привлекали внимание марксистской мысли к специфическим чертам экономики и социальной жизни России. Работы Воронцова, Карышева и особенно Даниельсона⁷⁴, пытавшегося в народническом духе интерпретировать Маркса, побуждали русских марксистов к конкретной разработке поставленных проблем.

Главным минусом либерального народничества Ленин считал бескрылый оппортунизм. У «друзей народа»... и следа не заметно пожеланий какого бы то ни было коренного изменения современных порядков»⁷⁵, — писал он. Публицистам «Русского богатства» Ленин противопоставлял народоправцев. Группа народоправцев (О. В. Аптекман, М. А. Натансон, В. М. Чернов и др.), возникшая в 1893 г. в Саратове, в своих брошюрах «Манифест», «Насущный вопрос» подвергла критике политическое «непротивление» либеральных народников и их сетования по поводу капитализма⁷⁶. Ленин подчеркивал демократизм народоправцев и их нацеленность на борьбу с самодержавием, хотя и отмечал, что они не избавились до конца от народнических предрассудков — планов организации «народного производства».

⁷³ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 422.

⁷⁴ «Ни один автор того времени — ни Воронцов, ни Кривенко, ни сам Михайловский. — вспоминал участник марксистских кружков 90-х годов М. А. Сильвин, — своей критикой марксизма и нападками на его adeptов не доставил нам столько хлопот..., как Н.-он (Даниельсон)... Целый «Монблан» статистических выкладок, большая эрудиция, навык оперировать экономическими понятиями, наконец, обаяние первого переводчика Маркса — сделали его наиболее серьезным противником» («Каторга и ссылка», 1934, № 1(101), стр. 78).

⁷⁵ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 252.

⁷⁶ Один из теоретиков народоправства А. И. Богданович писал по адресу «друзей народа»: «Мы пугаемся того, что возможно, и миримся с тем, что есть. Мы готовы поддержать (да и поддерживать) бюрократию, лишь бы она предохранила нас от буржуазии. Мы смущаемся при виде западноевропейского пролетариата, а нищете всего русского народа чуть ли не называем экономически самостоятельной организацией производства» (А. Богданович. Насущный вопрос. Лондон, 1895, стр. 7—8).

Начинание народоуправцев Ленин оценил как «стремление к образованию демократической партии» и считал, что эти наследники народничества «делают шаг вперед, обосновывая политическую исключительно борьбу, не имеющую отношения к социализму, политической же исключительно программой»⁷⁷. Тем самым он давал понять, какой идеологической ориентации нужно держаться тем, кто на деле хочет выражать интересы «народа» (т. е. крестьянства). Для этого необходимы, во-первых, политический радикализм, ликвидация всяческих иллюзий по отношению к самодержавному государству. Во-вторых, «аггарный демократизм», борьба против пережитков крепостничества, программа, связанная с нуждами мелких производителей, «интересы которых действительно теснейшим образом связаны с *демократизмом*». Наконец, теоретическая трезвость, умение понять, что «не следовало бы говорить о *социализме* там, где нет ничего кроме *конституционализма*»⁷⁸.

«Недолго сможет продержаться примирительное, трусливое, сентиментально-мечтательное народничество «друзей народа», — писал Ленин, — когда на него нападут с обеих сторон: политические радикалы за то, что они способны выражать доверие к бюрократии, что они не понимают безусловной необходимости политической борьбы; — социал-демократы — за то, что они пытаются выступать чуть не социалистами, не имея никакого отношения к социализму...»⁷⁹

Размежевание в народническом лагере

Это действительно так и случилось. В своих идейных заблуждениях «Русское богатство» все больше отставало от жизни. Широкое распространение марксизма, появление народоуправцев были веским тому доказательством.

Особенно должен был чувствовать неблагополучное положение в журнале Н. К. Михайловский, который в 90-е годы старался не порывать связи с революционным подпольем и, следовательно, был знаком с настроениями радикальных кругов в народничестве и вне его. Так, в 1893 г. он принял участие в редактировании «Летучего

⁷⁷ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 345.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Там же, стр. 345—346.

листка» № 1 Группы народолюбцев. Михайловский просмотрел перед печатью и брошюру народоуправцев «Насущный вопрос». Вместе с тем он не верил еще в возможность каких-либо решительных действий. По статьям и письмам Михайловского того времени чувствуется глубокий пессимизм в его взглядах. «Я думаю, что в ближайшем будущем солнце святое не загорится... в самом естественном ходе вещей я гарантии не вижу»⁸⁰, — писал он в 1895 г. Н. С. Русанову.

Секретарь «Русского богатства» А. И. Иванчин-Писарев жаловался в письме В. Г. Короленко в 1894 г., что в редакцию приходили «депутации от протестующей молодежи», которые осуждали присылку журналом венка в связи со смертью Александра III⁸¹. Этот факт показателен для характеристики отношения революционной общественности к «Русскому богатству» в то время. В журнал поступали письма с критикой оппортунистических выступлений «друзей народа». Не исключено, что читатели, как и сотрудники «Русского богатства», были знакомы с работой В. И. Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», распространявшейся в списках среди передовой молодежи. Определенное падение авторитета журнала было несомненным⁸².

⁸⁰ Цит по: Н. С. Русанов. «Политика» Н. К. Михайловского. — «Былое», 1907, июль, стр. 134—135.

⁸¹ См.: Отдел рукописей Гос. б-ки им. В. И. Ленина, ф. 134, разд. II, к. 24, ед. хр. 26, л. 1547.

⁸² В связи с этим показателен эпизод, рассказанный В. И. Засулич в письме к Л. Г. Дейчу в середине 90-х годов. Михайловский отправил в Берлин своего ученика как переводчика своих произведений на иностранные языки. Тот познакомился за границей с социал-демократической литературой, с произведениями Г. В. Плеханова и понял, насколько несправедливы были нападки народников на марксизм. Все это он изложил в письме к Михайловскому (см. сб. «Группа «Освобождение труда», № 4. М.—Л., 1926, стр. 253).

«Бегство» народников в социал-демократический лагерь можно считать для того времени характерным явлением. Так, сблизился с группой «Освобождение труда» известный экономист А. А. Исаев, исповедовавший ранее народнические идеи. О симпатиях Исаева к марксизму красноречиво свидетельствуют его письма к Г. В. Плеханову, где он заявлял, что скоро «воздух будет насыщен приближающейся победой социал-демократии» (Гос. публичная б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Архив Дома Плеханова (далее: АДП), № 2251, В. 191. 6, л. 1).

Это был довольно серьезный кризис либерального народничества.

В такой обстановке в самой редакции происходит размежевание. Отдельные народники восстают против явных оппортунистических тенденций своих коллег по журналу.

«С Южаковым надо проститься как с обозревателем русской жизни,— писал А. И. Иванчин-Писарев В. Г. Короленко 8 августа 1895 г.,— то «утопии», то перепечатки необъятных размеров без всякого освещения и смысла — черт знает что такое!»⁸³

Особенное неудовольствие вызывали выступления С. Кривенко. В 1894 г. А. И. Иванчин-Писарев с неодобрением сообщал в письме В. Г. Короленко о «размазне Кривенко»⁸⁴, имея в виду статью последнего «По поводу культурных одиночек» в январском номере. Идейное разногласие между Михайловским и Кривенко в конце концов привело к разрыву. Несмотря на близкие личные отношения, связывавшие их еще с 80-х годов (по участию в «Народной воле»), Михайловский настоял на выводе Кривенко из состава редакции. Кривенко ушел в журнал «Новое слово», пригласив с собой некоторых авторов «Русского богатства» — А. М. Скабичевского, Л. Е. Оболенского и др.

«...Редакция «Русск[ого] бог[атства]» раскололась и выделила из себя редакцию «Нового слова»⁸⁵,— писал Н. К. Михайловский П. Ф. Якубовичу. В письме Н. С. Русанову Н. К. Михайловский подчеркивал, что причины расхождения с «кривенковцами» были «частью принципиальные... Отщепившиеся сотрудники слишком уж гнули... в сторону «маленьких дел» и «светлых явлений»... с фырканием по адресу политики (у нас это так складывается, хотя и не у всех, конечно)»⁸⁶.

Именно Михайловский как редактор и ведущий публицист «Русского богатства» явился инициатором идей-

⁸³ Отдел рукописей Гос. б-ки им. В. И. Ленина, ф. 135, разд. II, к. 24, ед. хр. 26, л. 4984.

⁸⁴ Отдел рукописей Гос. б-ки им. В. И. Ленина, ф. 135, разд. II, к. 30, ед. хр. 2, л. 2224.

⁸⁵ П. Якубович. Письма Н. К. Михайловского.— «Русское богатство», 1910, № 1, отд. 1, стр. 243.

⁸⁶ Отдел рукописей Гос. б-ки им. В. И. Ленина, ф. 358, к. 412, ед. хр. 4, л. 13.

ного и организационного размежевания в редакции⁸⁷. Оценивая этот факт, надо помнить, что, несмотря на ряд серьезных ошибок и колебаний, Михайловский, по словам В. И. Ленина, «был одним из лучших представителей и выразителей взглядов русской буржуазной демократии в последней трети прошлого века»⁸⁸. Почувствовав крен журнала в сторону «кротких начатков либерализма», ветеран народничества сумел понять, что опять «нужно что-то другое». Произошло это во многом под влиянием критики социал-демократов (а также народоуправцев и близких к ним буржуазных радикалов), обличавших оппортунистическое лицо «друзей народа», их «фырканье по адресу политики».

Остановимся на судьбе правонародников, «отщепившихся» от «Русского богатства». В журнале «Новое слово» под руководством С. Кривенко собрались Я. В. Абрамов, В. П. Воронцов, Л. Е. Оболенский, В. Г. Яроцкий, Г. А. Мачтет и др. Журнал повел активную полемику с марксизмом. В статьях В. Яроцкого «Односторонняя теория экономического развития», В. Воронцова «Экономический материализм на русской почве» и «Милостивый критик» (направленных против работ Г. В. Плеханова), С. Ан—ского «Идеализм и материализм в истории», Ч. Ветринского «Новая теория» и других содержались резкие выпады против «рыцарей накопления», как называли авторы статей марксистов.

В публицистике журнала преобладала ориентация на «малые дела». В статьях Н. Каблукова, М. Слобожанина и других перепевались либеральные мотивы насчет помощи кустарным промыслам, сокращения податей. Журнал высказывался против рабочего движения, потому что только интеллигенция способна «взять под свою защиту постоянные нужды всего общества»⁸⁹.

Публицистика журнала содержала не только традиционные народнические идеи об организации артелей и поддержке общины, но и прямые высказывания в

⁸⁷ См., например, письма С. Н. Южакова Н. К. Михайловскому (Институт русской литературы (Пушкинский дом), ф. 181, оп. 1, ед. хр. 176, лл. 33—34, 35, 40). Из этих документов видно, что вслед за разрывом с Кривенко Михайловский предъявил принципиальные претензии Южакову по поводу идейного содержания его работ, поставив даже вопрос о выходе его из редакции.

⁸⁸ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 24, стр. 333.

⁸⁹ «Новое слово», 1896, апрель, отд. 2, стр. 116.

пользу зажиточных собственников. Так, в одном из внутренних обозрений Кривенко с удовлетворением отмечал, что через Крестьянский банк покупает землю все большее число крестьян⁹⁰, хотя даже народники признавали, что деятельность Крестьянского банка приносит пользу только помещикам и кулакам. Тенденция праволиберального народничества выражать интересы зажиточной верхушки крестьянства проявлялась все более отчетливо. В другой статье журнал рекомендовал как пример, достойный подражания, капиталистическую кооперацию фермерских хозяйств в Голландии.

«Новое слово» при либерально-народнической редакции не добилось успеха. Число подписчиков было невелико, журнал испытывал финансовые затруднения. Не просуществовав и полутора лет, народническая редакция распалась и уступила место (что само по себе символично) марксистам⁹¹.

Особенное распространение либеральные идеи народнического толка получили на страницах газеты «Неделя». Уже в 80-х годах программные предложения газеты были направлены в основном на поддержку зажиточных крестьянских хозяйств. В 90-х годах издание приобретает ярко выраженный буржуазный характер. «Крестьянскому банку нечего гоняться за арендными опытами,— советовала «Неделя»,— лучше... помогать приобретению крестьянами земли в собственность»⁹². В другой статье газета прямо заявляла, что «когда земля переходит к товариществам зажиточных крестьян, приобретающих на душу от 50 до 100 десятин земли, то этому можно только радоваться»⁹³. Это была явная защита интересов состоятельного сельского меньшинства.

В соответствии с подобной направленностью возражала «Неделя» против государственно-капиталистической политики протекционизма. «Не мешайте дальнейшему ходу жизни,— провозглашала газета,— и... жить станет легче»⁹⁴. Таким образом, «Неделя» выдвигала чисто

⁹⁰ См. «Новое слово», 1897, февраль, отд. 2, стр. 192.

⁹¹ На некоторое время к руководству журналом пришли П. Б. Струве и М. И. Туган-Барановский, но вместе с тем в нем печатались В. И. Ленин, Г. В. Плеханов, В. И. Засулич и другие революционные марксисты.

⁹² «Неделя», 1895, № 9, стр. 268.

⁹³ «Неделя», 1895, № 50, стр. 1608.

⁹⁴ «Неделя», 1895, № 39, стр. 1227.

буржуазный принцип *laissez faire, laissez passer*. «Прямая экономическая задача государства заключается... в устранении всяких препятствий на пути народной производительности и предприимчивости...»⁹⁵. Вся эта апологетическая программа сочеталась с благоговейными восторгами по поводу царских «Высочайших отмен» о народном образовании, благонамеренными призывами к распространению «этических обществ» и пр. «Недельское» народничество окончательно слилось с либерализмом.

Перемены в «Русском богатстве»

Эволюция праволиберального народничества служила для публицистов «Русского богатства» своего рода предостережением. На примере бывших коллег они убеждались в бесперспективности прежнего курса. Жизнь разбивала одну за другой традиционные народнические иллюзии. В середине 90-х годов общественно-экономическая обстановка в стране изменилась. Подъем в промышленности, некоторая стабилизация в сельскохозяйственном производстве, рост фабрик — все это свидетельствовало против народнических теорий о «крахе» капитализма. Развернулось массовое рабочее движение, невиданное по своим масштабам. Русская социал-демократия обретала поле действий. В таких условиях народничество на рубеже пролетарского периода освободительного движения приходит к кризису, к идейному и организационному размежеванию. Наиболее дальновидные публицисты «Русского богатства» стали понимать необходимость определенной переоценки ценностей.

Постепенно в журнале начинают звучать иные ноты. «Только равнодушие или наивность могут надеяться, что маленькие дела дадут великие результаты», — писал П. Обнинский. К чему малые дела, восклицал он, «которым любой деревенский кулак или урядник может стать поперек дороги или направить... в иную, совершенно неожиданную для деятеля сторону?»⁹⁶

Меняется характер «хроники внутренней жизни» — центрального публицистического отдела журнала. Поуче-

⁹⁵ «Неделя», 1895, № 10, стр. 315.

⁹⁶ «Русское богатство», 1895, № 10, отд. 2, стр. 25.

ния и прекраснoдушные проекты уступают место изучению реальной жизни. В то же время в оценке фактов и текущих событий начинает преобладать критическое отношение к действительности. Не ограничиваясь отдельными замечаниями по частным политическим или хозяйственным вопросам, журнал переходит к широкому обзору пореформенного развития, осуждая внутреннюю государственную политику, нападая на отсталые учреждения и институты. Так, в хронике журнала (№ 11 за 1895 г.) дается картина последовательного урезывания прав земства, начиная с реформы 1864 г., говорится о необходимости предоставления земским органам самостоятельности, ликвидации неравноправия сословий.

Обозревателем внутренней жизни в «Русском богатстве» становится Н. Ф. Анненский.

Анненский был один из видных деятелей демократической интеллигенции во второй половине XIX в. Талантливый экономист и ученый, он воспитал целое поколение земских статистиков. В печати он выступал в основном с экономическими исследованиями. Широкой известностью пользовались его статьи «Очерки новых направлений в экономической науке» в журнале «Дело» (1882), где он подверг критике учение немецких катедер-социалистов. В те годы Анненский не был особенно близок к народничеству. В 90-е годы при участии Короленко он приходит в «Русское богатство» и целиком отдает себя журналистике.

Михайловский и Короленко очень ценили роль Анненского в журнале. Они надеялись, что он будет способствовать изживанию крайностей народничества, столь резко обозначившихся в первые годы их правления журналом «Русское богатство», и не ошиблись. «Вчера Н. Ф. сделал первый выход против «хроники» Южакова, сообщал в письме 2 июля 1895 г. А. И. Иванчин-Писарев В. Г. Короленко,— и, кажется, удачно»⁹⁷. В другом письме он рассказывал, что Анненский «так притиснул Карышева, что он не узнает своей статьи». По отзыву Иванчина-Писарева, Анненский «держится молодцом... нам давно нужен был Николай Федорович»⁹⁸.

⁹⁷ Отдел рукописей Гос. б-ки им. В. И. Ленина, ф. 135, разд. II, к. 24, ед. хр. 26, л. 4981.

⁹⁸ Там же, л. 4982.

Публицистические хроники Н. Ф. Анненского отличались прежде всего ясной и четкой антикрепостнической направленностью. В большой программной статье «Тридцатипятилетие 19 февраля 1861 г.» он давал, несмотря на цензурный гнет, недвусмысленную отрицательную оценку крестьянской реформы, которая, по его словам, все расходы, связанные с ростом государства и капитала, возложила на мужицкие плечи. Анненский считал, что в результате реформы крестьянин оказался вынужденным прибегнуть к самым тяжелым, невыгодным формам аренды помещичьей земли и фактически продолжал работать на помещиков, которые были заинтересованы в прикреплении мелкого крестьянина к земле. Он резко осуждал идеализацию реформы и ее последствий, выдвигал задачу борьбы с «массой переживаний крепостного строя»⁹⁹. Обозреватель выступал против всяческих стеснений и регулятивных мер по отношению к крестьянству, критикуя институт земских начальников, ограничение семейных разделов и общественные запашки. Тем самым в выступлениях Анненского «Русское богатство» отходило от прежних неприглядных сторон либерального народничества, связанных с идеализацией крепостничества и пресловутого «освобождения».

Соответственно для журнала становится характерным оппозиционное отношение ко всем правительственным мероприятиям. Славословия по поводу помощи «сверху» уступают место трезвому, критическому анализу бюрократических реляций. Анненский верно уловил суть финансовой политики Вышнеградского и Витте, построенной на усилении косвенных налогов при показном сокращении некоторых прямых. Именно за счет разорения населения он объяснял приток средств в казну. «Благополучие фиска начинает отождествляться с общим экономическим благополучием страны»¹⁰⁰, — иронизировал он и язвительно подчеркивал, что голодный 1891 г. дал чуть ли не наибольшее за 20 лет превышение государственных доходов над расходами.

Вместе с тем, публикуя широкие экономические обзоры и экскурсии в прошлое, Анненский присматривался к действительности и не спешил с выводами. Для него

---

⁹⁹ «Русское богатство», 1896, № 2, отд. 2, стр. 205.

¹⁰⁰ «Русское богатство», 1896, № 3, отд. 2, стр. 148.

рост капитализма в России составлял «факт, не подлежащий сомнению»¹⁰¹. Одновременно он критиковал политическую рептильность крупной буржуазии, не способной добиться упразднения протекционистской государственной политики, которая отчасти была уже невыгодна для окрепших фабрикантов и тяжелым бременем вздутых цен ложилась на плечи трудящихся. Рассказывая о торгово-промышленном съезде, обсуждавшем этот вопрос на Нижегородской выставке, Анненский писал: «Оказалось, что всемогущие представители нашего крупного купечества «все могут» — только на официальных торжественных обедах»¹⁰².

Более определенной становится и программа журнала по рабочему вопросу. Приводя многочисленные факты эксплуатации пролетариата, «Русское богатство» систематически останавливается на тяжелых условиях фабричного труда, плохом снабжении рабочих продуктами и невыносимой жилищной тесноте. В одной из хроник внутренней жизни Анненский приходит к выводу, что «назрела уже... потребность в законодательной нормировке продолжительности и обстановки фабричного труда не только малолетних, подростков и женщин, но и взрослых рабочих»¹⁰³. Журнал высказывается за введение 8-часового рабочего дня, выдвигает предложение организовывать повсеместно фабричные школы. Особенно привлекал внимание «Русского богатства» вопрос о сельских рабочих. Публицисты-народники критиковали реакционный законопроект о введении так называемых рабочих книжек, которые они не без основания расценивали как новое средство давления на «отхожих» крестьян.

Изменились взгляды журнала на традиционный народнический сюжет о «народном производстве». Народники начинали понимать несбыточность своих надежд на кустарную промышленность и общинные начала как оплот против распространения буржуазных отношений. В середине 90-х годов в журналистике было много толков по поводу попыток организации земледельческих артелей в южной полосе России. Некоторые либеральные и народнические публицисты (в том числе и журнал

---

¹⁰¹ «Русское богатство», 1896, № 2, отд. 2, стр. 202.

¹⁰² «Русское богатство», 1896, № 9, отд. 2, стр. 167.

¹⁰³ «Русское богатство», 1896, № 10, отд. 2, стр. 177.

С. Кривенко «Новое слово») превозносили «артельные опыты». «Русское богатство» вступило в полемику с «Новым словом» по вопросу о земледельческих поселениях.

«Большая ошибка рассматривать их (артели.— В. Х.) как начало самостоятельного некапиталистического прогресса»¹⁰⁴,— писал журнал.

Несколько меняется также отношение «Русского богатства» к марксизму. Столкновения с «учениками» постепенно утрачивают первоначальный тенденциозный характер.

Произошло это во многом под влиянием В. Г. Короленко и Н. Ф. Анненского. Короленко понимал неправомерность односторонних и зачастую враждебных выпадов в адрес марксистов, лишенных к тому же зачастую возможности ответить на критику печатно. Об этом он говорил в письме к И. И. Сведенцову 17 января 1895 г. Отказываясь напечатать резкий фельетон Сведенцова в адрес марксизма, Короленко писал, что «в русской жизни найдется много такого, с чем следует бороться прежде, чем с марксистами. А уж если бороться, то, конечно, так, как борются с явлением, родственным по духу и истекающим из тех же побуждений, какие одушевляют и нас»¹⁰⁵.

Таких же взглядов придерживался и Н. Ф. Анненский. Как ученый он не мог не признавать многих положений марксистского экономического учения, а как прогрессивный общественный деятель и публицист — не симпатизировать боевому демократическому характеру марксистской литературы. Вместе с В. Г. Короленко он не раз присутствовал на собраниях петербургского дискуссионного марксистского кружка, организованного «законными марксистами», участвовал, наряду с М. И. Туган-Барановским и другими, в заседаниях «Вольно-экономического общества», «Общества изящных искусств», где также велись дебаты народников с марксистами¹⁰⁶.

¹⁰⁴ «Русское богатство», 1897, № 7, отд. 2, стр. 135—136.

¹⁰⁵ В. Г. Короленко. Собрание сочинений, т. 10, 1948, стр. 102.

¹⁰⁶ Об этих спорах, носивших в общем благожелательный и непредвзятый характер, рассказывала А. М. Калмыкова (см. А. М. Калмыкова. Обрывки воспоминаний.— «Былое», 1926, № 1, стр. 65). Не случайно В. Г. Короленко отмечал тот факт, что в редак-

Н. Ф. Анненский внимательно следил за марксистскими изданиями, хорошо знал «Капитал». Он неоднократно возражал в редакции «Русского богатства» против узкого понимания марксизма. Можно привести для примера его письмо к А. В. Пешехонову, относящееся, правда, к началу 900-х годов, но характерное в смысле отношения Анненского к марксизму. В этом письме он не соглашался с тем, что Пешехонов приписывал марксистам апологетическое отношение к буржуазии. «... Все литературные представители марксизма,— разъяснял Анненский,— или по крайней мере более крупные из них... всегда решительно протестовали против утверждений, что в программу партии может входить работа на пользу капитализма. Они находили, что эту работу уже делает сама жизнь, а на их долю остается группировка элементов будущего, зарождающегося и растущего вместе с ростом капитализма, который поэтому и представляется в их глазах прогрессивным фактором...»¹⁰⁷. И тогда, и раньше Анненский неизменно оспаривал «полюемические преувеличения» по отношению к своим оппонентам.

Для многих выступлений журнала, особенно внутренней хроники, становится характерной систематическая критика самодержавного деспотизма. Н. Ф. Анненский часто составлял внутреннюю хронику вместе с В. Г. Короленко за подписью О. Б. А. (т. е. оба). Они писали о низком заработке учителей и их бесправии, о насильственном сборе податей, о полицейской опеке над рабочими и «будочниках Мымрецовых». Одну из хроник В. Г. Короленко посвятил «каликам переходим» — бродягам и сектантам, различным их поселениям, тем самым развенчивая легенду С. Кривенко о «культурных ски-тах».

Конечно, Н. Ф. Анненский (а тем более В. Г. Короленко) выделялись среди народников «Русского богатства»

ции «Русского богатства» «я и Николай Федорович (Анненский.— В. Х.) составляем оттенок, стоящий ближе к марксизму» (В. Г. Короленко. Собрание сочинений, т. 10, стр. 275). Одно время даже возникла возможность перехода В. Г. Короленко в марксистские издания. Эти факты говорят во всяком случае о симпатии В. Г. Короленко и Н. Ф. Анненского к марксистскому течению, в котором они видели громадную прогрессивную общественную силу.

¹⁰⁷ Отдел рукописей Гос. б-ки СССР им. В. И. Ленина, ф. 225, к. 1, ед. хр. 7.

ва»¹⁰⁸. Но их публицистические выступления были симптоматичными в смысле перемен, происшедших в журнале. В период кризиса «друзей народа», когда в либерально-народническом лагере произошло размежевание, потребовались именно такие деятели, как В. Г. Короленко и Н. Ф. Анненский, способствовавшие демократизации народнического издания.

Таким образом, идейный кризис народничества в середине 90-х годов разрешается двояким образом. Часть либерально-народнического лагеря окончательно слилась с либерализмом в проповеди откровенного буржуазного реформаторства. Другая часть стремилась отмежеваться от либерализма, от своих прежних утопий. В обстановке общественного подъема второй половины 90-х годов «Русское богатство» постепенно подтягивалось к революционным событиям начала века, к задачам буржуазно-демократической революции¹⁰⁹.

---

¹⁰⁸ «В. Г. Короленко стоит в стороне от рабочего движения,— писала «Правда» в 1914 г.— Он лишь представитель радикальной демократической интеллигенции с народнической закваской... Но сам он несомненный демократ, всякий шаг народа на пути к демократии всегда найдет у него сочувствие и поддержку» (цит. по: «Дооктябрьская «Правда» об искусстве и литературе». М., 1937, стр. 171).

¹⁰⁹ На это «выправление» линии журнала в середине 90-х годов ранее не обращалось внимания в нашей литературе (см.: *Ж. И. Березовская*. Литературно-критические позиции журнала «Русское богатство» 1892—1905 гг.—Сб. «Из истории русской журналистики второй половины XIX века». М., 1964; *Б. Д. Легов*. «Русское богатство».—Сб. «Очерки по истории русской журналистики и критики», т. II. ЛГУ, 1965; «История русской журналистики XVII—XIX вв.» М., 1966.

ЗАРОЖДЕНИЕ НЕОНАРОДНИЧЕСТВА

Общественная мысль во второй половине 90-х годов

В 1897 г. вышла книга «Влияние урожаев и цен хлеба на некоторые стороны русского народного хозяйства». Один из ее авторов, известный экономист А. И. Чупров, отвечая на рецензии, посвященные книге, писал на страницах «Русского богатства»:

«Критические статьи и заметки начали появляться чуть ли не на другой день по выходе книги и продолжают наполнять страницы газет и журналов до настоящей минуты, хотя со времени издания книги прошло уже три месяца. Если принять в расчет, что дело идет о двухтомном труде с лишком в 1000 страниц мелкой печати, с массой цифр и статистических таблиц, труде, одолеть который нелегко даже завзятому специалисту, то внимание нашей публики и журналистики к этому произведению является поистине замечательным»¹.

Интерес периодической печати и общественного мнения к подобным трудам представляет действительно характерную черту 90-х годов. Никогда еще в общественной жизни научные вопросы не приобретали такой значимости. Публицисты не только живо откликались на ученые труды, но и сами предпринимали обширные исследования, а профессиональные ученые брались за перо журналиста, придавая своим изысканиям актуальный, публицистический характер. Если в 40-е годы ведущее

---

¹ «Русское богатство», 1897, № 4, отд. 2, стр. 117.

место в общественной мысли занимала литературная критика, в 60-е — просветительская, научно-популярная публицистика, то в 90-е годы первенствующая роль, пожалуй, переходит к науке. Разумеется, литературная критика и публицистика общего характера сохраняли свое значение.

После безвременья 80-х годов, в обстановке растущего демократического подъема общественная мысль деятельно работала над вопросами теории. В предвостии первой русской революции происходили размежевание и оформление общественных направлений. Вокруг органов печати образовались основы будущих политических партий, в теоретических спорах вырисовывались контуры программ. Отсюда широкий круг вопросов, затрагивавшихся в печати тех лет, отсюда злободневная трактовка любой, казалось бы, самой академической темы, стремление в отвлеченных умозрениях поставить практические точки над «и».

В 90-х годах прогрессивный издатель просветитель Ф. Ф. Павленков выпустил в свет труды западных социологов Г. Тарда, Г. Греефа, Л. Уорда, П. Лакомба, А. Фулье, Р. Вормса и др. «Социологическая серия» Павленкова была ответом на возросший интерес общественной мысли к *социологии*, к законам развития общества. Работы зарубежных и русских социологов (Н. И. Кареева, М. М. Ковалевского и др.) вызывали резонанс в журналистике. В «Русском богатстве» (так же как в конце 60-х — начале 70-х годов, когда возникла субъективная школа в социологии) публицисты-народники много занимались социологическими проблемами. В статьях Н. К. Михайловского, Л. Э. Шишко, В. М. Чернова предпринимались попытки подновить субъективную социологию народничества. Много статей по социологии помещала либеральная печать, в частности журнал «Русская мысль». При этом, лавируя между народничеством и марксизмом, журнал стремился занять «срединную» позицию в теоретических спорах. «Историческая эволюция,— писал редактор «Русской мысли» В. А. Гольцев в статье, посвященной работам Э. Дюркгейма и П. Лакомба,— совершалась и совершается и без сознательного участия людей. В законах этой эволюции, когда они будут точно установлены, человеческая воля изменений сделать не может... Но... создать новую комбинацию сил

и явлений она имеет возможность»². Журнал старался отмежеваться от субъективизма и критиковал «просветительную утопию» С. Южакова. В то же время социологические статьи В. В. Ивановского, П. Д. Боборыкина, Л. Е. Оболенского и самого В. А. Гольцева, печатавшиеся в «Русской мысли», отличались крайней абстрактностью и расплывчатостью.

Много внимания в прессе 90-х годов уделялось *истории*. В 1895 г. в журнале «Мир божий» печатались «Очерки по истории русской культуры» П. Н. Милюкова, вызвавшие оживленную полемику. Подвергалась критике традиционная «государственная» схема русской истории. В статьях М. Н. Ремезова, А. Н. Филиппова, П. Н. Обнинского, В. О. Ключевского, А. И. Кирпичникова и других историков и публицистов шли споры о концепции феодализма на Руси, о пореформенном развитии, пересматривались точки зрения на многие события западной истории. Последнее десятилетие XIX в. обнаружило теоретический кризис буржуазной исторической мысли в России³.

На страницах журналов велись *пространные дискуссии по философии*. Традиции материализма отстаивали публицисты-марксисты, некоторые естествоиспытатели, например талантливый ученый, философ и журналист М. М. Филиппов. Будучи издателем журнала «Научное обозрение», он печатал на его страницах философские работы Г. В. Плеханова, отрывки из произведений Ф. Энгельса, выступал со статьями против «метафизической реакции» А. Воынского и Вл. Соловьева. Он критиковал нападки на материализм «энергетика» В. Оствальда. Однако М. М. Филиппов был «легальным марксистом», и его мировоззрение не было устойчивым. Наряду с пропагандой марксизма и естественнонаучного материализма он охотно печатал в своем журнале работы Э. Маха, Фр. Паульсена, Г. Зиммеля, ученых-идеалистов Д. Томсона и А. Пуанкаре. И сам он в конце 90-х годов стал склоняться к взглядам Р. Авенариуса⁴.

Эмпириокритицизм получает значительное распространение в философской публицистике 90-х годов. Рев-

² «Русская мысль», 1895, кн. 7, отд. 2, стр. 144.

³ См.: Н. Л. Рубинштейн. Русская историография. М., 1941, стр. 484—486.

⁴ См. статью М. М. Филиппова «Критика чистого опыта» («Научное обозрение», 1898, № 5—6).

ностным поклонником эмпириокритицизма был постоянный автор «Русского богатства» В. В. Лесевич, которого В. И. Ленин называл первым и крупнейшим русским эмпириокритиком⁵. В статьях «Эволюция философии и философские «переживания»», «Философское наследие XIX века» и других работах, опубликованных в «Русском богатстве», он пропагандировал воззрения Р. Авенариуса и считал их последним словом научной мысли. Его поддерживал другой публицист «Русского богатства» П. В. Мокиевский. Народнические мыслители полагали, что они поднимаются над материализмом и идеализмом. Например, П. В. Мокиевский осуждал откровенный идеализм Вл. Соловьева, религиозные тенденции в этическом учении неокантианца А. И. Введенского. Сторонниками эмпириокритицизма сделались также русские позитивисты Г. Н. Вырубов и Е. В. де-Роберти⁶.

Попытки стать над материализмом и идеализмом были характерны и для некоторых либерально-буржуазных изданий («Мир божий», «Русская мысль»). Оценивая «энергетическую» систему В. Оствальда, М. Ю. Гольдштейн в статье «Учение об энергии и его роль в философии» писал, что «создается нечто вполне новое, нечто такое, что сольет воедино и материализм, и идеализм...»⁷. Тот же мотив звучал в статье О. Д. Хвольфсона «Позитивная философия и физика» («Мир божий», 1898, № 5). Провозглашая нейтралитет в философских спорах, «Мир божий» вместе с тем предоставлял свои страницы рьяному противнику материализма Г. И. Челпанову, в статьях которого «Мозг и мысль», «К вопросу о материализме», «О свободе воли» и других содержались резкие нападки на материалистическую «наивную догматику».

Г. И. Челпанов вместе с А. И. Введенским и И. И. Лапшиным принадлежали к школе так называемого академического неокантианства⁸. Еще более широкое распространение получили неокантианские идеи в философских

⁵ См.: В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 18, стр. 51.

⁶ См., например, статью Е. В. де-Роберти «Пессимистические теории познания: критицизм, позитивизм» («Вопросы философии и психологии», 1891, июль-август).

⁷ «Мир божий», 1896, № 8, стр. 151.

⁸ См. об этом: Е. И. Водзинский. «Русское неокантианство конца XIX — начала XX веков. Л., 1966.

статьях «легальных марксистов» П. Б. Струве, С. Н. Булгакова, Б. А. Кистяковского и других, печатавшихся в журналах «Новое слово», «Начало», «Жизнь». Тяготение к неокантианству было характерно и для философской публицистики журнала «Русская мысль». Виднейший орган либерализма 90-х годов, «Русская мысль» отличалась беспринципностью в философских вопросах. Наряду со статьями материалиста-ученого К. А. Тимирязева журнал печатал работы идеалиста С. Н. Трубецкого, приветствовал в книгах последнего «великую идею универсального разума, Логоса»⁹.

В русской буржуазной философской мысли 90-х годов были распространены не только позитивистские и неокантианские тенденции, но и идеалистически-религиозные течения. Еще в период «безвременья» 80-х годов начал оформляться идеализм Вл. Соловьева, братьев С. Н. и Е. Н. Трубецких, Г. М. Лопатина, которого В. И. Ленин назвал «философским черносотенцем»¹⁰. В 1899 г. был создан журнал «Вопросы философии и психологии» (под руководством Н. Я. Грота), который стал центром пропаганды идеализма и обскурантизма. Открывались и активизировали свою деятельность другие специализированные журналы (связанные с православием) — «Вера и разум»; «Православный собеседник» и др.

Особенно большое место в печати отводилось *экономической публицистике*. 90-е годы можно по праву назвать «десятилетием экономики». Все ведущие журналы активно предоставляли свои страницы экономическим статьям как конкретного, так и общетеоретического характера. Обширная литература возникла вокруг русского издания III тома «Капитала» К. Маркса по проблемам внутреннего рынка, теории кризисов. Экономическое учение Маркса было в центре внимания. Даже монархический «Русский вестник» по временам вступал в спор, причисляя «Маркса и его последователей» к числу тех, кто «строит на песке новое здание мнимой новой науки»¹¹.

Могучим стимулятором теоретической мысли в 90-х годах явился именно марксизм. Работы Г. В. Плеханова

⁹ «Русская мысль», 1900, № 4, стр. 128.

¹⁰ См.: В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 18, стр. 317.

¹¹ «Русский вестник», 1895, № 12, отд. 2, стр. 24.

«К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», А. А. Богданова «Краткий курс экономической науки», а также «легальных марксистов», объявлявших себя тогда сторонниками Маркса, вызывали оживленную полемику в печати. На страницах легальных журналов «Новое слово», «Научное обозрение», «Начало», «Жизнь» печатались статьи В. И. Ленина «К характеристике экономического романтизма», «Капитализм в сельском хозяйстве» и др. Буржуазная печать скупой отзывалась о них, но в то же время не могла не признать их большой научной ценности. Например, «Русская мысль» писала о сборнике В. И. Ленина «Экономические этюды и статьи»: «Книга Ильина очень интересна, и мы преследуем ... одну цель ... — обратить внимание публики на эту интересную книгу»¹².

В целом для буржуазной печати 90-х годов был характерен определенный интерес к марксизму, «спрос» на него. Тогда, вспоминал В. И. Ленин, «открывались марксистские журналы и газеты, марксистами становились повально все, марксистам льстили, за марксистами ухаживали, издатели восторгались необычайно ходким сбытом марксистских книг»¹³. Многие статьи буржуазных философов, социологов и экономистов той поры пестрели ссылками на произведения основоположников марксизма. Одновременно подвергались обстрелу идейные позиции народничества. Либеральный журнал «Мир божий», например, нападал на субъективную социологию Н. И. Кареева, Н. К. Михайловского, С. Н. Южакова и других, упрекая их в «непонимании запросов современной молодежи». Критика народничества зачастую подкреплялась авторитетом марксизма. Так, в рецензии на «Социологические этюды» С. Н. Южакова «Мир божий», разбирая перечень рассмотренных автором социологических систем, подчеркивал, что «список этот, очевидно, не полон, если мы не встречаем в нем Маркса и Энгельса»¹⁴.

В марксизме — в противовес народничеству — русских буржуазных идеологов привлекало научное, объективное исследование капиталистического общества, что

---

¹² «Русская мысль», 1899, № 8, стр. 292.

¹³ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 6, стр. 15—16.

¹⁴ «Мир божий», 1896, октябрь, отд. 2, стр. 6.

они использовали в выгодном для себя свете — для апологетической трактовки «прогрессивности капитализма» и его «неумолимых законов». Такую «объективность» они противопоставляли субъективной социологии, народническому осуждению буржуазных порядков в России. Подобные тенденции были особенно характерны для радикальных элементов в либеральном лагере — «легальных марксистов». С середины 90-х годов работы П. Б. Струве, М. И. Туган-Барановского, С. Н. Булгакова и других занимают видное место в легальной оппозиционной печати. Правда, очень скоро «легальный марксизм» эволюционировал вправо и влился в ряды кадетов. Но в то время его выступления имели определенное прогрессивное значение. В журналах «легальных марксистов» «Новое слово», «Начало», «Научное обозрение», где наряду с П. Б. Струве, В. Я. Богучарским, Б. А. Кистяковским выступали В. И. Ленин, Г. В. Плеханов, В. В. Воровский и другие марксисты, рассматривались различные аспекты марксистской теории, экономические и социологические темы. Систематически велась критика народничества.

На распутье

Характерной чертой общественной мысли 90-х годов можно считать, таким образом, широкий интерес к теоретическим проблемам и возрастающую «партийность» органов печати. Это относится и к «Русскому богатству». В борьбе с марксизмом публицисты журнала пытались отстоять народническую идеологию. Однако в середине десятилетия «Русское богатство» оказалось на распутье. Нападки на «учеников» не принесли авторитета журналу.

«Нужно сознаться,— констатировал П. Ф. Якубович, что народники не вышли из этой борьбы победителями». Силу марксистского направления он видел «в той страстной критике, с которой она обрушилась на наше современное, шаблонное и устарелое народничество, возложившее все упования на трех китов земли русской (общину, артель и кустарные промыслы) и победоносно успокоившееся в лоне «малых дел» и «симпатичных начинаний»¹⁵.

¹⁵ «Русское богатство», 1898, № 8, отд. 2, стр. 121.

Любопытно, что даже консервативная печать подметила идейное поражение «друзей народа». «Острый камень, на который напоролось дремавшее народничество,— писала газета «Новое время»,— был марксизм ... и не успели оглянуться народники, как уже почти вся поголовно молодежь оказалась на его стороне»¹⁶. Скомпрометированные теории субъективной социологии и «экономического романтизма» перестали интересовать оппозиционно настроенного читателя, студента, потянувшегося к марксистской литературе. «Молодежь обоего пола,— сообщал либеральный экономист А. А. Исаев в письме Г. В. Плеханову,— нарасхват читает все, что хотя бы намекает на марксизм и материализм... Таким образом революционирование умов понемногу подвигается вперед»¹⁷.

Марксизм стал притягательной силой именно для радикальных кругов, которые увидели в новом учении боевую программу борьбы. «Народники потеряли весь свой кредит у публики... (под публикой я разумею экстрему),— рассказывал А. Н. Потресов Г. В. Плеханову в конце 1896 г.,— публика устремляет свои взоры на марксистов и ждет ответа на всякого рода запросы: что? как? куда?»¹⁸.

Кризис «друзей народа» совпал с ростом русской социал-демократии, упрочившей свои позиции на базе массовых выступлений пролетариата. Начало пролетарского периода освободительного движения было ознаменовано невиданными доселе массовыми выступлениями рабочего класса (1895—1896 гг.). Среди рабочих распространялись первые листовки «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Руководство социал-демократов движением пролетариата, осуществившее связь научного социализма с рабочим движением, придало борьбе политический характер. Насколько опасалось правительство рабочего движения, руководители «Русского богатства» могли видеть по цензурной политике. «Давит ли на нас цензура?— писал Н. К. Михайловский П. Ф. Якубовичу в 1898 г.— В последнее время невероят-

¹⁶ «Новое время», 1898, № 8089.

¹⁷ АДП, № 2249, ед. хр. В. 191, л. 1—2.

¹⁸ «Литературное наследие Г. В. Плеханова», сб. IV. М., 1937, стр. 307.

но... рабочий не только наш, но и французский, если он устроил стачку,—запрещенные люди»¹⁹.

В такой ситуации публицисты «Русского богатства» уже не могли говорить о «беспочвенности» марксизма в России. В полемике с «учениками» их тон несколько меняется. Выше мы отмечали, что положительную роль сыграли здесь В. Г. Короленко и Н. Ф. Анненский. Сотрудники журнала заговорили о своем уважении к учению Маркса. В статье «Карл Маркс и его русский критик» М. Б. Ратнер защищал «Капитал» от критики публициста «Вестника Европы» Л. Слонимского, подчеркивая, что Маркс принимал во внимание всю «совокупность социальных факторов», а не только экономический. В другой статье П. Мокиевский отвергал нападки на социализм со стороны философа Вл. Соловьева, ссылаясь на Маркса и его критику капитализма. Можно даже сказать, что некоторые народнические публицисты «Русского богатства» испытывали на себе определенное влияние идей марксизма. Например, Н. С. Русанов обращался к Н. К. Михайловскому с предложением дополнить его «формулу прогресса» указанием на роль производительных сил, и последний ответил: «Обеими руками подписываюсь перед вашим истолкованием»²⁰. «Диалектика истории такова,—указывал В. И. Ленин,—что теоретическая победа марксизма заставляет врагов его *переодеваться* марксистами»²¹.

Во всяком случае аргументы народнических мыслителей против социологического и экономического учения марксизма сопровождались теперь целым рядом оговорок, согласий в некоторых пунктах с марксистскими положениями. Для народнической социологии в этот период были характерны теоретические колебания, попытки как-то обновить традиционную «систему фраз». В качестве примера можно указать на обширную работу П. Б. (Л. Э. Шишко) «К вопросу о понимании истории». Публицист-народник пытался подвергнуть критике марксизм, так сказать, не «персонально», а с более широких оснований—как «всякую гипотезу единого фактора».

¹⁹ П. Якубович. Письма Н. К. Михайловского.—«Русское богатство», 1910, № 1, отд. 1, стр. 253.

²⁰ Н. Е. Кудрин. [Н. С. Русанов]. Михайловский как публицист и гражданин.—«Русское богатство», 1905, № 1, отд. 1, стр. 175—176.

²¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 23, стр. 3.

При этом возражения Л. Э. Шишко были весьма осторожными. Он заявлял, что дело «не в отрицании» роли экономического фактора, а «только в ограничении этой роли»²². Более скромно ставил вопрос народнический социолог и о значении «сознательного фактора»: «отстоять его место на известное значение в истории».

Роль «сознательного фактора» автор прослеживал на различных исторических примерах. При этом в унисон с другими публицистами журнала он стремился обосновать мысль об «общенародных» функциях интеллигенции. Так, он отказывался рассматривать энциклопедистов XVIII столетия во Франции как идейных выразителей интересов буржуазии.

В статье Шишко были и поиски новых социологических идей. Он пробовал, например, представить исторический процесс как «неповторяющийся» и требующий каждый раз нового методологического подхода. Он также указывал на большую роль в истории войны и насилия в качестве «внешнего фактора».

Поиски новых идей содержались и в работах других народнических мыслителей — Н. К. Михайловского, П. В. Мокиевского, Н. Ф. Анненского. Последний, например, анализируя пореформенные изменения в России, выдвигал тезис, что «каждый экономический период требует целой совокупности порядков и идей, ему соответствующих»²³.

В целом народнической мысли в этот период были свойственны определенные теоретические уступки марксизму — по крайней мере признание существенной важности экономики для понимания социальной жизни. Это, разумеется, вовсе не означало, что идеологи народничества становились на марксистские рельсы. Публицисты «Русского богатства» искали новые аргументы в обосновании своих теорий.

Критические выступления против «учеников», против основ марксистской теории тем не менее время от времени продолжали появляться в журнале. В статье Н. Г. (этими инициалами подписывался Х. Г. Житловский, позднее один из ведущих теоретиков эсеровской партии) «Материализм и диалектическая логика» отрицалась

---

²² «Русское богатство», 1899, № 2, отд. 1, стр. 171.

²³ «Русское богатство», 1896, № 2, отд. 2, стр. 205.

применимость диалектики к изучению общественных явлений, повторялись устаревшие обвинения марксизма в «гегелевщине».

В борьбе с марксизмом обнаруживалась теоретическая слабость народничества — субъективизм, непоследовательность, эклектизм. Особенно чувствовалось это у старых адептов народничества. Показателен в этом смысле момент, связанный с выступлением Н. К. Михайловского по поводу статьи Г. В. Плеханова «Материалистическое понимание истории». Дело в том, что в этой статье Г. В. Плеханов, решивший «поймать» народников на непонимании марксизма, специально изменил термины (писал — «общественные отношения» вместо «способа производства и форм обмена» и пр.). Михайловский, не разобравшись в понятиях марксистской теории, усмотрел здесь отказ от «экономического материализма». «Я торжествовал, — вспоминал Плеханов, — и уже приготовил для него, — как выражается Чацкий, — «ответ громовый»²⁴. К сожалению, «громовая» статья Плеханова «Об экономическом факторе» не была напечатана ввиду закрытия «Нового слова».

Руководители «Русского богатства» стремились привлечь к журналу свежие силы. «Николай — он очень туг на подъем, — рассказывал Михайловский о борьбе с марксизмом в письме П. Ф. Якубовичу в 1897 г., — и ожидать от него чего-нибудь в скором времени нельзя. Да и полемики он не любит. В следующей книжке будут статьи молодого московского экономиста Мануилова и молодого петербургского историка Мякотина. Упоминаю о молодости, потому что это имеет в данном случае свое значение»²⁵.

Видным публицистом «Русского богатства» с середины 90-х годов становится Н. С. Рusanов. Эмигрировав во Францию еще в 80-х годах, Рusanов поначалу заинтересовался марксизмом, сблизился с Г. В. Плехановым, но затем отошел от группы «Освобождение труда», став на народнические позиции. С середины 90-х годов он сделался парижским корреспондентом «Русского богатства». Михайловский очень высоко ценил обозрения, регуляр-

²⁴ Г. В. Плеханов. Сочинения, т. XVIII. М.—Л., 1926, стр. 295.

²⁵ П. Ф. Якубович. Письма Н. К. Михайловского.— «Русское богатство», 1910, № 1, отд. 1, стр. 248.

но присылаемые Русановым. «И точка зрения, и содержание, и изложение — все именно таково, как нам нужно...»²⁶,—говорил он о публицистике Русанова. В своих работах Н. С. Русанов много писал о борьбе политических партий во Франции, в частности критически отзывался о Ж. Гэде. Рассказывая читателям о деле Дрейфуса, он подчеркивал как бы в противовес марксизму роль нравственного фактора в истории²⁷. Михайловский нередко давал советы Русанову относительно борьбы с марксизмом, подсказывал ему различные теоретические соображения, пригодные для нападений на «учеников»²⁸.

До определенного времени народнические писатели не различали (причем очень часто намеренно) марксизма «легального» и революционного. Преследуя свои полемические цели, они упрямо мазали своих противников одной краской «объективизма», «преклонения перед капитализмом» и пр. Но они не могли не видеть, что революционные марксисты,— в то время как их «легальные» коллеги ораторствовали в гостиных,— действовали в рабочих кружках, распространяли листовки во время стачек, подвергались преследованиям и ссылкам. Михайловский «мог еще при жизни наблюдать, с какой энергией: наиболее активные марксисты стали отказываться от прежних странностей (т. е. объективистского отношения к жизни, упований на прогрессивность капитализма.— В. Х.)... когда перед ними стал действительно грозный вопрос: «что делать?»²⁹ — вспоминал Н. С. Русанов, имея в виду размежевание «легальных марксистов» и «экономистов», с одной стороны, и революционных социал-демократов,— с другой.

Н. К. Михайловский и некоторые из народников «Русского богатства» (П. Ф. Якубович, Н. С. Русанов, Н. Ф. Анненский и др.), при всех своих ошибках и колебаниях, все-таки больше симпатизировали подлинно

²⁶ Отдел рукописей Гос. б-ки им. В. И. Ленина, ф. 358, к. 412, ед. хр. 4, л. 7.

²⁷ См. об этом статью Ю. Мартова «Французские события через очки русского этико-социолога» (Ю. Мартов. Общественные и умственные течения в России. Л.—М., 1924).

²⁸ См. письма Н. К. Михайловского Н. С. Русанову от 18 апреля 1896 г., 20 ноября 1897 г., 17 февраля 1898 г. (Отдел рукописей Гос. б-ки им. Ленина, ф. 358, к. 412, ед. хр. 4, лл. 5, 29, 31).

²⁹ Н. Кудрин. Михайловский как публицист и гражданин.— «Русское богатство», 1905, № 1, отд. 1, стр. 178.

революционным марксистам³⁰. Поэтому акцент полемических выступлений народников постепенно смещается в сторону «легального марксизма». Надо сказать, что критика «Русского богатства» сыграла определенную роль в разоблачении буржуазной направленности взглядов «легальных марксистов».

Например, А. Мануилов в статье «Капиталистическая идиллия», критикуя книгу немецкого реформиста Шульце-Геверница, останавливался на предисловии к ней, написанном П. Б. Струве. В этом предисловии Струве благожелательно оценивал апологетические взгляды либерального немецкого экономиста, хотя и в осторожных, туманных выражениях, со всяческими оговорками. «Какую связь все это имеет с марксизмом», — писал А. Мануилов. «Если же г. Струве не разделяет воззрений Шульце-Геверница, то я спрашиваю, какую цель он преследует, пропагандируя его буржуазные идеи»³¹.

К концу 90-х годов эволюция «легального марксизма» к буржуазному либерализму обнаружилась явственно. П. Б. Струве, М. И. Туган-Барановский и другие открыто нападали на «ортодоксов». В заметке о Лассале, помещенной в журнале «Мир божий», Струве выдвигал лозунг «назад к Лассалю». Н. С. Русанов называл тенденции, содержащиеся в струвизме (метафизические обоснования либерального реформизма), «вредными для прогрессивной мысли»³².

В 1900 г. вышла брошюра Н. А. Бердяева «Субъективизм и объективизм в общественной философии. Критический этюд об Н. К. Михайловском» с предисловием Струве, наделавшая много шума. В ней Бердяев хотя и

³⁰ О том, что в 90-х годах активно настроенные народники, несмотря на свое предубеждение к марксистам, отдавали им предпочтение перед «легальными марксистами» и «экономистами», пишет, например, в своих воспоминаниях Ю. М. Стеклов. В приводимом отрывке речь идет о спорах между «стариками» (народниками) и социал-демократами среди ссыльных. «Схватки наши со стариками продолжались до тех пор, пока не стали прибывать новые «партии» социал-демократов так называемого «экономического» направления. Тогда картина резко переменилась. В нашем собственном социал-демократическом лагере произошел раскол, и часть стариков присоединилась к «политикам», отчасти примирившись с революционной социал-демократией» (Ю. Стеклов. В ссылке и в эмиграции. — «Пролетарская революция», 1923, № 5(17), стр. 194—195).

³¹ «Русское богатство», 1897, № 11, отд. 2, стр. 93.

³² «Русское богатство», 1901, № 2, отд. 2, стр. 195.

критиковал народничество, но противопоставлял ему сомнительные построения в духе «критической философии» и «этического социализма». Михайловский ответил своему оппоненту специальной статьей.

Народнический публицист констатировал, что в писаниях Бердяева и Струве «под... мягкой формой скрывается, однако, решительное отречение от марксизма»³³. Он с презрением отнесся к отступничеству своих противников от былых убеждений. «Ведь и фасоны дамских туалетов... меняются, пожалуй, не быстрее»³⁴, — иронически писал он. Разбирая нападки струвистов на революционных марксистов, Михайловский отнюдь не поддерживал эти нападки и подчеркивал, что прогрессивной интеллигенции нечего делать в «тупом переулке метафизики», куда забрались бывшие сторонники учения Маркса.

Статьи Михайловского о брошюре Бердяева получили широкую известность. В кругах интеллигенции муссировались толки о победе народничества над марксизмом³⁵. На самом же деле обнаружил свою несостоятельность буржуазный либерализм, интерпретировавший марксистское учение в одностороннем, объективистском плане.

Однако критика «легальных марксистов» и симпатии к боевой социал-демократии отнюдь не свидетельствовали о согласии народников с марксистским учением. Несмотря на комплименты Марксу, мелкобуржуазные идеологи не могли принять идеи научного социализма. С другой стороны, они отходили от прежнего, скомпрометировавшего себя направления С. Кривенко, В. Воронцова и др. Во второй половине 90-х годов публицисты «Русского богатства» вели споры как с «экономическими материалистами», так и с «устаревшим народничеством».

---

³³ Н. К. Михайловский. Последние сочинения, т. I. СПб., 1905, стр. 437.

³⁴ Н. К. Михайловский. Последние сочинения, т. II, стр. 343.

³⁵ Насколько в общественное мнение проникла версия о «поражении марксизма», показывает любопытный эпизод встречи Н. К. Михайловского с министром внутренних дел В. К. Плеве в 1902 г. Плеве, подозревая связь Михайловского с деятельностью эсеров и начавшимися террористическими актами, вызвал его к себе. Министр сказал Михайловскому, что теперь, когда народники «сразили марксистов», правительство видит в них главную революционную силу и «штабом» ее назвал «Русское богатство» (Н. К. Михайловский. Сочинения, т. X, стр. 60—64).

Эти поиски некоего «третьего» пути отчасти нашли отражение в известной новелле В. Г. Короленко «Необходимость», напечатанной в «Русском богатстве». Писатель рассказывал в манере восточного предания о двух старцах, Дарну и Пурана. Первый упрямо отрицал всякую закономерность в жизни, второй, наоборот, полагал, что власть необходимости безгранична. Оба неправы, приходил к выводу автор. Хотя необходимость и существует, но для ее осуществления требуется активность, «свободная воля» человека.

Посмотрим, по какому «третьему пути» развивалась народническая мысль.

Теория «трудового хозяйства»

Отойдя от проповеди «малых дел» и «симпатичных начинаний», «Русское богатство» постепенно обрело более ясную демократическую направленность. Лейтмотивом публицистики, как мы отмечали, становилась мысль о «раскрепощении населения». Народники стали значительно четче проводить в своих выступлениях ту идею, что перспективы дальнейшего развития страны связаны с уничтожением пут крепостничества. Они сознавали необходимость радикального решения аграрного вопроса — ликвидации помещичьих латифундий.

Но какое направление примет хозяйственное развитие страны, если эта коренная мера будет осуществлена? Приведет ли она к дальнейшему упрочению капитализма или будет заложена основа для иного, более справедливого строя? На этот вопрос народники отвечали во втором смысле. Им казалось, что само по себе наделение крестьян землей решит проблему «упалых» хозяйств и обусловит некапиталистический путь развития, потому что русский крестьянин не в такой мере подвержен частнособственническим тенденциям, как на Западе. Признавая проникновение буржуазных отношений в деревню, они, однако, считали их еще мало определившимися и в этом усматривали залог некапиталистического будущего.

В 1897 г. в «Русском богатстве» появилась статья «К вопросу о роли собирателей земли» земского статистика А. В. Пешехонова. В ней автор писал об экономическом значении зажиточных хозяйств в деревне. Он не отрицал процесса расслоения крестьянства, но оспаривал мнение,

что зажиточная, кулацкая группа играет центральную хозяйственную роль на селе. Анализируя данные по двум уездам Псковской губернии, Пешехонов объяснял многоземельность «крепких» хозяйств большим составом семьи, доказывал малую распространенность наемного труда. «... Везде группа многоземельных крестьян,— писал он,— ничтожна по своей численности, везде ею «собрано» ничтожное количество земли, везде по составу семьи она не напоминает капиталистического хозяйства...»³⁶. Таким образом, автор стремился представить крестьянство как целое, как «трудовую» массу, а сельскую буржуазию характеризовал как исключение.

Через некоторое время появилась пространная статья того же Пешехонова «Крестьяне и рабочие в их взаимных отношениях». Здесь он обосновывал «трудовую» характеристику мелкого производителя, сближая его с пролетариатом. По его словам, рабочие, имеющие семьи в деревне, не порывают с землей, часто возвращаются обратно. Это явление Пешехонов объяснял тем, что крестьянин держится за землю, за дешевизну сельской жизни и «заработок жены и детей». С другой стороны, он опять подчеркивал незначительную роль наемного труда в сельском производстве, низкую товарность мелких хозяйств. «Крестьянин,— писал он,— есть подлинный рабочий, хотя и работает не в городе, а в деревне, не в чужом, а в своем хозяйственном предприятии»³⁷. Приводя ограниченные статистические данные, касавшиеся лишь нескольких уездов, Пешехонов рисовал картину взаимных превращений крестьян в рабочих и обратно. В результате он приходил к выводу, что «русская экономическая жизнь не оправдывает противоположения интересов крестьянства и интересов рабочих и не позволяет рассматривать последних как совершенно обособленную группу, как единственных представителей трудовых идеалов».

Идея о тождестве интересов рабочих и крестьян и о «трудовой» сущности мелкого хозяйства призвана была служить новым «доводом» в спорах с марксистами, которые вскрывали мелкобуржуазный характер народнической идеологии. Наблюдая подъем рабочего движения, видя, что марксизм укрепляет свои позиции в рядах про-

³⁶ «Русское богатство», 1897, № 7, отд. 2, стр. 40.

³⁷ «Русское богатство», 1898, № 9, отд. 1, стр. 71.

летариата и расширяет свое идейное влияние, народники пытались найти контраргументы. Они упрекали марксистов в односторонности, невнимании к аграрному вопросу и стремились теоретически обосновать более широкую базу общественного движения, не понимая, что союз рабочего класса и крестьянства возможен лишь при гегемонии пролетариата. В связи с этим возник, например, любопытный полемический эпизод по поводу рассказа А. П. Чехова «Мужики». Комментируя чеховский рассказ в журнале «Новое слово», П. Б. Струве (тогда еще причислявшийся всеми к марксистскому лагерю) писал об «идиотизме деревенской жизни». Эти слова вызвали бурю протеста в народнической публицистике. «...Не сшибайте лбами двух разрядов людей,— призывал Н. К. Михайловский,— жизнь которых, в разном роде, но одинаково темна и скучна, одинаково требует и одинаково заслуживает участия...»³⁸

Так развивалась публицистами «Русского богатства» краеугольная мысль позднейшего народничества о «поравнении» пролетариев и крестьян, теория «грудового хозяйства». Выдвигая формулу «рабочие + крестьяне = = народ», идеологи народничества стремились избежать упреков в мелкобуржуазности. Они знали положение марксистского учения о двойственной природе крестьянства.

Признавая, что «в лице крестьянина соединены... собственник и производитель, рабочий», В. А. Мякотин тем не менее считал, что в России «последний решительно преобладает над первым». «В массе... наш крестьянин не может быть, конечно, серьезно называем мелким буржуа»³⁹,— утверждал он.

Основы теории «трудового хозяйства» были заложены еще в свое время классиками народничества, в те времена, когда выработывалась ими так называемая теория минования Россией фазы капитализма. Эта точка зрения разрабатывалась в трудах В. П. Воронцова и Н. Ф. Даниельсона, которые противопоставляли капитализму «народное производство». Однако к концу 90-х годов старые теории уже не могли удовлетворить народников. И хотя в это время еще печатались и Воронцов и Даниель-

³⁸ «Русское богатство», 1897, № 6, отд. 2, стр. 124—125.

³⁹ «Русское богатство», 1899, № 2, отд. 2, стр. 12.

сон, они уже не являлись лидерами направления. Слишком уж были скомпрометированы теории «самобытности», проповедь общинного альтруизма, упования на помощь правительства, планы артельной и казенной промышленности и т. д. Не оправдались и пророчества о «крахе» капитализма. Поэтому на смену прежней утопии появился прогноз о некапиталистической эволюции земледелия. Пролетаризация крестьянства и засилье «мироедов» в деревне прекратятся, говорили народники, если дать крестьянину землю.

«Обойдите всю Россию,— писал Михайловский в середине 90-х годов,— опросите миллионы производителей — все равно, общинников, подворных, батраков, арендаторов — и вы убедитесь, что их хозяйственный идеал есть именно экономическая самостоятельность»⁴⁰.

Это был чисто буржуазно-демократический взгляд. Однако наделение крестьян землей народники не связывали с укреплением начала собственности, с утверждением в деревне буржуазных отношений. Если раньше В. П. Воронцов и Н. Ф. Даниельсон сосредоточивали внимание на доказательствах «пагубности» капитализма, доходя при этом до идеализации патриархальности и крепостничества, то теперь экономические бедствия и разорение крестьянства народники объясняли крепостничеством, с ликвидацией которого якобы наступит хозяйственное равенство. Отсюда и возникла новая редакция теории «трудового хозяйства».

Надо отметить, что обновление народнических взглядов произошло в значительной степени под воздействием марксистской критики. Русская социал-демократическая литература (прежде всего работы В. И. Ленина) показала не только псевдосоциалистический характер народнической идеологии, но и ее непоследовательный демократизм, затемненный реакционными, полукрепостническими утопиями «друзей народа». Критика марксистов как бы «подталкивала» народников на более решительные демократические позиции в борьбе с царизмом.

В то же время пролетарской точке зрения народники стремились противопоставить некую надклассовую позицию, представительство интересов всего народа. В Западной Европе, писал П. Ф. Якубович, действительно

---

⁴⁰ Н. К. Михайловский. Сочинения, т. VII, стр. 922.

есть разделение общества на классы, «но иное дело — наше отечество»⁴¹. По мнению публициста «Русского богатства», в России существует «армия обездоленных», соединенных общими интересами борьбы с правительством, помещиками и «плутократией». П. Ф. Якубовичу вторил М. Б. Ратнер, по словам которого крестьянство представляло собой «класс населения, имеющий не переходное, а постоянное значение»⁴². Таким образом, выдвигая по существу программу демократического капитализма, народники дополняли ее утопией мелкобуржуазного социализма, затушевывали классовые противоречия буржуазного строя.

Это было, конечно, заблуждением. «Кто учился хоть капельку политической экономии,— писал В. И. Ленин,— тот знает, что в России происходит смена крепостничества — капитализмом. Никакого иного, «третьего», уклада народного хозяйства в России *нет*»⁴³. «Трудовую» теорию, которую приняли в 900-х годах эсеры и энесы, марксисты подвергали всесторонней критике.

Но народнические взгляды неправильно было бы считать только заблуждением. Как и на предыдущих этапах, идеология народничества являлась, хотя и искаженным, преломлением действительных черт общественного развития. В конце XIX в. в России экономические отношения в деревне во многом складывались по типу «прусского» пути развития капитализма. Однако даже по сравнению с Германией российский капитализм обладал значительными особенностями, которые обуславливались главным образом гораздо большей отсталостью России. Если немецкие юнкера сумели относительно быстро освоить капиталистические методы хозяйства, русские помещики продолжали практиковать кабальные формы эксплуатации. В Германии процесс переселения крестьян в города шел быстрее, чем в России.

Русская промышленность развивалась значительно медленнее немецкой. Но особенно слабыми были темпы роста аграрного капитализма и сельскохозяйственного производства. Уровень вложения капиталов на гектар

---

⁴¹ «Русское богатство», 1898, № 8, отд. 2, стр. 124.

⁴² «Русское богатство», 1899, № 3, отд. 2, стр. 46—47.

⁴³ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 25, стр. 156.

посева был почти вчетверо ниже, чем в Германии⁴⁴. Вызванная высоким выкупом, налоговым обложением и засильем крепостников, происходила массовая пауперизация крестьянства. Это не могло не сдерживать капиталистическое развитие. Крепостнические пережитки серьезно тормозили и выделение из среды крестьянства «производительного» слоя, фермеров. Сельская буржуазия в России уступала немецким «гроссбауэрам» как количественно, так и с точки зрения экономической мощи. В результате «ослабевшие» крестьянские хозяйства, пополнявшие рынок по продаже свободных рабочих рук, далеко не всегда могли найти работу не только в городе, но зачастую и в деревне. Достаточно сказать, что степень распространенности наемного труда в русском сельском хозяйстве была примерно в три раза меньше, чем в Германии⁴⁵.

Акцентируя на этих чертах отсталости русского капитализма, не умея дать им научное объяснение, народники и пытались обосновать некапиталистический путь развития, сглаживали классовые антагонизмы русского общества. Эту цель, например, преследовало рассуждение А. В. Пешехонова о «многосемейности» как причине зажиточности отдельных хозяйств. В. И. Ленин, не отрицая, что многосемейность является одним из факторов крестьянского благосостояния, указывал вместе с тем, что народники проходят мимо фактов другого рода, когда «более зажиточные крестьяне, имея... большее число «своих» работников в семье, нанимают, *кроме того*, и большее число *наемников*»⁴⁶.

Короче говоря, для позднейших народников было характерно то же, что и для их предшественников. Они абсолютизировали особенности России и тем самым рациональное зерно своих воззрений облекали в шелуху мелкобуржуазных утопий. Старые теории самобытности реставрировались на новой основе.

Отстаивая в спорах с марксистами свои принципы социологического субъективизма или идеи жизнеспособности мелкого хозяйства, народники до поры до времени

---

⁴⁴ См.: А. М. Анфимов. Прусский путь развития капитализма в сельском хозяйстве и его особенности в России.— «Вопросы истории», 1965, № 7, стр. 69.

⁴⁵ Там же, стр. 71.

⁴⁶ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 23, стр. 234.

преимущественно пользовались лишь слегка подновленными аргументами своих предшественников. Теоретическая «помощь» неожиданно пришла к ним с другой стороны.

Народничество и ревизионизм

В 1899 г. в «Русском богатстве» появилась «Заметка» В. Ч. (В. М. Чернова) о книге Э. Бернштейна «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии». Не без удовольствия рассказывал русский народник о борьбе в германской социал-демократии, проходящей под лозунгом «развивать учение Маркса — Энгельса путем самокритики». «Бернштейн находит, — одобрительно замечал публицист, — что, поскольку крестьянин сам является земледельцем, он тем самым приближается к рабочему»⁴⁷. Чернов соглашался и с философскими взглядами ревизионизма. «Критическая сторона учения Ланге против материализма неотразима», — писал он. В заключение он заявлял о перспективности нового направления, подчеркивал в книге Бернштейна «здоровое чутье действительности».

И предшествующей народнической мысли были не чужды ревизионистские тенденции. Еще В. П. Воронцов и Н. Ф. Даниельсон отрицали применимость учения Маркса к условиям России. При этом Даниельсон называл себя последователем «великого ученого». Общая черта ревизионизма — на словах признавать марксизм, отрицая его на деле, — была свойственна и народникам. Не будучи в силах выступить прямо против марксизма, народники софистицировали марксистские идеи, выдвигали различные поправки к марксизму, ссылаясь на особенности России, общину, преобладание мелкого хозяйства и т. д. В «Русском богатстве» неоднократно предпринимались попытки ревизовать экономическое учение Маркса. Например, журнал опубликовал статью И. Брусилковского, в которой сквозь частокол комплиментов Марксу отчетливо пробивалась мысль о необходимости поправок к закону стоимости. Закон признавался слишком абстрактным и верным лишь «для товара идеального, совершенного, при современном... капиталисти-

⁴⁷ «Русское богатство», 1899, № 7, отд. 2, стр. 58.

ческом хозяйстве не существующего»⁴⁸. В статье «Земля и капитализм» С. С. Зак утверждал, что капиталистическое сельское хозяйство быстрыми шагами приближается к своей «естественной смерти», и, наоборот, мелкие земледельцы, в противовес марксистской схеме, оказались более жизнеспособными. Такое же мнение высказывал С. Н. Южаков. Он пытался представить автора «Капитала» сторонником мелкой земледельческой культуры и препарировал с этой целью письмо Маркса в «Отечественные записки».

Таким образом, элементы ревизионизма присутствовали в народнической идеологии. И характерно, что лидеры западноевропейского ревизионизма положительно отзывались о работах народников-экономистов. Когда вышел немецкий перевод книги Н. Ф. Даниельсона «Очерки нашего пореформенного хозяйственного развития», высокую оценку дал ей Ф. Герц. В 1896 г. появилась книга Л. К. Буха «Основные элементы политической экономии», в которой народнический автор переводил «формулу прогресса» Н. К. Михайловского на язык экономической науки. В результате физиологический аспект труда объявлялся «основной категорией политической экономии». Ознакомившись с работой Л. К. Буха, Э. Бернштейн написал предисловие к ее второму изданию. В нем он подчеркивал, что книга русского ученого пригодилась ему в то время, когда у него зародились «сомнения в правильности марксового учения о ценности». Поэтому «книга Буха явилась для меня как бы некоторого рода откровением. Она показала мне, в каком направлении следует искать тщетно отыскиваемого мной до сих пор разрешения проблемы...»⁴⁹

Естественно, что народники восприняли ревизионизм как дополнительное подтверждение «односторонности» марксизма, как доказательство своей правоты в спорах с «экономическими материалистами». В своих статьях Н. К. Михайловский, М. Б. Ратнер, Н. С. Русанов и другие публицисты говорили о научном и философском кризисе марксизма. «Нельзя, конечно, не приветствовать этого освобождения от ига доктрины, грозившей выро-

⁴⁸ «Русское богатство», 1898, № 6, отд. 2, стр. 14.

⁴⁹ Л. К. Бух. Основные элементы политической экономии. СПб., 1902, стр. 3.

даться в застывшую догму»⁵⁰, — провозглашало «Русское богатство». Пример западноевропейского ревизионизма, конечно, был для народничества новым поводом для нападков на русских марксистов.

Однако народники не во всем соглашались с ревизионистами. М. Б. Ратнер, одобряя «критическое направление», писал, что, «как только дело доходит до положительной части, до построения определенной теории, наступает неясность», поэтому-то у противников Маркса и нет «программы практической деятельности»⁵¹. Публицист «Русского богатства» стыдился откровенного реформизма западных оппортунистов.

Классовая природа народничества была несколько иной по сравнению с европейским ревизионизмом. Последний опирался в основном на рабочую аристократию, городскую мелкую буржуазию и крестьян-собственников, откуда проистекала реформистско-оппортунистическая направленность западноевропейского ревизионизма, в то время как к началу XX в. мелкобуржуазная демократия в России была полна радикальных планов. Народники использовали труды ревизионистов в основном для пополнения своего теоретического багажа.

Ревизионизм сыграл свою роль в модернизации философских и социологических взглядов народничества. В двух больших статьях «Типы психологического и социологического монизма» (1899) и «Субъективный метод в социологии и его философские предпосылки» (1901), напечатанных в «Русском богатстве», В. Чернов широко излагал свое кредо, подкрепляя традиционные народнические положения аргументами, почерпнутыми у Г. Зиммеля, Э. Бернштейна и даже самого Маркса. Эти статьи носили программный характер — во-первых, потому, что в них развивались методологические основы неонароднической концепции, а во-вторых, потому, что свои взгляды публицист «Русского богатства» и будущий лидер эсеров связывал со всей историей народнической мысли, в частности с субъективной социологией Лаврова и Михайловского.

Уже сам заголовок первой статьи свидетельствовал о том, что уроки полемики с марксизмом не прошли да-

⁵⁰ «Русское богатство», 1899, № 9, отд. 1, стр. 245.

⁵¹ Там же.

ром для теоретиков народничества. В результате критики со стороны марксистов, в частности Г. В. Плеханова, народники сами заговорили о необходимости «монистического взгляда на историю». С первых же страниц Чернов спешил осудить «эклектизм», отмечал монистический характер марксистского мировоззрения и признавал «вполне законным усиление экономического направления в истории»⁵². Однако после этого дипломатического вступления следовали обвинения марксизма в односторонности и объективизме. Осуждая как «односторонность», так и «эклектизм» в методологии общественной науки, русский социолог стремился сконструировать нечто третье. Из этих попыток, разумеется, ничего не вышло. «Исторический монизм,— писал Чернов, одновременно упрощая и огрубляя марксистскую точку зрения,— заключается вовсе не в том, чтобы непременно сводить все явления социальной жизни на изменения одного из ее элементов. Есть еще вид монизма, который состоит в понимании искусственности и условности деления социальных явлений на экономические, юридические, идеологические и т. п.»⁵³.

Народнический социолог возвращался здесь к теории взаимодействия факторов (в свое время убедительно опровергнутой Г. В. Плехановым), впадал в явный эклектизм. Даже сама манера рассуждений Чернова служила ярким тому подтверждением. Так, чтобы опровергнуть марксизм, он прибегал... к Гегелю, диалектику которого народники всегда столь усердно третировали. Тезис Маркса о примате экономики в социальной жизни, по словам Чернова, согласно гегелевской логике следовало бы снабдить «ограничивающим и дополняющим его антитезисом»: не только сознание обусловлено «экономическим бытием», но и последнее в свою очередь зависит от человеческой «умственной организации». «Материалистическое понимание истории,— подводил итог народник,— поэтому не следует противопоставлять идеалистическому. Оба эти элемента слиты...»⁵⁴

Сторонниками такого эклектического «монизма» Чернов называл Лаврова и Михайловского. Прочитывая слова Михайловского из статьи «Что такое прогресс?»

⁵² «Русское богатство», 1899, № 1, отд. 1, стр. 60.

⁵³ Там же, стр. 62.

⁵⁴ Там же, стр. 67.

(«мы ищем не истории войны, торговли, экономических отношений и т. п., а законов, управляющих единовременным движением этих элементов»; под «законами» основатель субъективной социологии подразумевал, как известно, нравственные стремления личности), Чернов утверждал, что к подобным воззрениям приходят все «передовые западные мыслители» (т. е. в большинстве своем критики марксизма). Ссылаясь на труды Зиммеля, Штаммлера, Жореса, он заключал отсюда о правоте субъективной социологии народничества.

Этим проблемам Чернов посвятил ряд статей под общим названием «Субъективный метод в социологии и его философские предпосылки», что было, пожалуй, одной из немногих попыток идеологов народничества (как правило, мало интересовавшихся философскими проблемами) подвести теоретико-философский фундамент под свои социологические идеи. Верный эклектическому духу своей методологии, Чернов призывал строить этот фундамент, избегая «крайностей» материализма и идеализма. Положение Михайловского «свойства предметов зависят не только от их природы, но и от природы тех органов, на которые они воздействуют» он считал образцом решения основного гносеологического вопроса.

Авторитет учителя ревностный ученик стремился подкрепить пространным экскурсом в историю западной философии. Еще Кант, а затем позитивисты, по его словам, показали, что при оценке возможностей человеческого разума познать объективный мир «не нужно... давать словам себя обманывать»⁵⁵. Именно кантианско-позитивистский «критический» анализ опроверг точку зрения «наивного реализма» (т. е. материализма) и «догматического идеализма». Обильно цитируя неокантианцев (Ф. Ланге, А. Рилья и др.) и теоретиков «эмпириокритицизма», Чернов выставлял как неоспоримо доказанное утверждение, что «отдельное восприятие проверяется другим восприятием и ничем иным»⁵⁶. Это был типичный агностицистский момент, характерный для позитивистов, неокантианцев, а также представителей «эмпириокритицизма». По этой линии и вел Чернов родословную своих субъективистских воззрений, с той особенностью, что он

⁵⁵ «Русское богатство», 1901, № 8, отд. 1, стр. 236.

⁵⁶ «Русское богатство», 1901, № 7, отд. 1, стр. 235.

ставил во главе Лаврова и Михайловского, якобы предвосхитивших последующее развитие «критической философии».

Чернов прямо связывал философские и социологические идеи Михайловского с «эмпириокритицизмом». Так, он ставил в заслугу основателю русской субъективной социологии принцип «экономии сил», развитый позднее Э. Махом. Он хвалил Михайловского за то, что тот стремится сочетать свойственный позитивизму эмпиризм с критической философией как его надежнейшей опорой и фундаментом»⁵⁷. В подчеркивании приоритета русских субъективных социологов была, конечно, явная натяжка, но в общем Чернов не ошибался: субъективно-идеалистические идеи были родственны Михайловскому так же, как неокантианцам и «эмпириокритицизму».

Последнему Чернов приписывал большой философский авторитет. Направление Маха и Авенариуса он называл школой, «особенно ярко отражающей... течение нашего времени, течение, которому, на наш взгляд, принадлежит несомненно будущее»⁵⁸.

Здесь сказалась традиционная зависимость народного мировоззрения в области философии от буржуазной идеологии, модных «критических» теорий позитивизма и неокантианства. Определяя философско-социологические взгляды Михайловского как буржуазно-демократические, В. И. Ленин отмечал, что «Михайловский плелся именно за такими позитивистами. И до сих пор среди учеников Михайловского, даже самых «левых» народников (вроде г. Чернова), царят эти реакционные философские взгляды»⁵⁹. Путаные понятия Чернова В. И. Ленин резко критиковал впоследствии в книге «Материализм и эмпириокритицизм».

Характерно, что в своих теоретических изысканиях Чернов опирался на труды западных философов, из которых пополнял идейный багаж и европейский ревизионизм. Как показал В. И. Ленин, «эмпириокритицизм» получил широкое распространение именно в качестве философского оружия против марксистского мировоззрения. Точно так же обстояло дело с неокантианством, возникшим в свое время во многом как реакция

⁵⁷ «Русское богатство», 1901, № 7, отд. 1, стр. 249.

⁵⁸ «Русское богатство», 1901, № 10, отд. 1, стр. 107.

⁵⁹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 24, стр. 335.

буржуазной мысли на марксизм. Теоретики неокантианства (Ланге, Виндельбанд, Риккерт, Коген, Наторп и др.) сходились на субъективно-идеалистическом «исправлении» Канта, на идее так называемого этического социализма, к которому надо идти эволюционным, «нравственным» путем. Подобные мысли были подхвачены лидерами западного ревизионизма Бернштейном и Шмидтом, а также Струве и Булгаковым в России. Из этого философского источника черпали свои идеи и неонародники 900-х годов. Вслед за неокантианцами Чернов на десяти страницах убористого журнального текста уничтожал кантовскую «вещь в себе», нападал на материализм. При этом он безосновательно смешивал диалектический материализм с механистическим, приписывал материализму совершенно невероятные утверждения вроде того, что «атом есть вещь в себе». В. И. Ленин называл такие выпады Чернова «претенциозным вздором».

От гносеологии народнический теоретик переходил к социологии. Если всякое восприятие объекта носит субъективный характер, то и отношение человека к окружающему его социальному бытию неизбежно «окрашено» его субъективным идеалом, писал он. Идеал же определяется нравственным уровнем человека, его способностью понимать других людей, их нужды, заботы и т. д. Чернов разделял все основные социологические идеи Михайловского о «единстве субъекта и объекта», о «сопереживании социолога с окружающими людьми» и т. д. В полном согласии с известным тезисом Михайловского «социология должна начать с некоторой утопии» идеолог эсеров заявлял, что в основе общественной науки должна лежать «целая социальная телеология». Конечно, было бы неверно приписывать Чернову (как и Михайловскому) полное отрицание объективных законов действительности. Но, признавая необходимость опираться на объективные факты и закономерности бытия, народник призывал «дополнять их своеобразными комбинациями, конструкциями из материалов внутреннего субъективно-психологического мира»⁶⁰. Отсюда и эклектический характер взглядов, который был присущ Чернову, равно как и его учителю. «Если... все наше познание субъективно, идет от субъекта,— писал автор статьи «Субъектив-

⁶⁰ «Русское богатство», 1901, № 12, отд. 1, стр. 123.

ный метод в социологии и его философские предпосылки», — то ведь в то же время с не меньшим правом можно сказать, что все оно — объективно, идет от объекта»⁶¹.

Новшество Чернова, как мы уже говорили, состояло в том, что принципы Михайловского он стремился подкрепить «новейшей» аргументацией Э. Маха, Р. Авенариуса, Г. Зиммеля и др. Консолидацию народнической социологии к началу XX в. он связывал именно с системой теоретических взглядов ревизионизма, отрицавшего познаваемость действительности, ее объективные законы, теорию пролетарской революции. Модернизация философско-социологических взглядов народничества в конце 90-х — начале 900-х годов была осуществлена в союзе с буржуазными критиками марксизма.

Ревизионистские тенденции неонародничества проявились и в заимствованном у Бернштейна (а также у Даниельсона, Михайловского и др.) способе аргументации — атаковать марксизм, ссылаясь на Маркса, апеллировать от Маркса якобы искаженного к Марксу верно понимаемому. Чернов, например, отделял основоположника научного социализма от его «учеников» и даже от Энгельса. Напротив, автора «Капитала» эсеровский теоретик пытался приобщить к своим воззрениям. Так, цитируя второй тезис Маркса о Фейербахе («в практике должен доказать человек истинность, т. е. действительность, посюсторонность своего мышления»), Чернов делал вывод: «Здесь мы встречаемся с тем же энергическим ограничением области мышления миром, лежащим «по сю сторону» человечески-чувственного, опытного представления мира, с тем же энергическим отметанием всяких... сверхчувственностей, трансцендентностей, которые мы видели и у русских теоретиков «субъективного метода»⁶². Подобными приемами обосновывалась «близость» Михайловского и Маркса! На место диалектико-материалистического понятия «практика» подставлялось берклеанско-махистское понятие «человечески-чувственного, опытного представления», на место последовательного марксистского материализма — философия «чистого опыта» Авенариуса. Между тем Маркс и Энгельс неоднократно разъясняли, что практика — это материальная деятель-

⁶¹ «Русское богатство», 1901, № 11, отд. 1, стр. 118.

⁶² «Русское богатство», 1901, № 8, отд. 1, стр. 222.

ность людей, т. е. такая область, где «чувственное» и «рациональное» (идеальное) получают проверку жизнью. Поэтому практика и является критерием истины.

Точно так же, приводя знаменитые слова Маркса о необходимости не только объяснять, но и изменять мир, Чернов делал акцент лишь на последнем. Естественно, что в такой «обработке» Маркс представал проповедником волюнтаристских воззрений, по всему своему духу совершенно подходящих «к тому философскому мирозерцанию, которое ставит себе целью интегральное слитие теоретического и практического момента, объединение правды — истины и правды — справедливости (т. е. к взглядам Михайловского.— В. Х.)»⁶³. Эсеровский социолог фарисейски сожалел, что Маркс не дал цельной разработки своего философского мирозерцания, занявшись преимущественно экономикой, и потому провозглашал «социально-психологические исследования Михайловского о счастье и гармоническом развитии личности самым прямым дополнением исследований Маркса»⁶⁴.

Таково было «отражение» марксизма народническим социологом. Разрывая два органически связанных компонента марксизма — его объективное начало и революционно-критическое отношение к действительности, народнические мыслители стремились переосмыслить учение Маркса в родственном им субъективистском духе. Подобное толкование Маркса Чернов противопоставлял объективизму Бердяева и Струве (чему была посвящена значительная часть статьи «Субъективный метод в социологии и его философские предпосылки»), считая себя более «партийным», борющимся за «изменение мира» для блага народа. В свое время, критикуя Струве, В. И. Ленин писал, что материалист «последовательнее объективиста и глубже, полнее проводит свой объективизм»⁶⁵. Аналогичным образом подлинный марксизм глубже, последовательней проводит и партийность, революционно-критическое отношение к действительности, ибо он не ограничивается констатацией «социальной несправедливости», а указывает, какой класс способен устранить ее. Народники же, опиравшиеся на таких идеологов, как

⁶³ «Русское богатство», 1901, № 8, отд. 1, стр. 249.

⁶⁴ «Русское богатство», 1901, № 12, отд. 1, стр. 132.

⁶⁵ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 418.

Чернов, оказывались в своей революционной деятельности теоретически обезоруженными, питая себя иллюзиями о благе «всего народа», в действительности классово неоднородного.

Субъективная социология неонародничества, возродившаяся в период огромного распространения марксистских идей, не могла не испытывать на себе их влияния. Будучи эклектическим смешением позитивистских, старонароднических и ревизионистских воззрений, социология В. Чернова, Л. Шишко, Х. Раппопорта и других делала в то же время определенные уступки марксизму, признавая связь идеологии с общественными движениями, с экономическими интересами. Не случайно В. Чернов ставил перед новейшим народничеством задачу «отделения от незаконного субъективизма — субъективизма неизбежного и законного», призывал учитывать «материальные потребности» масс. Работы Маркса «18 брюмера Луи Бонапарта», «Гражданская война во Франции» он считал образцом исторического исследования, поскольку там принималась во внимание вся совокупность факторов в социальных коллизиях.

В своих статьях Чернов в скрытой подцензурной форме подводил итоги историческому опыту революционных народников, своих предшественников. Они потерпели поражение, потому что их деятельность была «гласом вопиющего в пустыне». Но «сама по себе неудача, постигшая ту или другую общественную группу в ее деятельности, — писал Чернов, — не свидетельствует еще непременно о неправильном понимании людьми их потребностей, а быть может, лишь о фатальной недостаточности сил и средств для достижения правильно поставленной цели...»⁶⁶ Причину поражения прежнего народничества эсеровский теоретик видел в «фатальной» (т. е. объективной) неподготовленности широких масс, не поддержавших движение семидесятников, — и, следовательно, в какой-то степени ориентировал современных ему народников на установление связи с массами. В конце своего цикла статей В. Чернов, цитируя стихи П. Якубовича, призывал поднять «хоругвь мятежа» в защиту угнетенных и обездоленных.

Все это в сочетании с критикой «филистерской» философии Н. Бердяева и П. Струве привлекало к неонарод-

⁶⁶ «Русское богатство», 1901, № 12, отд. 1, стр. 142.

ничеству определенные радикальные круги, склонные даже видеть в звонких субъективистских декларациях идеологическую победу над марксизмом. На самом же деле как раз в идеологии, в теоретической области народнические позиции были весьма шаткими, ибо следствием социологических принципов народничества было по-прежнему преувеличение роли интеллигенции в общественной борьбе, апелляция к «общенародному» движению и т. д. Теоретические привески неокантианства и ревизионизма делали народнические взгляды еще более пестрыми.

Особенное внимание народников привлекала ревизия марксизма в аграрном вопросе. Последний расценивался оппортунистами как один из основных аргументов против «ортодоксии». Ратнер, критикуя книгу К. Каутского «Аграрный вопрос», писал, что тот «решил пожертвовать фактами ради догмы»⁶⁷. Ратнер высоко оценивал труды западноевропейских экономистов ревизионистского толка Ф. Герца, П. Эрнста, Э. Давида, М. Шиппеля. Он выделял в них основную идею о своеобразии аграрного капитализма по сравнению с промышленным и об устойчивости мелкого хозяйства. Здесь народник видел преимущество представителей «критической мысли» над сторонниками Маркса и русскими «учениками», причем он противопоставлял им Маркса, который «понимал специфическую природу аграрных отношений»⁶⁸.

М. Б. Ратнер ссылался на работы ревизионистов, где говорилось о крестьянских кооперациях и товариществах как формах организации мелких производителей в борьбе с капиталом. «В настоящее время...,— писал он,— вопрос о товариществах поднят с особой силой и вступил в новую фазу развития»⁶⁹. Особенно важным он считал его по отношению к России, где капитализм еще не укрепился в деревне и общинный тип хозяйства может быть использован для социального переустройства общества. «Союзы, артели, товарищества,— говорил он в другой статье,— вот та экономическая организация, которой суждено собрать разрозненные силы крестьянства»⁷⁰.

Тематика, связанная с ревизионизмом, занимала большое место в публицистике журнала в конце 90-х годов.

⁶⁷ «Русское богатство», 1899, № 9, отд. 2, стр. 236.

⁶⁸ «Русское богатство», 1899, № 8, отд. 2, стр. 165.

⁶⁹ «Русское богатство», 1899, № 9, отд. 2, стр. 246.

⁷⁰ «Русское богатство», 1899, № 3, отд. 2, стр. 49.

Об этом говорят названия статей: «Кооперативное производство на Западе», «Споры о теории обнищания», «К вопросу о «положительных» и «отрицательных» чертах нашего капитализма» и др. В них получила новое оформление прежняя мелкобуржуазная иллюзия о «врастании» крестьянского хозяйства в социализм... при сохранении принципа частной собственности и товарных отношений.

Эта теория была детально развита В. Черновым в серии статей под общим названием «Типы капиталистической и аграрной эволюции». Значительная часть ее была посвящена анализу трудов западных ревизионистов. «Теперь уже нет более возможности безапелляционно утверждать, — заявлял народник, — что наше критическое отношение к некоторым сторонам марксизма зависит просто от нашей отсталости и реакционного утопизма»⁷¹. Взгляды Бернштейна и Герца Чернов сближал с традиционными положениями народнической теории, «которая не может и никогда не могла помириться с «упрощенным» решением вопроса о судьбах капитализма в России»⁷². Последователи марксизма, говорил он, не учитывают своеобразных форм капиталистического уклада в разных странах. Если Маркс дал общую концепцию буржуазного способа производства, то теперь необходимо рассмотреть типы «национального капитализма».

В отличие от прежнего народничества В. Чернов признавал прогрессивность капитализма. Но капитализм, по его мнению, обладал «положительными» и «отрицательными» сторонами⁷³. К первым он относил обобществление производства, развитие техники и социальной культуры, ко вторым — кризисы, эксплуатацию и пр., не видя, что эти «черты» тесно связаны между собой. Он считал, что «крестьянская и капиталистическая собственность — два совершенно различных социологических типа», существующих независимо друг от друга. «Положительные» и

---

⁷¹ «Русское богатство», 1900, № 4, отд. 1, стр. 131.

⁷² Там же, стр. 134.

⁷³ Отметим, что привнесение этических оценок в политическую экономию Чернов также обосновывал ссылками на Маркса. По его словам, автор «Капитала» «дает сравнительную оценку разных хозяйственных формаций... с точки зрения преобладания положительных и отрицательных сторон» («Русское богатство», 1901, № 12, отд. 1, стр. 130).

«отрицательные» черты капитализма, по Чернову, по-разному проявляются в различных странах. В России, аграрной стране, противоречия капитализма (и его «отрицательные» стороны) острее, чем на Западе. Но поскольку счастливой особенностью России является повсеместное распространение «крестьянской собственности», для нее возможен и необходим некапиталистический путь.

Итак, реставрировалась теория «самобытности» России. Устарела точка зрения тех, восклицал В. Чернов, «кто в уничтожении русской общины, в пролетаризации крестьянства видит устранение тормозов развития, ведущего в Элизиум через чистилище «капиталистической выучки»⁷⁴. Одновременно неонародник пытался отгородиться как от русских марксистов, так и от традиций В. П. Воронцова и др. Своими учителями он, наряду с Лавровым и Михайловским, объявлял Маркса и Энгельса, ссылаясь на «Капитал», на произведения Энгельса. Например, он приводил слова Энгельса о том, что организация общественного земледелия возможна путем возрождения марки, но не в старой, а в омоложенной форме. Эти указания основателей научного социализма, по Чернову, послужат «опорным пунктом творческой работы будущего». Но теоретик народничества не понимал, что организация крестьянских коммун и товариществ возможна только при руководстве крестьянством со стороны рабочего класса, при диктатуре пролетариата.

Ревизионистские идеи явились новым этапом «отражения» марксизма в народнической идеологии. Как мы видели, народничество испытывало на себе влияние марксизма еще с 70-х годов. В целом относясь негативно к марксизму, оно тем не менее пыталось утилизировать отдельные его положения для подтверждения своих воззрений. Тенденция эта особенно стала заметной к концу 90-х годов, когда марксизм превратился в огромную политическую и идеологическую силу. Народничество отдало «дань» марксизму через ревизионизм. «...Наши социал-народники,— писал В. И. Ленин,— все больше и больше заменяют «поправками» к Марксу отмирающие, отпадающие остатки старой, по-своему цельной и враждебной в корне марксизму системы»⁷⁵. В 900-х го-

⁷⁴ «Русское богатство», 1900, № 10, отд. 1, стр. 251.

⁷⁵ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 17, стр. 19.

дах представители неонароднического «аграрного социализма» боролись с научным социализмом именно при помощи ревизионистских аргументов.

Вместе с тем народническую идеологию нельзя полностью отождествлять с ревизионизмом. Мелкобуржуазные воззрения русского народничества имели свои отличия от системы взглядов Д. Гатти, Э. Давида, Г. Фольмара и других, которые практически выражали либерально-буржуазную точку зрения, являлись поборниками увековечения отношений частной собственности. Социальная ситуация в России к началу XX в. (перед буржуазно-демократической революцией) толкала народников на более радикальное решение.

Неонародничество

К концу 90-х годов в России наметился значительный подъем крестьянского движения. Характерной чертой крестьянских выступлений была их зарождающаяся связь с рабочим движением⁷⁶. Акты протеста в деревне явились предвестником восстаний в 1902 г. и революции 1905—1907 гг.

Рост крестьянского движения не мог не сказаться на народнической интеллигенции, на упрочении и стабилизации мелкобуржуазной идеологии. Утопия народников, указывал В. И. Ленин, «является спутником, симптомом, отчасти даже выразителем... демократического подъема»⁷⁷.

В 1901 г. Н. К. Михайловский провозглашал на страницах «Русского богатства»: «Беру на себя смелость сделать... предсказание: в непродолжительном времени... идеи 70-х годов вновь объединят значительную и, конечно, не худшую часть русского общества — разумеется, не в буквальном повторении, а со всеми теми поправками, которых требует пережитый с тех пор опыт»⁷⁸. Говоря так, Михайловский имел в виду партию социалистов-революционеров, организация которой относится к началу 900-х годов.

⁷⁵ См. «Крестьянское движение в России в 1890—1900 гг. Сб. документов». М., 1959, стр. 44, 235.

⁷⁷ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 22, стр. 119.

⁷⁸ Н. К. Михайловский. Последние сочинения, т. I. СПб., 1905, стр. 442.

В 1901 г. произошло объединение русских эсеровских организаций с заграничной «Аграрно-социалистической лигой» во главе с М. Р. Гоцем и В. М. Черновым. Стали выходить центральные издания партии «Революционная Россия» и «Вестник русской революции».

Определенную роль в формировании социалистов-революционеров сыграло «Русское богатство». В народническом органе печатались статьи виднейших идеологов эсеров В. М. Чернова, Н. С. Русанова, редактировавшего с 900-х годов «Вестник русской революции», публицистов-аграрников С. С. Зака, М. Б. Ратнера, эсеровских теоретиков Л. Э. Шишко, Х. Г. Житловского, Х. Л. Раппопорта. Неоднократно выступал на сельские темы в журнале организатор нелегальных кружков в Поволжье А. В. Панов. Н. К. Михайловский, не порывавший в 90-х годах связи с революционным подпольем, стремился привлечь к своему изданию представителей радикальной народнической оппозиции. При его активном содействии ведущим сотрудником журнала стал П. Ф. Якубович, бывший в 90-х годах в ссылке. Через П. Ф. Якубовича Н. К. Михайловский связался с М. Р. Гоцем⁷⁹.

Близок был к эсерам и сам Михайловский. Характерен прогноз, сделанный им в письме к Н. С. Русанову в самом начале 900-х годов: «Исход я себе представляю в неопределенном, но не очень далеком будущем двоякий. Или наверху одолеет... либеральное течение... или мы вернемся к террору с неопределенностью его последствий...»⁸⁰. Это было написано до выстрела П. Карповича в министра Боголепова и до начала террористической деятельности эсеров. Статьи классика народничества и его имя были как бы знаменем для эсеров. Они считали Михайловского своим «идеологом... в легальной печати»⁸¹. Другие ведущие литераторы «Русского богатства» в начале 900-х годов также сотрудничали с социалистами-революционерами. А. В. Пешехонов и В. А. Мякотин редактировали первый номер «Революционной России». Вместе с П. Ф. Якубовичем и Н. Ф. Анненским они приняли участие в первом съезде эсеров.

⁷⁹ См.: П. Якубович. Письма Н. К. Михайловского. — «Русское богатство», 1910, № 1, отд. 1, стр. 240.

⁸⁰ «Былое», 1907, июль, стр. 137.

⁸¹ А. И. Спиридович. Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. Пг., 1918, стр. 81.

На страницах «Русского богатства», а также нелегальной народнической печати закладывались идеологические основы неонародничества — теоретической базы мелкобуржуазной демократии в первой буржуазно-демократической революции в России.

Подвергалось переоценке наследие В. П. Воронцова и Н. Ф. Даниельсона. «Не следует думать,— писал М. Б. Ратнер,— будто внешние рынки вовсе закрыты для «молодых стран», где капитализм должен оказаться мертворожденным детищем»⁸². К началу 900-х годов ошибочность теории о бесперспективности внешнего и внутреннего рынков в России, «крахе» капитализма, благодетельных свойствах общины была очевидной даже для ее былых приверженцев. Однако публицисты «Русского богатства» заявляли о преемственности по отношению к своим предшественникам. Они подчеркивали, что за старым народничеством остается заслуга обоснования идей «об особенной природе сельского хозяйства, о значении всяких местных особенностей».

Другим «источником» своих воззрений эсеровские теоретики считали марксизм. «Ни одна будущая система социализма не сумеет обойти работу Маркса; всякая должна будет брать исходной точкой его положения»⁸³,— заявлял М. Р. Гоц. Марксизм позднее народничество восприняло через ревизионизм. Ведя на протяжении ряда лет борьбу с марксизмом, народничество не могло не ухватиться за бернштейнские «поправки» к марксизму. На международной арене (социалисты-революционеры входили во II Интернационал) русские мелкобуржуазные деятели по многим вопросам смыкались с оппортунизмом. Не случайно лидер эсеровской партии В. Чернов называл неонароднические взгляды «ревизионизмом слева»⁸⁴.

В статье «Крестьянский вопрос» А. В. Пешехонов формулировал разногласия с марксистами следующим образом. Прежнее народничество, по его мнению, металось между критикой крепостничества и капитализма. Общественная мысль не могла примириться с такой «без или многопринципностью». Этим обстоятельством

⁸² «Русское богатство», 1898, № 7, отд. 2, стр. 17.

⁸³ А. Левицкий [М. Р. Гоц]. Беглые заметки.— «Вестник русской революции», 1903, № 3, стр. 243.

⁸⁴ В. Чернов. Конструктивный социализм, т. I. Прага, 1925, стр. 11.

Пешехонов объяснял успех марксизма, который, по его словам, посчитал вопрос о капитализме уже решенным и, положив в основу классовые противоречия, сосредоточил свое внимание только на рабочем классе. Но, возражал Пешехонов, «острые грани крепостного строя, выступающие из-под классовых противоречий, слишком больно дают о себе знать»⁸⁵. Поэтому не рабочий вопрос, а крестьянский является центральным.

Примерно в таком же духе высказывались и другие публицисты «Русского богатства». «...Если «народников» можно упрекнуть в преувеличении трудностей капиталистической эволюции в России,— писал Н. С. Русанов,— то к марксистам может быть зато обращен противоположный упрек в преувеличении легкости этого процесса»⁸⁶. Это было, конечно, упрощением и искажением взглядов марксистов, что всегда характеризовало народников в их дискуссиях с «экономическими материалистами». Мелкобуржуазные идеологи проходили мимо работ В. И. Ленина, в которых проблемы, связанные с положением крестьянства и аграрным вопросом, получали всестороннее освещение.

Положительным в теориях и программах неонародничества было то, что они концентрировали внимание на необходимости решительной ликвидации пережитков крепостничества, критиковали аполитизм и культурничество своих предшественников В. П. Воронцова, С. Н. Кривенко и других,— «поссибилизм» 90-х годов, как выражался А. В. Пешехонов. В приводимой статье Пешехонов, ссылаясь на революционные традиции, идущие от Радищева, давал понять, в каком направлении надо решать аграрный вопрос. Это было шагом вперед по сравнению с оппортунистическими утопиями «друзей народа».

Отсталость России, неразвитость капитализма в сельском хозяйстве представлялись народникам, кроме того, и фактором, благоприятным для социалистического переустройства общества. Аграрный путь к социализму они считали «неизбежным и необходимым для всякой страны с сохранившимся в ней мелким крестьянским землевладением»⁸⁷. Они даже говорили, что слаборазвитые страны более приспособлены «к общеплановой

⁸⁵ «Русское богатство», 1901, № 2, отд. 2, стр. 180.

⁸⁶ «Русское богатство», 1900, № 12, отд. 2, стр. 144.

⁸⁷ Л. Шишко. По программным вопросам. М., 1906, стр. 44.

организации национального производства». Отсюда их интерес к ревизионистским теориям об особом пути мелкого хозяйства, о различных формах крестьянских ассоциаций и коопераций — теориям, на базе которых народники вновь актуализировали традиционную проблему общины.

В статье «Несколько мыслей по аграрному вопросу» М. Б. Ратнер ополчался против отрицания значения общины буржуазным экономистом А. Скворцовым. Доводы его сводились к тому, что община, так же как артели, товарищества и кооперации, может послужить основой для некапиталистического развития деревни. Поэтому при наделении крестьян землей целесообразно не закреплять ее за хозяйствами в единоличном порядке, а поощрять коллективные формы труда. Возражая тем, кто стоит на точке зрения «крестьянского индивидуализма», «полной индивидуальной собственности на земле» (в данном случае А. Скворцову и «легальному марксисту» С. Булгакову), Ратнер высказывался за иной путь решения аграрного вопроса. Логика этого рассуждения приводила народника к защите национализации земли, которая, по его словам, «имеет всюду за собой глубокие исторические корни»⁸⁸.

Идея национализации земли выдвигалась в нелегальных народнических кружках и в 80-х — начале 90-х годов⁸⁹. В начале 900-х годов ее включили в свою программу эсеры. «Свободное народное правление, национализация земли, национализация всех крупных промышленных предприятий»⁹⁰ — так формулировали они свои требования. Они связывали проведение всех этих мероприятий в жизнь с низвержением самодержавной власти и созданием демократической республики.

Национализация земли являлась прогрессивным требованием. Она предполагала ликвидацию помещичьего землевладения, ломку всех средневековых «перегородок» владения и пользования землей. Однако народники связывали национализацию земли со своими социалисти-

⁸⁸ «Русское богатство», 1901, № 5, отд. 2, стр. 76.

⁸⁹ См.: «История русской экономической мысли», т. II, ч. 2. М., стр. 342, 352; см. также: С. Слетоз. К истории возникновения партии социалистов-революционеров. Пг., 1917, стр. 81.

⁹⁰ «По вопросам программы и тактики. Сборник статей из «Рев России». Типография партии с.-р., 1903, стр. 68.

ческими утопиями. Передачу земель в собственность государству они мыслили как изъятие их из торгового оборота, прсимушественное снабжение землей «трудовых товариществ» и пр. Это они называли социализацией земли. С социалистами-революционерами были согласны тогда и публицисты «Русского богатства», будущие организаторы партии «народные социалисты». «Наше рршение аграрного вопроса,— писал А. В. Пешехонов о периоде своего сотрудничества с эсерами,— (национализация или социализация) представляет... именно выход из рамок буржуазного строя»⁹¹.

Революционные марксисты неустанно разоблачали эту иллюзию народников. Аграрная программа большевиков, учитывавшая (в отличие от меньшевиков) революционно-демократические требования крестьянства, одновременно исходила из реального классового характера этих требований.

Глубоко проанализировав опыт 1905 — 1907 гг. (крестьянские выступления против помещиков, прения в I и II Государственных думах), В. И. Ленин в работах «Пересмотр аграрной программы рабочей партии» и «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905 — 1907 гг.» пришел к выводу, что национализация земли является наиболее верным (с теоретической и тактической стороны) лозунгом. Верным потому, что она наилучшим образом осуществляет первую часть генерального плана рабочего класса: вместе со всем крестьянством — против самодержавия и помещиков; кроме того, она способствует (проясняя экономическое неравенство среди крестьянства и тем самым поднимая политическое сознание пролетарских и полупролетарских слоев деревни) выполнению второй части: вместе со всем беднейшим крестьянством — против всей буржуазии, за социализм.

У народников же прогрессивное значение национализации затемнялось разного рода мелкобуржуазными утопическими проектами. Тем не менее в освободительной борьбе крестьянства народническая аграрная программа играла в общем положительную роль. «Диалектика истории такова,— писал В. И. Ленин,— что в каче-

---

⁹¹ А. Пешехонов. Почему мы тогда ушли.— «Русское богатство», 1917, № 11—12, стр. 349.

стве антикапиталистического средства народники... предлагают и проводят максимально-последовательную и решительную капиталистическую меру в области аграрного вопроса...»⁹². За социалистическими планами народников и их отрицанием буржуазной эволюции крестьянства скрывалось реальное противоположение «американского» пути развития капитализма — «прусскому», т. е. наиболее мучительному для крестьянских масс и неблагоприятному для дела победы пролетарского социализма.

В целом мелкобуржуазные идеи начала 90-х годов отразили тот процесс, который В. И. Ленин характеризовал как «некоторое оживление старчески дряхлого народничества»⁹³. В этот период демократическая народническая интеллигенция выступала более или менее сплоченно, под знаменем общей теории и программы.

Но это единство не могло долго сохраниться. Неустойчивость мелкобуржуазной идеологии, ее широкая амплитуда колебаний от крайне левых полуанархических и анархических взглядов до идей, близких либеральной буржуазии, дали себя знать в обстановке бурных социальных перипетий 900-х годов в России. Уже на первом съезде эсеровской партии в декабре 1905 г. в ней выявились существенные расхождения. А. В. Пешехонов, В. А. Мякотин, Н. Ф. Анненский ушли со съезда и образовали «Трудовую народно-социалистическую партию» (энесы) — правое крыло народнической мелкобуржуазной демократии. Из руководителей «Русского богатства» к эсерам перешел только П. Ф. Якубович. С 1906 г. этот журнал фактически становится органом энесов.

Вся дальнейшая история неонародничества подтвердила ленинскую характеристику, что мелкобуржуазные партии «постоянно колебались между подчинением гегемонии либералов и решительной борьбой против... крепостнического государства»⁹⁴. Неустойчивость мелкобуржуазной народнической интеллигенции особенно явно сказалась после Февральской революции.

Здесь нет возможности останавливаться на причинах

---

⁹² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 22, стр. 119.

⁹³ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 12, стр. 40.

⁹⁴ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 24, стр. 60.

политического краха народнических лидеров в этот период, но несколько слов сказать необходимо. В. И. Ленин разъяснял, что мелкобуржуазная интеллигенция «боялась довериться руководству революционного пролетариата, не понимая, что эта боязнь осуждает ее на доверие к буржуазии»⁹⁵. Или пролетариат, или буржуазия — такую альтернативу выдвинула жизнь после февраля 1917 г., когда война, разруха и грозное движение народных масс поставили в повестку дня переход от буржуазно-демократических мер к социалистическим. Своим соглашательским лозунгом «подождать до Учредительного собрания» народнические вожди (вместе с меньшевиками) играли на руку контрреволюционной буржуазии, шаг за шагом сдавали ей позиции. Так получилось, что идеологи народнических партий «изменили крестьянам»⁹⁶. Революционная логика «исключенного третьего» привела их в контрреволюционный лагерь, к борьбе с Советской властью, которая осуществляла на деле программу освобождения деревни Пешехоновых и Черновых тянули к буржуазии вся история их мелкобуржуазных колебаний, политическая и идейная зависимость от буржуазии, эклектизм и беспринципность. Только русский пролетариат, вооруженный ленинской революционной теорией, мог повести за собой в решающий момент радикально настроенные крестьянские массы как против помещиков, так и против крупной буржуазии.

Революционные марксисты всегда критиковали мелкобуржуазную идеологию неонародничества. В. В. Воровский, А. В. Луначарский, М. С. Ольминский и другие большевики показывали теоретическую расплывчатость и эклектизм народнических взглядов. Глубокую и всестороннюю критику мелкобуржуазных идей дал В. И. Ленин. Разоблачая теории «трудового хозяйства» и общности пролетариата и крестьянства, он подчеркивал, что *«все направление социалистов-революционеров и вся их партия есть не что иное, как покушение мелкобуржуазной интеллигенции эскамотировать наше рабочее движение...»*⁹⁷. Вождь русского пролетариата вел

---

⁹⁵ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 32, стр. 344.

⁹⁶ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 34, стр. 114.

⁹⁷ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 7, стр. 51.

неустанную борьбу с утопиями народнического социализма, отвлекавшими рабочий класс от его боевых задач.

Особенно резко критиковал В. И. Ленин партию энесов. По его словам, это были «идейные выразители реакционных сторон крестьянского хозяйчика»⁹⁸, оппортунисты хуже меньшевиков.

Вместе с тем В. И. Ленин, как никто другой, умел ценить и находить в шелухе народнических теорий здоровое ядро демократизма. При всех различиях между правым и левым крылом неонародничества Ленин определял их как фракции, «солидарные в целом ряде основных вопросов.., отражающие так или иначе интересы и точку зрения громадной массы русского народа»⁹⁹. Народнические партии (эсеров, энесов, а также «максималистов», близких к анархизму) Ленин объединял в общий тип «трудовиков». И, несмотря на критику их мелкобуржуазной неустойчивости, псевдосоциалистических планов, он писал о «громадном политическом значении партий типа трудовиков»¹⁰⁰. В. И. Ленин показывал, что водораздел в решении аграрного вопроса проходил не между кадетами и правительственными партиями, а между кадетами и «трудовиками».

Аграрный вопрос занимал центральное место в буржуазно-демократической революции. В такой стране, как Россия, исход буржуазной революции зависел во многом от политического поведения мелких производителей. «Решающая роль за деревней,— указывал В. И. Ленин,— не в смысле руководства борьбой (об этом не может быть и речи), а в смысле обеспечения победы»¹⁰¹. Поэтому народнические теории, явившиеся идейным облачением крестьянской борьбы за землю¹⁰², а также деятельность народнических партий против самодержавия и крепостничества сыграли прогрессивную роль в период 1905—1917 гг. О том, что народнические программы отражали интересы крестьянства, свидетельствует хотя бы тот факт, что большевики

---

⁹⁸ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 13, стр. 405.

⁹⁹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 15, стр. 209.

¹⁰⁰ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 14, стр. 24.

¹⁰¹ Там же, стр. 151.

¹⁰² См. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 16, стр. 212.

приняли земельный проект, составленный левыми эсерами, хотя и указывали на утопические его стороны, связанные с «социализацией» производства¹⁰³.

Народничество XIX и XX вв.

В нашей литературе существовала (и отчасти существует по сегодняшний день) некоторая неясность в вопросе о соотношении народничества XIX и XX вв. Исследований о эсерах и других народниках 900-х годов выходило крайне мало, и в них, как правило, преобладал момент

¹⁰³ Это может показаться противоречием — после завоевания власти пролетариатом принимать программу, которую большевики неоднократно и сурово критиковали. Но это только на первый взгляд и на взгляд тех, кто склонен упрощать отношение В. И. Ленина и революционных марксистов к народничеству, кто не понимает, как могло сочетаться в работах В. И. Ленина неустанное подчеркивание важности «крестьянского демократизма» с анализом противоречивой сущности крестьянства, с беспощадной критикой народнических мелкобуржуазных проектов. «Вся суть марксизма, — говорил В. И. Ленин, — в этой двойной задаче, которую упрощать или сплющивать в единую и простую задачу могут только не понимающие марксизма люди» (В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 11, стр. 221).

Да, аграрный проект 1917 г. содержал в себе утопические черты. В. И. Ленин прямо на это указывал. Но есть утопии и утопии. «Либеральная утопия, — указывал В. И. Ленин, — отучает крестьянские массы бороться. Народническая выражает их стремления бороться, обещая им за победу миллион благ, тогда как на самом деле эта победа даст лишь сто благ. Но разве не естественно, что идущие на борьбу миллионы, веками жившие в неслыханной темноте, нужде, нищете, грязи, оброшенности, забитости, преувеличивают вдесятеро плоды возможной победы?» (В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, г. 22, стр. 120—121).

Поэтому принятие большевиками земельного проекта 1917 г. было не «тактическим ходом», а продолжением глубоко принципиальной (и весьма непростой, неоднозначной) линии по отношению к крестьянству и его идеологам. Многомиллионные массы бедняцкой и середняцкой деревни с их уравнительными трудовыми лозунгами — вот откуда возникло «естественное» стремление «мужика» выйти за рамки всякой эксплуатации — стремление, так или иначе выраженное в народнической доктрине. В. И. Ленин предвидел, что мелкобуржуазный характер деревни неизбежно скажется, никакая «социализация» не остановит ее расслоения. Бедняцко-середняцкое крестьянство поймет тогда, что за «миллион благ» нужно бороться. И победа будет здесь обеспечена благодаря пролетариату, который только и может показать крестьянину, «как это делается»: Вот почему пролетарская власть поддерживала «естественные» стремления крестьянства в 1917 г.

отграничения, отделения народничества XX в. от его предшественников. Во многом это было связано с отрицательной оценкой политического поведения народнических лидеров в 1917—1918 гг. Политическое падение эсеров в этот период, несомненно, показательно, оно имело свои глубокие исторические причины. Вместе с тем измена делу революции со стороны народнических вождей (именно так характеризовал их политическую деятельность в данный период В. И. Ленин) не может, думается, служить единственным критерием для общей характеристики народнического движения всего периода 900-х годов. При оценке народнической идеологии необходимо учитывать ее соотнесенность с широким социальным слоем мелкобуржуазно-крестьянской демократии, которая в 1917 г. активно боролась против помещиков и пошла за рабочими, за большевиками. Кроме того, многие рядовые члены народнических партий не последовали примеру своих лидеров и честно работали при Советской власти.

В некоторых исследованиях народничество 900-х годов связывалось не с историей народничества в целом, а лишь с либеральными народниками 80—90-х годов. Так, М. Г. Шестаков писал: «Либерально-народническую политику продолжали эсеры и народные социалисты, выражавшие интересы «нового» кулачества, особенно окрепшего после столыпинского закона «о выделении крестьян из общины на хутора»¹⁰⁴. Но это утверждение противоречит как историческим фактам (обе партии выступали против столыпинской реформы), так и ленинским характеристикам народничества 900-х годов. Достаточно указать на статьи В. И. Ленина «Сравнение столыпинской и народнической аграрной программы» и «Последний клапан», где указывается, что программа Столыпина «не может устранить ни кабалы и отработков массы крестьян, ни их голодовок», а «народническая может», и потому последняя представляет «громадный выигрыш для всего народного хозяйства, для капитализма, для пролетариата»¹⁰⁵.

В последнее время в литературе наметилась верная,

¹⁰⁴ М. Г. Шестаков. Борьба В. И. Ленина против идеалистической социологии либерального народничества. М., 1959, стр. 29.

¹⁰⁵ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 22, стр. 16, 19; т. 21, стр. 384.

на наш взгляд, тенденция переоценки прежнего отношения к неопародничеству, тенденция соединения в одну линию народничества XIX и XX вв.—соединения, несколько не устранивающего качественного своеобразия различных этапов народнического движения. Эта тенденция характерна для работ Г. Чунихиной¹⁰⁶, И. Семина¹⁰⁷, М. В. Камушкиной и П. М. Куприянова. «Употребляя термин «народники» в отношении к эсерам, энесам, трудовикам,—справедливо пишут М. В. Камушкина и П. М. Куприянов,—следует исходить из ленинского понимания и трактовки содержания этих терминов в широком смысле слова — как представителей партий, движения и идеологии, отражавших интересы различных слоев русского крестьянства в буржуазно-демократической революции»¹⁰⁸.

В целом, констатируя спад народнического движения после 1881 г. и примерно до середины 90-х годов, правомерно, думается, говорить об относительном подъеме в конце 90-х — начале 900-х годов народнического движения. При этом надо иметь в виду, что, во-первых, демократизм неонародников имел несравненно более определенный, чем у семидесятников, мелкобуржуазный характер. Во-вторых, на пролетарском этапе освободительного движения идеология народничества бесповоротно уступила революционному марксизму первенствующую роль. Но поскольку оставалась объективная задача борьбы с пережитками крепостничества (а острота этой борьбы выросла в 900-х годах, так как в действие вступили крестьянские массы), народничество как идеология крестьянской демократии продолжало сохранять свое значение.

Надо также иметь в виду, что народнические партии в этот период уже не могли полностью брать на себя представительство интересов крестьянства в буржуазно-демократической революции, ибо партия большевиков во главе с В. И. Лениным, взявшая линию на союз пролетариата с крестьянством в революционной борьбе — союз,

¹⁰⁶ См.: Г. Чунихина. Критика В. И. Лениным социологических взглядов эсеров (1901—1909 гг.). Автореф. канд. дисс. Киев, 1961, стр. 5.

¹⁰⁷ См.: И. Семин. Критика В. И. Лениным аграрной программы эсеров. Иркутск, 1966, стр. 8.

¹⁰⁸ М. В. Камушкина, П. М. Куприянов. Критика экономических теорий идеологов мелкой буржуазии в период империализма. М., 1966, стр. 15.

возможный лишь при гегемонии пролетариата, — тем самым последовательнее и глубже, чем народники, выражала чаяния крестьянских масс. Речь могла идти лишь об участии народнических партий в деле политического руководства крестьянством. Тем не менее и в этом виде народническое движение имело немалое значение. Именно это и побуждало В. И. Ленина и большевиков поддерживать демократические устремления народничества в 900-х годах, именно это и обусловило «левоблокистскую» тактику большевиков — союз с народнически-трудовическим крылом в Думе при отстаивании максимально демократического решения аграрного вопроса.

Всякий новый этап исторического развития как бы открывает, проясняет смысл и значение связанных с ним предшествующих этапов. Такой своеобразной точкой над «и» было народничество 900-х годов по отношению к народничеству в целом. Эпоха буржуазно-демократической революции, по словам В. И. Ленина, дала возможность «проверить теории народников *движением* масс»¹⁰⁹. И она отчетливо выявила сильные и слабые стороны народнической идеологии. Последние были не случайными, они были свойственны народнической мысли на всех этапах эволюции — субъективизм в социологии, романтизм в экономическом учении, волюнтаризм в политике.

Социологический субъективизм покоится на философском идеализме. Гносеологическую возможность идеализма В. И. Ленин видел в самой природе человеческого познания — «*одностороннее, преувеличенное... развитие (раздувание, распухание) одной из черточек, сторон, граней познания в абсолют...*»¹¹⁰. Точно так же субъективизм в социологии абсолютизирует одну из сторон исторического процесса — сознательную человеческую деятельность, отрывает ее от объективной стороны, от обусловленности целей и поступков индивида закономерностями социального бытия. И, как множество разновидностей и школ идеализма, субъективизм в общественной науке принимает различные формы — применительно к условиям места и времени, к интересам различных классов и групп.

Тот факт, что социологический субъективизм оказал-

---

¹⁰⁹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 22, стр. 306.

¹¹⁰ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 29, стр. 322.

ся наиболее подходящим народничеству, наиболее соответствовал его мирозерцанию, объясняется определенными историческими и социальными предпосылками. Народничество сложилось в пореформенную эпоху как движение, выражавшее интересы широких крестьянских масс, но лишенное массовой поддержки со стороны крестьянства. Это обстоятельство и нашло отражение в народнической социологии. Дальнейшие события, связанные с изменениями в социально-экономической структуре России, показали, что корни социологического субъективизма лежат глубже — в представительстве интересов мелкого производителя, все более превращающегося (с ростом товарно-денежных отношений) в мелкого буржуа. Разумеется, связь субъективно-социологических теорий с запросами мелкой буржуазии нельзя представлять упрощенно (как связь любой идеологии со «своим» классом вообще). В. И. Ленин, разъясняя народническим оппонентам, в каком смысле можно говорить о мелкобуржуазном характере их взглядов, приводил известные слова Маркса из его работы «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта»: «... не следует думать, что все представители демократии — лавочки или поклонники лавочников. По своему образованию и индивидуальному положению они могут быть далеки от них, как небо от земли. Представителями мелкого буржуа делает их то обстоятельство, что их мысль не в состоянии преступить тех границ, которых не преступает жизнь мелких буржуа, и потому теоретически они приходят к тем же самым задачам и решениям, к которым мелкого буржуа приводит практически его материальный интерес и его общественное положение»¹¹¹. Особенность социального положения мелкого производителя состоит в том, что, подвергаясь экономическому давлению со стороны крупной буржуазии (а также помещичьих латифундий), он менее всего способен осознать действительные условия своего освобождения. «Срединная» позиция между пролетариатом и буржуа порождает путаницу в его взглядах и целях, приводит его к различным иллюзиям. Плюс к этому — тяжкий груз феодально-крепостнических пережитков в России, невыносимое материальное положение крестьянства, страдавшего от двойного гнета, его попыт-

---

¹¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 8, стр. 148.

ки «аграрных бунтов» и наивные надежды на «помощь» самодержавно-крепостнической власти и пр. Не удивительно, что мелкобуржуазная среда в России была питательной почвой для народнического социологического субъективизма.

Субъективизм в понимании общественных процессов перешел по наследству к неонародничеству. На мировоззрении последнего вместе с тем не могли не сказаться общественно-политические сдвиги в конце 90-х — начале 900-х годов: громадный рост пролетарского, социал-демократического движения, пробудившего к самостоятельному, активному протесту крестьянские массы.

Если в начале 90-х годов субъективистские теории народников выступали преимущественно своей консервативной, оппортунистической стороной, то теперь идеология народничества постепенно обретает радикально-демократический характер. Но субъективистская основа воззрений и тут дает себя знать: борьба за интересы крестьянства представляется как борьба за интересы «всего народа». Двигателем общественной борьбы по-прежнему выставляется интеллигенция, сознательное меньшинство — только в более расширенном варианте «всех недовольных, социалистически настроенных элементов».

Под этим флагом народничество и ведет теоретическую войну с марксизмом. Не будучи в силах игнорировать широкое распространение марксистских идей и огромную популярность их в революционной среде, народничество борется с марксизмом, так сказать, на его территории — перетолковывая социологические принципы марксизма в субъективистском духе, переделывая пролетарский социализм в «общенародный» (т. е. мелкобуржуазный).

Народники утверждали, что они выступают лишь против «догматиков» в марксизме. По их словам, русским социалистам незачем признавать «этих деревянно-неизменных, окостеневших, «метафизических» интересов слоев и классов, которые в таком ходу у некоторых русских марксистов... Они не верят в эти «вещи в себе», в эти «сущности»¹¹². А. И. Гомов упрекал марксизм «в подавлении морально-идеалистического начала и преоб-

---

¹¹² «По вопросам программы и тактики. Сборник статей из «Революционной России» [Б. м.], 1903, стр. 65.

ладающем развитии в социалистическом миросозерцании объективно-догматических формул». Поскольку, как считали мелкобуржуазные публицисты, «морально-идеалистическое начало» («идеалистическое» — в смысле стремления к идеалу) присуще каждому труженику, постольку «социализм вербует своих сторонников из всех слоев населения», он есть доктрина «всех угнетаемых и эксплуатируемых»¹¹³. Неонародники считали, что «преимущественное» внимание к пролетариату суживает возможности общественной борьбы.

На самом же деле именно расплывчатая надклассовая ориентация социалистов-революционеров и других мелкобуржуазных демократов ослабляла их натиск на самодержавие и помещиков, вносила организационный хаос в их ряды. На практике это приводило неонародников к культу «боевых групп» и интеллигентских организаций, слабо связанных с массовым движением. Не случайно, провозглашая «общенародные» цели борьбы, эсеры не очень-то надеялись на народ и держались в основном террористически-заговорщической тактики. Вот характерный образчик рассуждений теоретического органа социалистов-революционеров: «Сознательное и организованное меньшинство, именно потому, что оно революционно, и не думает пускать на голосование самое произведение переворота: оно производит его и ставит весь рабочий класс, ставит всех трудящихся перед совершившимся фактом»¹¹⁴. Идея «подарка» народу земли и воли — это плод, закономерно выросший на древе субъективной социологии.

Принципы неонародничества вызвали резкую критику со стороны марксистов. Острота критики была усилена тем обстоятельством, что народники 900-х годов (прежде всего социалисты-революционеры) выступали соперниками социал-демократии за влияние на пролетариат, засоряли пролетарское сознание реакционными мелкобуржуазными примесями. Раскрывая перед сознательными рабочими субъективистские, ненаучные идеи народничества, В. И. Ленин вместе с тем стремился выявить их классовое происхождение, их реальный смысл в освободительном движении.

¹¹³ А. И. Котов. Вопросы миросозерцания и тактики русских революционеров. Лондон, 1903, стр. 7, 36.

¹¹⁴ «Вестник русской революции», 1903, № 3, март, стр. 12.

Это надо иметь в виду, анализируя народнические теории, а также те или иные интерпретации со стороны народников положений марксизма. Социолого-экономическая система взглядов народничества выросла на определенной социальной почве, она отражала так или иначе интересы крестьянской демократии. Отношение революционных марксистов к народничеству определялось в конечном счете отношением пролетариата к крестьянски-трудовическому движению, объективным значением последнего на пролетарском этапе освободительного движения.

Будучи научной общественной теорией, марксизм не отбрасывает просто другие социальные учения (тем более социальные учения с демократической направленностью), а «преодолевают» их, указывает реальную проблематику и «земное» содержание самых отвлеченных социологических спекуляций, определяет их партийную принадлежность. Продолжим аналогию философского идеализма и субъективизма. «Философский идеализм,— разъяснял В. И. Ленин,— есть *только* чепуха с точки зрения материализма грубого, простого, метафизического»¹¹⁵. И субъективизм в социологии есть только нонсенс с позиций марксизма упрощенного, доктринерского. При рассмотрении различных идей мелкобуржуазной демократии (революционных демократов Г. Криге, Г. Джорджа, русских народников и пр.) Маркс, Энгельс и Ленин никогда не ограничивались их формально-теоретической оценкой, а давали им классовую, конкретно-историческую характеристику.

Важно иметь в виду еще и то, что верное и неверное, субъективное и объективное, реалистическое и романтическое сочетались в идеологии народничества отнюдь не механически, а представляли определенное органическое единство. Дело в том, что зигзаги и противоречия народнической мысли были не случайны, они отражали зигзаги и противоречия настроений крестьянской массы, на которую опирались народники, широкую амплитуду колебаний мелкой буржуазии. Отсюда утопическая окраска самых жизненных социальных требований, отсюда реалистический подтекст самых, казалось бы, нежизненных утопий.

---

¹¹⁵ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 29, стр. 322.

Возьмем один из центральных вопросов при оценке народнической идеологии — проблему соотношения утопического социализма и демократизма. Казалось бы, просто: демократизм — положительная сторона народнических воззрений, социалистические декларации — лишь внешняя оболочка, формальная сторона, субъективистское наслоение. Так полагают многие исследователи, ссылаясь на работы В. И. Ленина. Действительно, Ленин разграничивал эти две стороны народничества, но диалектически, а не метафизически.

Уже в 60—70-х годах демократическая, антифеодальная программа народничества выступает в утопическо-социалистической форме. Непосредственно «форма» объясняется влиянием западноевропейских идей; вслед за западной мыслью народническая демократия теоретически «преодолела» капитализм, хотя развитие буржуазных отношений в России было еще незначительным. Но влияние Запада явилось только толчком; социалистическая «форма» была опосредована содержанием общественной борьбы в России, остротой ее противоречий, тяжелым материальным положением трудящихся масс. Если употребить слова Добролюбова, крайности отражались крайностями; невыносимое экономическое и политическое угнетение толкало крестьянство и его идеологов-народников к радикальному лозунгу земли и воли. Народники полагали, что осуществление этих преобразований вкупе с укреплением общинной формы землевладения выведет Россию «за пределы» капитализма.

В чем была объективная основа народнической утопии? В возможности выйти за пределы «прусского» капиталистического развития на «американский», максимально-демократический путь. До экономических предпосылок социализма было бы еще далеко, но слом помещичьего землевладения в громадной степени ускорил бы развитие страны. Далее, как считали Маркс и Энгельс, в случае революционного взрыва крестьянско-якобинское движение вывело бы русскую революцию за пределы обычных либерально-буржуазных рамок (по типу 1848 г.). Наконец, социальный катаклизм в России мог бы вызвать революционный пожар в Европе, и тогда победивший западноевропейский пролетариат на деле помог бы русским социалистам реализовать их общинные проекты.

Ход событий повернулся иначе, и до революционного взрыва в России дело не дошло, хотя определенный объективный шанс для этого был. Но дело не в том, насколько этот шанс был значителен. Важно другое: насколько тесно — уже на этапе 60—70-х годов — народнический демократизм был связан с утопическим социализмом. Радикально-демократический характер крестьянских требований вплотную подводил народнических идеологов к мысли о *социализме*; и наоборот, именно *социалистическая* направленность народников обуславливала максимальный *демократизм* их программы. Поэтому В. И. Ленин указывал, что в народнической идеологии 70-х годов социализм и демократизм сливались в одно неразрывное целое.

Затем народничество переживает длительный период спада. Тускнеет *как* демократический, *так* и социалистический элемент народнических воззрений. И это является своеобразным подтверждением связи обоих элементов в народнической идеологии — только теперь неразрывность выступает, если можно так выразиться, со знаком минус: реальные демократические требования тонут в реакционно-утопических проектах «друзей народа», мещанский (вспомним ленинское: «крепостническо-бюрократически-буржуазно-социалистический эксперимент») «социализм» мешает последовательному проведению демократизма. К тому же научный, марксистский социализм, окрепший на базе растущего пролетарского движения в России, бесповоротно оттесняет на второстепенное место социализм утопический. В этот период В. И. Ленин и ставит задачу — отделить демократический элемент в народничестве от мнимо-социалистического, противопоставляя народникам «чистых» демократов, народоправцев или представителей «наследства» типа Скалдина. Применительно к 90-м годам постановка такой задачи определялась сложившейся общественной ситуацией и была исторически правомерной.

Практика показала затем, что на рубеже 90 — 900-х годов народничество в определенной степени вышло из длительного кризиса. И вновь выдвижение радикально-демократических требований было сопряжено с утопически-социалистическими планами. Это наводит В. И. Ленина на мысль о закономерности такого симбиоза демократических и утопически-социалистических компо-

нентов в пародничестве. «Неизбежность отраски революционных демократов в с.-р., беря с.-р., как тип»¹¹⁶, — записывает он в 1905 г. А несколькими годами позже, оценивая либеральную и демократическую тенденции на протяжении всей истории русского освободительного движения (Кавелина и Чернышевского, либералов и народников, кадетов и трудовиков), он высказывает принципиальное соображение о «связи утопического социализма со второй из них»¹¹⁷, связи вполне закономерной.

И сами народники 900-х годов по-своему подчеркивали эту связь. Социалисты-народники в России, писал Л. Шишко, всегда настаивали не только на «определении тех ближайших требований, которые должны быть выставлены... крестьянскими массами», но и на «признании необходимости... вовлечения в социалистическое движение трудовых крестьянских масс»¹¹⁸.

По мнению неонародников, пропаганда социализма непременно даст результаты, так как «у нас крестьянин в значительной степени воспитывался в традициях общинного землевладения и трудового начала, в нем еще живы взгляды на землю как на «ничью», «вольную»»¹¹⁹ и т. д.

Эти взгляды были неверны. Сама по себе национализация земли не могла вывести крестьянство из рамок капитализма. Никакая «социализация», никакой «идейный фактор» и общинные традиции не могли здесь ничего изменить. Но, будучи как таковая несостоятельной, утопической, программа «аграрной демократии» — в контексте общественной борьбы 900-х годов, когда гегемоном ее выступал пролетариат, — объективно оказывалась сопутствующей делу победы рабочего социализма в России. Национализация земли, радикальное демократическое решение аграрного вопроса помогли бы пролетариату в его борьбе. «Удар, нанесенный поземельной собственности, облегчит неизбежные дальнейшие удары собственности вообще; революционное выступление низшего класса с преобразованием, временно дающим узенькое благоденствие далеко не всем, облегчит неизбежное дальнейшее революционное выступление са-

¹¹⁶ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 10, стр. 369.

¹¹⁷ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 20, стр. 165.

¹¹⁸ Л. Шишко. По программным вопросам. М., 1906, стр. 39.

¹¹⁹ «По вопросам программы и тактики» [Б. м.], 1903, стр. 66.

мого низшего класса с преобразованием, которое действительно обеспечит полное человеческое счастье всем трудящимся»¹²⁰. Практика подтвердила эту ленинскую мысль — дистанция между буржуазно-демократической и социалистической революцией оказалась короткой. Произошло это прежде всего благодаря пролетариату, его гегемонии в революционной борьбе. Для этого имелись также предпосылки в крестьянстве.

В чем же заключалась эта «предрасположенность» крестьянских масс России (бедняков и середняков, которые составляли громадное большинство крестьянства) к социалистическим преобразованиям? В последовательной демократической направленности, в том, что русский крестьянин, как разъяснял В. И. Ленин, «даже и на сотую долю не «увязил коготок» в том участии в собственности, которое делает из буржуазии половинчатого противника, а зачастую и союзника феодалов»¹²¹. При благоприятном стечении обстоятельств антифеодальный порыв крестьянства мог привести к значительным социальным сдвигам, завести революцию по-якобински далеко. Но и в этом случае одно крестьянское движение не могло привести ни к чему большему, нежели «американский» путь развития капитализма. Только с появлением пролетариата в революционной борьбе, только под руководством единственно последовательного антикапиталистического класса крестьянство могло выйти «за пределы» капитализма, и вышло в результате социалистической революции 1917 г. Только тогда «аграрный демократизм» стал нечто большее, чем просто демократизм, и утопия народников перестала быть просто утопией. И тогда, как сказал В. И. Ленин на III Всероссийском съезде Советов, «стало очевидным, что есть здоровое, жизнеспособное, великое социалистическое зерно в учении тех, кто хотел крестьянство, в его трудовой части, присоединить к великому социалистическому движению рабочих всего мира»¹²². Однако проросло это зерно лишь на почве пролетарской революции в России, и не благодаря, а вопреки народникам — благодаря руководству крестьянством со стороны революционного пролетариата и его авангарда — ленинской партии.

---

¹²⁰ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 10, стр. 59.

¹²¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 22, стр. 121.

¹²² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 263.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы проследили основные этапы народнической теоретической мысли в конце XIX в. (включая 70 — 80-е годы), на которых менялось соответственно и отношение народнической идеологии к марксизму, «отражение» марксизма в народнических теориях.

С самого начала субъективная социология народничества была теоретическим антиподом марксистского мировоззрения, базирующегося на объективных закономерностях действительности. Однако в 70-х годах боевой демократизм и социалистические идеалы народников определили их симпатии к основателям научного социализма. Это обстоятельство облегчило переход некоторых народников (Г. В. Плеханов и др.) на позиции марксизма. Но и либеральное народничество долгое время более или менее доброжелательно относилось к марксизму. Авторитет Маркса среди народнической интеллигенции был так велик, что некоторые публицисты (Н. Ф. Даниельсон) объявляли себя сторонниками марксистского учения и пытались «по Марксу» доказать неприменимость марксизма к условиям России. Вообще внимание теоретиков народничества, народнической прессы к марксизму (дискуссия вокруг «Капитала», цитирование произведений и писем Маркса и Энгельса, изложение, хотя отрывочное и далеко не точное, их взглядов) сыграло определенную роль в пропаганде марксистских идей в России.

В 80-х годах в связи с развитием капитализма в России в большей степени выявляется тот факт, что народничество представляет собой идеологию мелкой буржуазии. Вместе с тем в обстановке политической реакции после поражения «Народной воли» в народничестве появляются оппортунистические тенденции. Это не замедлило сказаться на его социологических воззрениях. Дополненный экономическим романтизмом, субъективизм народников выразился в предлагаемой системе реформ «сверху», демократический смысл которых был скрыт в оболочке реакционно-утопических фантазий. По мере усиления мелкобуржуазных и либеральных элементов в народничестве все более обнаруживалась — не только объективно, но и субъективно — его несовместимость с марксизмом, с научным социализмом.

Этот процесс достиг апогея в середине 90-х годов. Абсолютизируя некоторые стороны общественно-экономического развития предшествующего периода (временный спад темпов производства, голод 1891 г., усиление политического влияния крепостников, абсолютистского государства и пр.), народнические публицисты приходят к мещанским теориям и программам «друзей народа». Одновременно они открывают поход против русских марксистов.

Последние дали достойный отпор «друзьям народа». 90-е годы знаменуют собой победу пролетарской идеологии, которая выдвигается на ведущее место в освободительном движении. В обстановке демократического подъема, массовых выступлений рабочих, упрочения русской социал-демократии (и под воздействием ее уничтожающей критики) часть народнического лагеря отмежевывается от линии «друзей народа» и стремится занять демократические позиции, сблизиться с представителями нелегальных народнических кружков и групп, деятельность которых к концу десятилетия заметно оживляется. Несколько иное направление получает и теоретическая борьба с марксизмом. Ряд народнических деятелей не могли не испытывать на себе влияние марксистских идей. Вместе с тем, наблюдая возрастающую роль марксизма среди оппозиционной интеллигенции, они пытались противопоставить ему самостоятельную линию, реставрируя и модернизируя основы традиционной субъективной социологии, предлагая «по-

правки» к марксизму. Оба эти момента выразились в сближении народничества с ревизионизмом.

В привлечении внимания общественной мысли к особенностям России и состояла определенная заслуга народничества. Но свои посылки оно доводило до абсурда, и потому народнические теории имели преимущественно негативное значение, показывая скорее, как *не надо* решать вопрос об особенностях России. Разработать эту проблему смог лишь революционный марксизм, ленинизм.

90-е годы явились переходным периодом в истории народнического движения и народнической идеологии. Длительный спад в 80—90-х годах сменился на рубеже XX в. относительным подъемом, определенной консолидацией народнических сил. И хотя основу народнического мирозерцания по-прежнему составлял социологический субъективизм, но в контексте общественной борьбы 900-х годов, когда вслед за рабочим классом против самодержавия и крепостничества поднялись крестьянские массы, его содержание, его общественно-политический смысл не могли не видоизмениться.

Заслугой народничества было выдвижение лозунга национализации земли революционным путем, демократическое решение аграрного вопроса. Требование национализации земли фактически было еще в программах народничества 70-х годов. В зачаточной форме эта идея проводилась в сочинениях легальных народников 80-х годов (В. П. Воронцов и др.). Но особое значение она приобрела в период первой буржуазно-демократической революции как выражение исконного крестьянского требования земли и воли. Вместе с тем народники (прежде всего социалисты-революционеры), исходя из утопически-социалистических взглядов, дополняли это демократическое мероприятие «социализаторскими» проектами. Обоснование такого рода «прибавок» было со стороны народников теоретически несостоятельным, покоилось на субъективистской трактовке общественного процесса, на непонимании экономических и политических предпосылок социализма.

«Партия большевиков,— говорится в многотомной «Истории Коммунистической партии Советского Союза»,— последовательно борясь с программными и тактическими установками мелкобуржуазных партий, разобла-

чая их непоследовательность и соглашательство, в то же время не могла не считаться с тем, что они в той или иной мере представляли массы трудящегося и эксплуатируемого населения, являлись сторонниками демократического переворота. Большевики исходили из того, что в такой преимущественно мелкобуржуазной стране, как Россия, было совершенно неизбежно образование идейно шатких и политически неустойчивых мелкобуржуазных партий. Свою задачу они видели в том, чтобы максимально использовать силы мелкобуржуазной демократии в борьбе за свержение царизма. Отсюда вытекала чуждая сектантству и доктринерству левоблокистская тактика большевистской партии в условиях борьбы за осуществление буржуазно-демократического переворота»¹.

Не случайно В. И. Ленин в применении к характеристике неонароднического движения и неонароднических теорий использовал известный тезис Ф. Энгельса — ложное в формально-экономическом смысле может быть истиной во всемирно-историческом смысле². Для В. И. Ленина и большевиков было важно выявить реальное значение народнически-крестьянского движения, его демократический характер. Максимально демократическая аграрная программа способствовала борьбе рабочего класса и его гегемонии в союзе с крестьянством — не только в буржуазно-демократической революции, но и при переходе ее в социалистическую.

Это, однако, вовсе не свидетельствует о каком бы то ни было теоретическом сближении народнической и марксистской социологии в 900-х годах. Напротив. С появлением неонароднического течения в конце 90-х — начале 900-х годов и в дальнейшем борьба между марксистской и народнической идеологиями обострилась, поскольку последняя выступила с претензией на гегемонию в революционном движении под флагом объединения пролетариата и крестьянства в «трудовой народ».

Позаимствовав у европейского оппортунизма «марксистскую» терминологию, неонародники пытались влиять на революционное сознание рабочего класса, приносили в него мелкобуржуазные примеси. Перед марксистами стояла задача опровергать не только традиционные для народничества субъективистские принципы, но и их реви-

¹ История Коммунистической партии Советского Союза. Том второй. М., 1966, стр. IX.

² См. В. И. Ленин. Две утопии. Полное собрание сочинений, т. 22.

сионистское облачение, «отраженше» марксизма в мелко-буржуазной литературе.

Здесь, в соотношении народничества с марксизмом особенно наглядно проявился теоретический порок субъективизма: чем более *объективно* сближались народники (в демократическом направлении своих требований) с борьбой рабочего класса, тем менее они осознавали этот факт *субъективно*, теоретически, тем острее и непримиримее становились их споры с марксизмом, тем резче выступали недостатки народнической системы взглядов.

Идеологическая несостоятельность, теоретическая беспомощность были одной из причин идейно-политического краха народнических лидеров в 1917 г. В своих произведениях В. И. Ленин неоднократно подчеркивал это характерное несовпадение объективного смысла народнических требований и их субъективно-теоретического выражения в народнической идеологии. Он дал блестящие образцы критики народничества — методологически последовательной, выдержанной с позиций подлинно научного социализма.

И огромное достоинство ленинской критики состояло в том, что она была созидательной. Отвергая социологический субъективизм народнических теорий, В. И. Ленин вскрывал их реальное демократическое содержание, их связь с движением широких масс мелкобуржуазного крестьянства России. Это было необходимо для того, чтобы определить отношение рабочего класса к этому движению, чтобы повести за собой беднейшее и среднее крестьянство в буржуазно-демократической и социалистической революциях

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абрамов Я. В.** 78, 104
Авенариус Р. 115, 138, 140
Александр II 45
Александр III 102
Андреевич Е (Соловьев Е. А.) 27
Анненский Н. Ф. 79, 107—112, 121, 122, 124, 147, 152
Антонович М. А. 18
Анфимов А. М. 132
Аптекман О. В. 16, 100

Бакунины М. А. 44
Бастиа Ф. 38
Беккер И. Ф. 45
Бердяев Н. А. 125, 126, 141, 142
Березовская Ж. И. 112
Бернштейн Э. 133, 134, 135, 140, 144
Биллингтон Д. 13
Блан Луи 39
Боборькин П. Д. 115
Богданов А. А. 118
Богданович А. И. 100
Богучарский В. Я. 119
Бокль Г. 89
Брусиловский И. И. 133
Булатов Г. П. 29
Булгаков С. Н. 117, 119, 139, 150
Буренин В. П. 38
Бух Л. К. 133

Введенский А. И. 116
Ветринский Ч. (Чешихин В. Е.) 104

Виндельбанд В. 139
Витте С. Ю. 108
Воден А. 93
Водзинский Е. И. 116
Волин Я. Р. 11
Володин А. И. 16
Вольнский А. (Флексер А. Л.) 115
Вормс Р. 114
Воровский В. В. 119, 153
Воронцов В. П. 43, 55—58, 60—63, 65, 68, 69, 74, 77—79, 84, 85, 100, 104, 126, 129, 130, 133, 145, 148, 149, 169
Вырубов Г. Н. 116
Вышнеградский И. А. 72

Гак Г. М. 10
Галактионов А. А. 16, 30, 31
Гатти Д. 146
Гегель 136
Генкина Э. Б. 10
Герц Ф. 134, 143, 144
Герцен А. И. 29, 40, 44, 63, 64
Головин И. Г. 44
Гольдштейн М. Ю. 116
Гольцев В. А. 114, 115
Гоц М. Р. 147, 148
Гранский С. В. 50
Греф Г. 114
Грот Н. Я. 117
Гэд Ж. 124

- Давид Э. 143, 146
 Даниельсон Н. Ф. 6, 11, 30, 45,
 54—56, 58—63, 68, 69, 74—80,
 84, 85, 91, 92, 100—102, 123,
 129, 130, 133, 134, 140, 148,
 168, 170
 Дарвин Ч. 31
 Дейч Л. Г. 102
 Джордж Г. 162
 Добролюбов Н. А. 45, 63
 Дорожкин П. Г. 10
 Дюринг Е. 39
 Дюркгейм Э. 114
 Елисеев Г. З. 12, 55
 Житловский Х. Г. 122, 147
 Жорес Ж. 137
 Жуковский Ю. Г. 39, 40, 42
 Зак Л. С. 89
 Зак С. С. 134, 147
 Засулич В. И. 35, 47, 50, 102, 105
 Зибель Г. 40
 Зибер Н. И. 7, 43
 Зиммель Г. 115, 135, 137, 140
 Зорге Ф. А. 46
 Иванов В. В. 10
 Ивановский В. В. 115
 Иванчин-Писарев А. И. 78, 92,
 102, 103
 Исаев А. А. 102, 120
 Итенберг Б. С. 29
 Каблиц И. И. (Юзов И.) 77—79
 Каблуков Н. А. 65, 104
 Кавелин К. Д. 165
 Калмыкова А. М. 110
 Камушкина М. В. 157
 Кант И. 137, 139
 Каракозов Д. В. 27
 Каратаев Н. К. 8, 10, 58
 Кареев Н. И. 28, 114, 118
 Карлейль Т. 37
 Карпович П. 147
 Карышев Н. А. 71, 79—81, 100
 Катков М. Н. 38
 Каутский К. 90, 143
 Кауфман И. И. 7
 Кирпичников А. И. 115
 Кистяковский Б. А. 117
 Ключевский В. О. 115
 Кобылин А. А. 27
 Ковалевский М. М. 114
 Ковалик С. Ф. 41
 Коген Г. 139
 Козьмин Б. П. 11, 15, 16
 Колесников Н. Т. 10
 Комов А. И. 160, 161
 Конт О. 17, 18, 24, 25, 38, 39, 89
 Конюшая Р. П. 50
 Короленко В. Г. 31, 79, 103, 107,
 110—112, 121, 127
 Костко К. 10
 Кривенко С. Н. 69, 78, 81—84,
 86, 89, 100, 103—105, 109, 111,
 126, 149
 Криге Г. 162
 Куприянов П. М. 157
 Лавров Е. И. 11
 Лавров П. Л. 9, 16, 17, 19—25,
 27—29, 34, 41, 45, 56, 135—137,
 145
 Лакомб П. 114
 Ланге Ф. А. 39, 133, 139
 Лапшин И. И. 116
 Лассаль Ф. 38, 125
 Лекторский В. А. 18
 Ленин В. И. 5, 6, 8—11, 13, 14,
 29, 39, 42, 43, 45, 48, 53—56,
 60, 61, 63—67, 71, 72, 74, 78, 81,
 87, 90, 93, 94—102, 104, 105,
 110—119, 121, 130—132, 138,
 139, 141, 145, 146, 151—159,
 161—167, 170, 171, 172
 Леонтьев К. Н. 38
 Лесевич В. В. 116
 Летов Б. Д. 112
 Лиленфельд П. Ф. 24
 Ломброзо Ц. 37
 Лопатин Г. А. 45, 51, 61
 Лопатин Г. М. 117
 Луначарский А. В. 153
 Лященко П. И. 71, 72
 Мандельштам Г. Н. 93
 Мануилов А. А. 123, 125
 Марков Д. 10
 Маркс К. 6—8, 14, 30, 38—53, 55,
 57—62, 67, 68, 74—76, 89—92,
 97, 100, 117, 118, 121, 133—
 136, 140—145, 148, 159, 162,
 163, 168
 Мартов Ю. О. 124
 Мах Э. 115, 138, 140

- Мачтет Г. А. 104
 Мейер З. 45
 Миль Д. С. 18, 89
 Миллюков П. Н. 115
 Михайловский Н. К. 9, 12, 13, 17,
 21—28, 30—43, 52, 55, 56, 68,
 69, 78, 79, 83—86, 88—94, 96,
 100—104, 114, 118, 120—126,
 129, 130, 134—141, 145—147
 Мокиевский П. В. 116, 121, 122
 Мякотин В. А. 123, 129, 147, 152
 Натансон М. А. 100
 Наторп П. 139
 Никандров П. Ф. 16, 30, 31
 Ницше Ф. 86
 Ножин Н. Д. 27
 Обнинский П. Н. 106, 115
 Оболенский Л. Е. 103, 104, 115
 Ольминский М. С. 153
 Оствальд В. 115, 116
 Павленков Ф. Ф. 114
 Панов А. В. 146
 Паульсен Ф. 115
 Петр I 33
 Петров С. М. 9
 Пешехонов А. В. 111, 127, 128,
 132, 147—149, 151—153
 Писарев Д. И. 18
 Плевэ В. К. 126
 Плеханов Г. В. 14, 29, 56, 61, 75,
 82, 90, 93, 102, 104, 105, 115,
 117, 119, 120, 123, 136, 165,
 168
 Покровский М. Н. 50
 Полевой Ю. З. 7, 93
 Попов И. И. 35
 Попов Н. П. 8
 Потресов А. Н. 120
 Протопопов С. Д. 79, 83
 Пругавин В. В. 65, 79
 Пуанкаре А. 115
 Радищев А. Н. 149
 Раппопорт Х. Л. 142, 147
 Расулов Т. А. 8, 9
 Ратнер М. Б. 121, 131, 134, 135,
 143, 147, 148, 150
 Ремезов М. Н. 115
 Ренан Э. 39
 Реуэль А. Л. 7, 50
 Риккерт Г. 139
 Риль А. 137
 Роберти-де Е. В. 116
 Рубинштейн Н. Л. 115
 Русанов Н. С. 62, 78, 88, 92, 102,
 103, 121, 123—125, 134, 147, 148,
 165
 Руссо Ж.-Ж. 89
 Сазонов Г. П. 77, 78
 Сведенцов И. И. 110
 Седов М. Г. 30
 Семин И. 157
 Сильвин М. А. 100
 Скабичевский А. М. 103
 Скальковский К. К. 32
 Скворцов А. 150
 Слетов С. 150
 Слобожанин М. 104
 Слонимский Л. С. 121
 Соловьев В. С. 115—117, 121
 Соловьев М. П. 93
 Спенсер Г. 17, 18, 24, 25, 39
 Спиридов П. А. 27
 Спиридович А. И. 147
 Станюкович К. М. 78
 Стеклов Ю. М. 125
 Столыпин П. А. 156
 Стронин А. И. 24
 Струве П. Б. 6, 88, 90, 91, 93, 98,
 105, 119, 125, 126, 129, 139, 141,
 142
 Сэй Ж.-Б. 38
 Тард Г. 114
 Тимирязев К. А. 117
 Тихомиров Л. 54
 Ткачев П. Н. 29, 46, 54
 Томсон Д. 115
 Трубецкой Е. Н. 117
 Трубецкой С. Н. 117
 Туган-Барановский М. И. 6, 90,
 105, 110, 119, 125
 Уоллес А. 36
 Уорд Л. 114
 Успенский Г. И. 79
 Федосеев Н. Е. 14, 89, 93
 Фейербах Л. 140
 Фигнер В. Н. 41
 Фигуровская Н. К. 11
 Филиппов А. Н. 115
 Филиппов М. М. 115
 Филиппов Р. В. 16

- Флеровский Н. (Берви В. В.) 44
Фольмар Г. 146
Фулье А. 114
- Халипов Н. 10
Хвольфсон О. Д. 116
Худяков И. А. 27
- Чагин Б. А. 8, 11
Челпанов Г. И. 116
Червинский П. П. 34
Чернов В. М. 100, 114, 133, 135—
142, 144, 145, 147, 148, 153
Чернышевский П. Г. 17, 18, 26,
29, 30, 32—34, 45, 61, 63, 79, 83,
89, 165
Чехов А. П. 129
Чичерин Б. Н. 38
Чунихина Г. 157
Чупров А. И. 113
- Шаховской Л. 8
Шестаков М. Г. 10, 156
Шиппель М. 143
- Шишко Л. Э. 114, 121, 122, 142,
147, 148, 165
Шмидт К. 139
Шопенгауэр А. 19
Штаммлер Р. 137
Шульгин В. В. 7
Шульце-Геверниц Ф. Г. 125
- Щедрин Н. Е. 31
- Энгельс Ф. 7, 14, 30, 43—53, 61,
62, 74—76, 89, 90, 115, 118, 133,
140, 145, 162, 163, 168
Эрист П. 143
- Южаков С. Н. 79—81, 84—86, 89,
94, 103, 104, 115, 118, 134
- Якуб Г. 10
Якубович П. Ф. 35, 88, 103, 119—
121, 123, 124, 131, 142, 147, 152
Ярмолинский А. 13
Ярославский Е. М. 8
Яроцкий В. Г. 104

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
<i>Глава первая.</i>	
Теоретический субъективизм народничества в 70—80-х годах	15
Генезис субъективной социологии	15
Н. К. Михайловский	30
Н. Михайловский и К. Маркс	38
К. Маркс и Ф. Энгельс о народничестве	43
Народники-экономисты. Н. Ф. Даниельсон	53
В. И. Ленин об экономических идеях народничества	63
<i>Глава вторая.</i>	
Идейный кризис «друзей народа»	69
Общественно-экономическая обстановка к началу 90-х годов	70
Переписка Н. Ф. Даниельсона с Ф. Энгельсом	74
«Русское богатство» в первой половине 90-х годов	78
Полемика против марксизма	87
Марксистская критика народнических теорий	93
Размежевание в народническом лагере	101
Перемены в «Русском богатстве»	106
<i>Глава третья.</i>	
Зарождение неонародничества	113
Общественная мысль во второй половине 90-х годов	113
На распутье	119
Теория «трудового хозяйства»	127
Народничество и ревизионизм	133
Неонародничество	146
Народничество XIX и XX вв.	155
Заключение	167
Именной указатель	172

55 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»